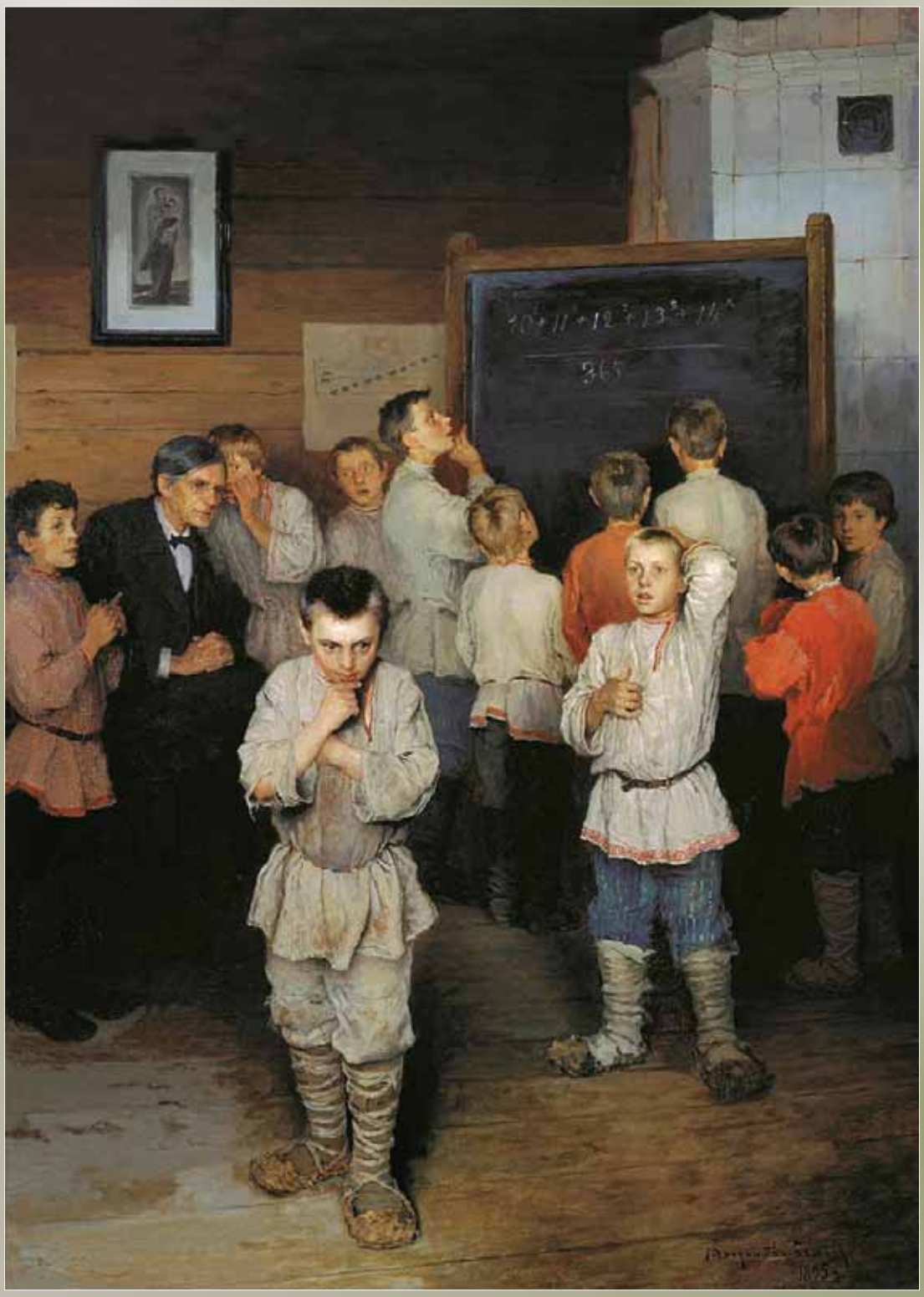
Орден Знак Почета

смена

№9 СЕНТЯБРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2014

смена

№9 сентябрь 2014



О жизни и творчестве
художника Николая Богданова-Бельского читайте на стр. 66

СМЕНА сентябрь 2014 16+

Забытые страницы

Рафаэль Соколовский **«Штыком» и «Мечом»**.....4

Российские династии

Светлана Бестужева-Лада **Фаберже**.....14

Неизвестное об известном

Николай Черкашин **Первая мировая: атакуют русские подводники**.....30

Рассказ

Эдгар Уоллес **Белые чулки** 46

Хелью Ребане **Талия** 88
Аналитик 91
Талия 96

Поэзия

Виктор Кашкин, Олег Севрюков, Надежда Охрименко **Стихи**..... 61

Шедевры

Ирина Опимах **Николай Петрович Богданов-Бельский. «Устный счёт. В школе С.А. Рачинского**..... 66

Рандеву

Елена Воробьева **Эвклид Кюрдзидис: «Всё родом оттуда, из детства...»** 77

Неизвестное об известном

Евгения Гордиенко **Сэр Шотландец** 98

Житейские истории

Андрей Лопатин **Муза**..... 108

Минувшее

Денис Логинов **Изабелла Кастильская**..... 112

Детектив

Александр Аннин **Клуб «Монреаль»**.....124

Кроссворд. Эрудит 188

смена

сентябрь 2014

Основан в январе 1924 года

№ 1799

Главный редактор, генеральный директор — Кизилов Михаил Григорьевич

Заместитель главного редактора — Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru

Арт-директор — Веселова Надежда Александровна

Директор по распространению — Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru

Web-редактор — Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru

Корректор — Чекова Валентина Михайловна

Обложка — Актер театра и кино Эвклид Кюрдзидис (фото из личного архива)

Иллюстрации — Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор» ОАО «Первая Образцовая типография»**
Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.
Зак. №3955
Цена свободная
Номер подписан в печать: 20.08.2014

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Татьяна Колоколова
13 лет, ученица Лицея математики и информатики,
г. Саратов

ВРЕМЕНА ГОДА

Зима по звукам похожа на голос твой.
Пахнет ангиной, елкой, грустью и снегом.
Мне, по правде, себя бы сровнять с землей,
Тебя же, напротив, сровнять скорее с небом.
Осень тронет тебя омертвелой листвой.
Опрокинет на тебя вкусный кофе и выдавит в лужу.
Мне бы, честно, гулять постоянно с тобой
Или дома быть вместе, и в холод, и в стужу.
Лето порадует солнцем раз в месяц, не более,
Музыкой новой, вывесками и мороженым.
Мне бы рукою быть, сжатой тобою до боли,
С тобой бы вперед идти, против толпы прохожих.
Весна разукрасит асфальт, лица, волосы, руки,
Снег поменяет на воду, мозг — на сердце.
Как бы ты с переменами не умер от скуки.
Главное – выжить, не выть и просто — надеяться.

Рафаэль Соколовский

Ни в одной статье об Аркадии Аверченко и даже в биографической книге В. Миленко, выпущенной в серии ЖЗЛ, вы не найдете объяснения, каким образом провинциальный журналист и начинающий провинциальный писатель, кстати, с начальным гимназическим образованием, приехавший из Харькова в Петербург, возглавил новый журнал «Сатирикон» и буквально на глазах сделал его одним из самых популярных изданий в России. Но именно так все и начиналось…

«Штыком» и «Мечом»

Промозглым январским днем в Петербурге появился молодой человек, явно провинциал — он бродил по улицам, присматриваясь к вывескам столичных изданий, а увидев вывеску редакции журнала «Стрекоза», на секунду задумался, собрался и уверенно вошел в здание. Его без всяких проволочек принял издатель журнала М.Г. Корнфельд. Судя по тому, что разговор затянулся, молодой человек явно заинтересовал хозяина юмористического издания. Более того, он пригласил гостя на очередное еженедельное редакционное заседание, куда обычно не было доступа посторонним. Сотрудники «Стрекозы» встретили новенького неприветливо, давая всячески понять, что он здесь незваный гость, а Корнфельду выразили свое возмущение по поводу того, что он

приводит в «святая святых» людей с улицы. Гость из провинции, не обращая внимания на враждебную встречу, по ходу обсуждения очередного номера «Стрекозы» высказал ряд очень дельных замечаний и, как бы между прочим, подбросил несколько тем для карикатур. Провинциал явно не был так прост, как показался на первый взгляд, и к нему стали прислушиваться. В нем была какая-то открытость, обаяние, он фонтанировал разными идеями, так что на втором заседании он уже был признан своим. Так на российском сатирическом небосклоне появился Аркадий Тимофеевич Аверченко, вскоре вставший к штурвалу нового сатирического журнала «Сатирикон» и сделавший его популярнейшим изданием в России.

Ведь порхающая «Стрекоза» заранее настраивала читателей на легкий непрезентабельный юмор. Надо придумывать что-то другое.

В споре о новом названии художник Алексей Радаков очень кстати вспомнил сатирический роман Петрония «Сатирикон» о нравах Римской империи при Нероне. Этот вариант, в конце концов, будущие сотрудники сочли самым подходящим для названия нового журнала, нацеленного на сатирическое изображение российской действительности. И в программе, напечатанной в первом номере журнала, прозвучало намерение сделать «Сатирикон» общественно-значимым изданием, бичующим политическую жизнь и нравы России. Редактором М.Г. Корнфельд назначил Алексея Радакова, талантливого художника, но большого чудака и человека безалаберного. С первых же дней работы новой редакции обнаружилось, что он не обладает профессиональными навыками редактора. Правда, тот же Корнфельд подстраховался, поставив секретарем нового издания Аркадия Аверченко, зная, что тот выпускал в Харькове журналы «Штык» и «Меч», да и хорошо зарекомендо-

Провинциал был не так-то прост, как показался на первый взгляд, и к нему стали прислушиваться. В нем была особенная открытость и обаяние, он буквально фонтанировал разными идеями, и вскоре был признан своим в редакции

Появился в «Стрекозе» Аркадий Аверченко по счастливой случайности — именно в тот момент, когда его сотрудники вместе с издателем ломали головы, как спасти от гибели захиревший журнал. Аверченко посоветовал, прежде всего, изменить приевшееся читателям название, содержание и внешний облик издания, адресованного лишь невзыскательной публике для развлечения.

вал себя в качестве журналиста в «Стрекозе. И хозяин журнала, и сотрудники убедились, что провинциал обладает крепкой редакторской рукой и поразительной энергией, пишет смело, остро и остроумно. Стало очевидным, что в редакции появился лидер, способный повести за собой коллектив и притом обладающий феноменальной изобретательностью.

К моменту подготовки девятого номера Аверченко уже сменил Радакова на капитанском мостике и уверенно повел журнал к успеху, сумев привлечь к сотрудничеству в «Сатириконе» новые силы сатириков и художников. В каждом номере со стихами выступал Саша Черный, постоянными сотрудниками стали Тэффи, Владимир Азов, Аркадий Бухов, О. Дымов, Георгий Ландау, Исидор Гуревич, широко была представлена сатирическая поэзия Н. Агнивцева, П. Горянского, В. Князева, В. Маяковского и А. Грина.

С легкой руки Аверченко появились новые журнальные рубрики, которые вел он сам. Кроме того, редкий номер выходил без его юмористического рассказа и политического фельетона, подписанными самыми разными псевдонимами — то Фома Опискин, то Фальстаф, то Медуза Горгона. Начали выходить специальные номера на злобу дня: о летнем отдыхе, о пошлости, о полицейских, о студентах, о взятках, а два спецномера были юбилейными — один посвящен столетию со дня рождения Н.В. Гоголя, другой — Козьме Пруткову. Одним словом, журнал обрел свое неповторимое лицо, чему способствовали талантливые карикатуристы — Ре-Ми (Ремизов), А. Радаков, А. Юнгер, А. Яковлев. Что поразительно, Аверченко сумел привлечь художников из «Мира искусства», далеких, казалось бы, от сатиры — Л. Бакста, А. Бенуа, М. Добужинского, Б. Кустодиева, К. Коровина. Имена-то какие! Званными гостями в «Сатириконе» стали А.И. Куприн, Леонид Андреев, А.Н. Толстой, своеобразную духовную ауру создавали журналу стихи А. Блока, Н. Гумилева, Г. Иванова, О. Мандельштама. А в 1910 году появилась знаменитая библиотека «Сатирикона».

Редкий номер выходил без его юмористического рассказа или политического фельетона, подписанными самыми разными псевдонимами — то Фома Опискин, то Фальстаф, то Медуза Горгона

Откуда у провинциала такая прыть? Не случайно М.Г. Корнфельд пригласил «человека с улицы» на редакционное заседание: из разговора с Аркадием Аверченко он узнал, что тот редактировал в Харькове сатирические журналы «Штык» и «Меч», тиражи которых были… чуть ли не

вдвое выше, чем у столичной «Стрекозы»! Редактировал — не то слово, Аверченко делал эти журналы от корки до корки сам, вплоть … до карикатур на обложках.

В годы первой русской революции (с 1905 по 1907 гг.) в России выходило множество сатирических изданий — различные «Адские почты» «Сигналы», «Пулеметы». В 1906 году к ним присоединился харьковский «Штык» вчерашнего конторского служащего Аркадия Аверченко. Это было несомненной дерзостью — соревноваться со столичными сатирическими изданиями, которые делали профессиональные писатели, журналисты и карикатуристы. Тем не менее, по своему содержанию и политической остроте он нисколько им не уступал. Хотя редактором «Штыка» числился А. И. Бахмач, на самом деле здесь полностью распоряжался Аркадий Аверченко, который печатался на страницах журнала как под своей фамилией, так и под множеством псевдонимов.

Само название журнала «Штык» обуславливало его острую политическую направленность. Все материалы — от фельетонов до анекдотов, от стихов до карикатур — носили разоблачительный характер. Например, в фельетоне «Маньяк» российский гражданин пытался защитить свои права, ссылаясь на царский манифест, однако в полицейском участке… ничего якобы о нем не знали, более того, день провозглашения манифеста в полицейском календаре вообще не значится. Иначе говоря, гражданские права и свободы даро-

ваны народу, чтобы лишь успокоить его, а вовсе не для установления в стране каких-то примет демократии.

Как была Россия полицейским государством, так и осталась после манифеста от 17 октября. В ироническом письме от имени англичанина Самуэля Уэллера как раз о том и говорилось: он восхищался тем, что в отличие от Англии здесь для защиты населения существует невероятное количество полицейских участков: «Нигде жизнь человеческая не охраняется так хорошо, как в России. Представьте себе, что здесь есть даже специальные охранные отделения, чего наша родная Англия едва ли когда-нибудь дождется». Бедный наивный англичанин! Если бы он знал, для чего созданы эти охранные отделения. Дух репрессий хорошо передан в поговорке: «С миру по нитке — россиянам веревка», и в попу-

лярном тогда анекдоте: «Отчего умер ваш муж?» — «Естественной смертью». — «А именно?» — «Повешен».

Понятно, что по выходу девятого номера журнал «Штык» был запрещен. Однако Аверченко не был бы Аверченко, если бы успокоился. Он стал издавать новый журнал сатиры и назвал его — «Меч». Возвращаясь снова и снова к теме о гражданских свободах, Аверченко опубликовал в нем четверостишие, хорошо выразившее дух того времени:

Каждый может встать и лечь.
Дать простор движению.
Кушать, пить, варить и печь.
Но… по усмотрению.

Ясно, по чьему. А в фельетоне «Преступники» был представлен протест обывателей, кто тайно собирается на конспиративной квартире, чтобы сообща показать властям предержащим …кукиш в кармане.

Редактируя, а вернее, заполняя своими фельетонами, театральными

рецензиями, сатирическими стихами, анекдотами на злобу дня, различной мелочевкой все номера журналов «Штык» и «Меч», Аверченко продемонстрировал свои недюжинные способности и невероятное трудолюбие. Он был, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Вот совершенно поразительная грань таланта писателя — он рисовал обложки, карикатуры, заставки. Конечно же, на них лежала печать самодеятельного художника, и профессионалы, наверняка, найдут в них уйму погрешностей, но другого выхода у Аверченко-редатора не было. Где ему было найти в провинции профессионального карикатуриста?

Между тем, придя в «Сатирикон», где печатались лучшие российские художники, он свои работы больше не показывал, однако темы для карикатур разбрасывал щедрой рукой. Но в революционные годы, когда Аверченко параллельно с «Новым Сатириконом» выпускал журнал «Барабан», он вернулся к своей «забытой» профессии и печатал в нем рисунки или вообще без подписи, или под псевдонимом «Ямбо». Вот как он рассказывает о причине закрытия журнала:

«Другой мой журнал «Барабан» был … закрыт за две карикатуры — Радаковскую и мою.

На первой — Вильгельм II сыплет золото в жадно подставленные руки Ленина и Троцкого. Подпись: "Единственный договор, который большевики не опубликовали".

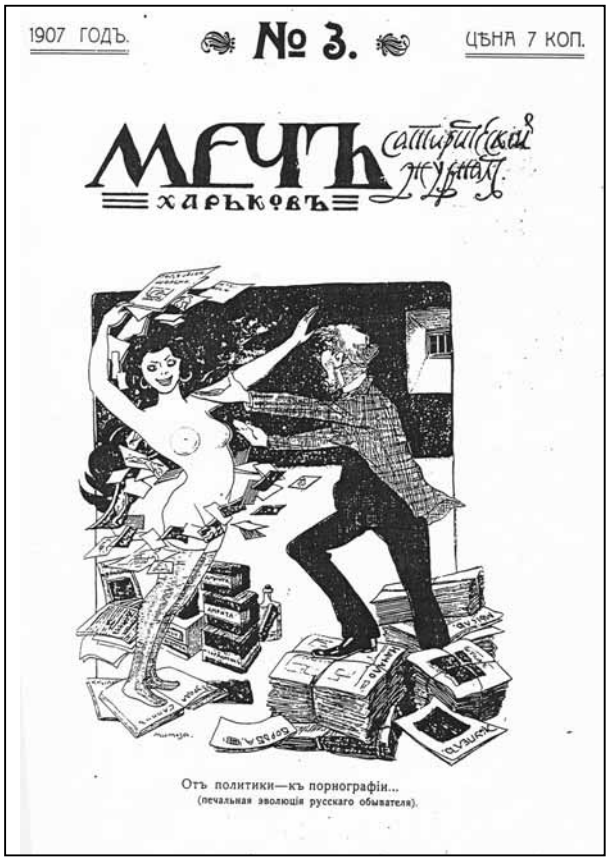
На втором рисунке — пергаментный свиток за печатью и надписью: "Самый прочный договор в мире, скрепленный кровью… генерала Скалона"».

(Как известно, большевистский представитель на брестских переговорах с немцами генерал Скалон не смог вынести этого позорного мира и застрелился).

Возвращаясь к харьковской странице жизни и творчества Аркадия Аверченко, остается сказать, что «Меч» недолго разил врагов свободы и демократии и на четвертом номере был запрещен. А его редактору ничего другого не оставалось, как в поисках своего места под солнцем отправиться в Петербург, где вскоре он стал редактором знаменитого «Сатирикона» и знаменитым на всю Россию писателем.

По выходу девятого номера журнал «Штык» был запрещен. Однако Аверченко не был бы Аверченко, если бы успокоился на этом. Он открыл новый журнал сатиры и назвал его — «Меч». В нем он с новой силой продолжал разоблачать самодержавный режим

«Сатирикон» и «Новый Сатирикон» оставили глубокий след в рус-



ской сатирической журналистике, и не случайно все «Смехачи», «Бегемоты» и тот же «Крокодил» в немалой степени старались по-своему подражать этому уникальному изданию, а его авторы А. Аверченко, А. Бухов, О. Дымов, Г. Ландау, О.Л. Д'Ор, Тэффи, Саша Черный и другие в своих лучших образцах спустя более столетия по-прежнему радуют своим словом, своим юмором современного читателя.

Аркадий Аверченко

ПОЭТ

— Господин редактор, — сказал мне посетитель, смущенно потупив глаза на свои ботинки, — мне очень совестно, что я беспокою вас. Когда я подумаю, что отнимаю у вас минутку драгоценного времени, мысли мои ввергаются в пучину мрачного отчаяния... Ради Бога, простите меня!

— Ничего, ничего, — ласково сказал я, — не извиняйтесь.

Он печально свесил голову на грудь.

— Нет, что уж там... Знаю, что обеспокоил вас. Для меня, не привыкшего быть назойливым, это вдвойне тяжело.

— Да вы не стесняйтесь! Я очень рад. К сожалению, только ваши стишки не подошли.

— Э? — Разинув рот, он изумленно посмотрел на меня. — Эти стишки не подошли?!

— Да, да. Эти самые.

— Эти стишки?! Начинающиеся:

Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать...

Эти стихи, говорите вы, не пойдут?!

— К сожалению, должен сказать, что не пойдут именно эти стихи, а не какие-нибудь другие. Именно начинающиеся словами:

Хотел бы я ей черный локон...

— Почему же, господин редактор? Ведь они хорошие.

— Согласен. Лично я очень ими позабавился, но... для журнала они не подходят.

— Да вы бы их еще раз прочли!

— Да зачем же? Ведь я читал.

— Еще разик!

Я прочел в угоду посетителю еще разик и выразил одной половиной лица восхищение, а другой — сожаление, что стихи все-таки не подойдут.

— Гм... Тогда позвольте их... Я прочту! «Хотел бы я ей черный локон...»

Я терпеливо выслушал эти стихи еще раз, но потом твердо и сухо сказал:

— Стихи не подходят.

— Удивительно. Знаете что: я вам оставлю рукопись, а вы после вчитайтесь в нее. Вдруг да подойдет.

— Нет, зачем же оставлять?!

— Право, оставлю. Вы бы посоветовались с кем-нибудь, а?

— Не надо. Оставьте их у себя.

— Я в отчаянии, что отнимаю у вас секундочку времени, но...

— До свиданья!

Он ушел, а я взялся за книгу, которую читал до этого, и, развернув ее, увидел положенную между страниц бумажку. Прочел:

Хотел бы я ей черный локон...
Каждое утро чесать
И, чтобы не гневался Аполл...

— Ах, черт его возьми! Забыл свою белиберду... Опять будет шляться! Николай! Догони того человека, что был у меня, и отдай ему эту бумагу.

Николай помчался вдогонку за поэтом и выполнил мое поручение.

В пять часов я поехал домой обедать.

Расплачиваясь с извозчиком, сунул руку в карман пальто и нащупал там какую-то бумажку, неизвестно как в карман попавшую.

Вынул, развернул и прочел:

Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать... и т.д.

Недоумевая, как эта штука попала ко мне в карман, я пожал плечами, выбросил ее на тротуар и пошел обедать.

Когда горничная внесла суп, то, помявшись, подошла ко мне и сказала:

— Кухарка чичас нашла на полу кухни бумажку с написанным. Может, нужное.

— Покажи.

Я взял бумажку и прочел:

— «Хотел бы я ей черный ло...» Ничего не понимаю! Ты говоришь, в кухне, на полу? Черт его знает... Кошмар какой-то!

Я изорвал странные стихи в клочья и в скверном настроении сел обедать.

— Чего ты такой задумчивый? — спросила жена.

— Хотел бы я ей черный ло... Фу-ты, черт!! Ничего, милая. Устал я.

Во время десерта в передней позвонили и вызвали меня... В дверях стоял швейцар и таинственно манил меня пальцем.

— Что такое?

— Тсс... Письмо вам! Велено сказать, что от одной барышни... Что оне очень, мол, на вас надеются, и что вы их ожидания удовлетворите!.. — Швейцар дружелюбно подмигнул мне и хихикнул в кулак.

В недоумении я взял письмо и осмотрел его. Оно пахло духами, было запечатано розовым сургучом, а когда я, пожав плечами, распечатал его, там оказалась бумажка, на которой было написано:

Хотел бы я ей черный локон...

Все от первой до последней строчки.

В бешенстве изорвал я письмо в клочья и бросил на пол. Из-за моей спины выдвинулась жена и в зловещем молчании подобрала несколько обрывков письма.

— От кого это?

— Брось! Это так... глупости. Один очень надоедливый человек.

— Да? А что это тут написано?.. Гм... «Целовать»... «каждое утро»... «черты... локон...» Негодяй!

В лицо мне полетели клочки письма. Было не особенно больно, но обидно.

Так как обед был испорчен, я оделся и, печальный, пошел побродить по улицам. На углу я заметил около себя мальчишку, который вертелся у моих ног, пытаясь всунуть в карман пальто что-то беленькое, сложенное в комочек. Я дал ему тумака и, заскрежетав зубами, убежал.

На душе было тоскливо. Потолкавшись по шумным улицам, я вернулся домой и на пороге парадных дверей столкнулся с нянькой, которая возвращалась с четырехлетним Володей из кинематографа.

— Папочка! — радостно закричал Володя. — Меня дядя держал на руках! Незнакомый... дал шоколадку... бумажечку дал... Передай, говорит, папе. Я, папочка, шоколадку съел, а бумажечку тебе принес.

— Я тебя высеку! — злобно закричал я, вырывая из его рук бумажку со знакомыми словами: «Хотел бы я ей черный локон»... — Ты у меня будешь знать!..

Жена встретила меня пренебрежительно и с презрением, но все-таки сочла нужным сообщить:

— Был один господин здесь без тебя. Очень извинялся за беспокойство, что принес рукопись на дом. Он оставил ее тебе для прочтения. Наговорил мне массу комплиментов (вот это настоящий человек, умеющий ценить то, что другие не ценят, меняя это на продажных тварей) и просил замолвить словечко за его стихи. По-моему, стихи как стихи... Ах! Когда он читал о локонах, то так смотрел на меня!..

Я пожал плечами и пошел в кабинет. На столе лежало знакомое мне желание автора целовать чьи-то власы. Это желание я обнаружил и в ящике с сигарами, который стоял на этажерке. Затем это желание было обнаружено внутри холодной курицы, которую с обеда осудили служить нам ужином. Как это желание туда попало — кухарка толком объяснить не могла.

Желание чесать чьи-то волосы было усмотрено мной и тогда, когда я откинул одеяло с целью лечь спать. Я поправил подушку. Из нее выпало то же желание.

Утром после бессонной ночи я встал и, взяв вычищенные кухаркой ботинки, пытался натянуть их на ноги, но не мог, так как в каждом лежало по идиотскому желанию целовать чьи-то власы.

Я вышел в кабинет и, сев за стол, написал издателю письмо с просьбой об освобождении меня от редакторских обязанностей.

Письмо пришлось переписывать, так как, сворачивая его, я заметил на обороте знакомый почерк:

Хотел бы я ей черный локон... ❑

Светлана Бестужева-Лада

ФАБЕРЖЕ

Поставщики Высочайшего двора

Вряд ли найдется мало-мальски образованный человек, которому не была бы знакома фамилия Фаберже. Изделия этой фирмы отличались не столько ценой (иногда позволить себе купить безделушку «от Фаберже» мог и среднеоплачиваемый служащий), сколько изысканностью и тонким художественным вкусом. Не зря же до сих пор любая вешь с клеймом Фаберже (иногда фальшивым) пользуется огромным спросом на аукционах во всем мире.

Если судить по фамилии, то основатель скромной ювелирной фирмы в Санкт-Петербурге — Густав Фаберже — был французом. На самом же деле он был немцем французских корней, родившимся в 1814 году в Лифляндской губернии. Будущий золотых дел мастер учился в Санкт-Петербурге у ювелира Спигеля, а в 1842 году открыл собственную маленькую мастерскую и магазинчик ювелирных изделий на Большой Морской улице. Женился он довольно рано на дочери датского художника Шарлотте Юнгштедт.

Первые изделия, производимые фирмой, были рассчитаны на широкое потребление и практически ничем не отличались от продукции конкурентов. Но со временем Густав приобщил к делу двух подрастающих сыновей, Агафона и Карла, причем настоял на том, чтобы они получили специализированное образование за границей, а не в России.

В 1860 году Густав Фаберже отошел от дел, передав значительно увеличившуюся фирму под начало старшего сына — Карла. Он и его младший брат Агафон внесли много нового в семейное дело, значительно превзойдя отца в мастерстве. Собственно, именно благодаря им фирма Фаберже стала всемирно известной.

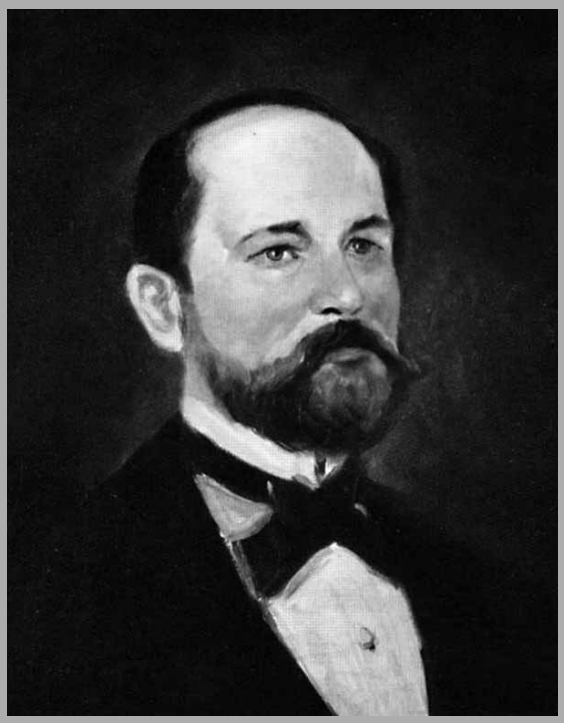
Карл, став главой фирмы, расширил ее, реорганизовал и открыл многочисленные филиалы по всей стране. Фирма, переименованная в соответствии с веяниями времени в «товарищество», под его началом стремительно развивалась, расширяя ассортимент своей продукции и работая уже по многочисленным индивидуальным заказам.

Карл Фаберже собрал вокруг себя множество талантливых молодых людей — скульпторов, художников, ювелиров и камнерезов. Одной мастерской уже не хватало, поэтому стали появляться небольшие дочерние, одни работали только по золоту, другие — по серебру, третьи — по драгоценным камням.

Клеймо Фаберже не означало, что изделие, на котором оно поставлено, — запредельной стоимости. Просто это был знак отличия и признак того, что над безделушкой, портсигаром или скульптуркой работали исключительно высококлассные мастера своего дела, и что, независимо от стоимости товара, они высочайшего качества.

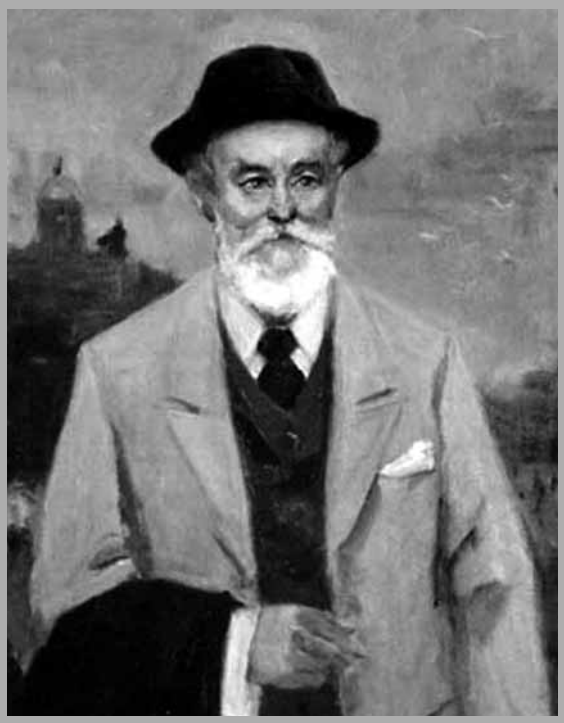
Фаберже обслуживали как средние слои населения, так и членов императорской семьи, причем не только в России. С 29 августа 1890 года Карл Фаберже — оценщик Кабинета Его Императорского Величества, с 29 января 1911 года — при-

дворный ювелир, поставщик королей Шведского и Норвежского, а также императорских и королевских домов Европы и Азии. Он был участником всероссийских и всемирных выставок, имел многочисленные награды. Кроме того, был награжден орденами Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 2-й степени, золотой медалью на Станиславской ленте, болгарским орденом «За гражданские заслуги» и французским орденом Почетного легиона с присвоением звания «Мастера Парижской Гильдии Ювелиров» (1900). Пожалуй, больше ни один ювелир не имел столько высоких наград ни до Карла Фаберже, ни после него. В 1890 году ему было пожаловано почетное гражданство, а в 1910-м, по просьбе его четырех сыновей, Карлу Фаберже было пожаловано звание мануфактур-советника, что также было практически беспрецедентно.

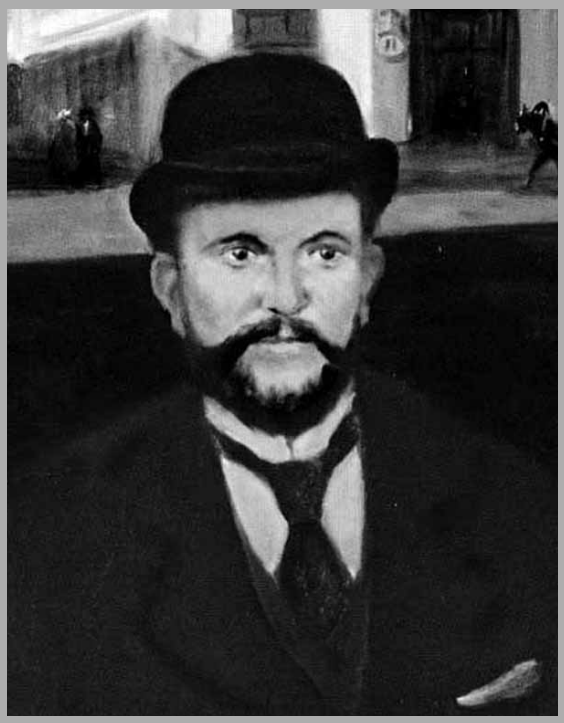


Густав Фаберже

Стоит заметить, что младший брат Карла, Агафон, всю жизнь проработавший рядом с братом, ничем особым так и не отличился. Он был блестящим исполнителем, и только. Вся творческая фантазия, все смелые задумки и даже их первоначальное воплощение были заслугой



Карл Густавович Фаберже, сын Густава Фаберже



Агафон Густавович Фаберже, сын Густава Фаберже

старшего брата. Хотя некоторые современники утверждали, что Агафон обладал выдающимися художественными способностями и талантом конструктора. К сожалению, он скоропостижно скончался в 1885 году.

Изделия Фаберже постепенно становились широко известными не только в русском ювелирном искусстве, но и во всем мире. Изысканные, выполненные с большим мастерством и талантом, они пользовались огромной популярностью в среде именитых, состоятельных и творческих людей. Безусловно, мастера фирмы использовали в своей работе бесценный мировой опыт ювелирного дела. Однако при всем этом они сумели придать своим изделиям дух современности и бесспорную индивидуальность.

Среди ювелиров Фаберже не было принято копирование, скорее, классические идеи и эскизы находили новое воплощение в умелых руках талантливых и прекрасно обученных мастеров.

С увеличением фирмы Карл Густавович решил создать своеобразный ювелирный центр, с магазином и мастерскими, на той же Большой Морской улице. Для этой цели он приобрел у полковника В.П. Золотова участок с домом. Автором проекта нового здания был архитектор К.К. Шмидт — сын двоюродной сестры Карла Фаберже. Общность интересов тесно связала его с семьей Фаберже. Внимательно изучив все требования владельца и предложения по созданию нового здания фир-

мы, он разработал проект постройки четырехэтажного лицевого дома и четырехэтажных, с подвалами и мансардными этажами, флигелей. Строительство шло с 1899 по 1900 гг. А уже после революции дом был перепланирован и перестроен под жилые квартиры.

До поры до времени имя Фаберже славилось только в России. Но в 1882 году фирму пригласили поучаствовать во Всероссийской выставке промышленно-художественных изделий в Москве. Результат — золотая медаль и пристальное внимание высочайших особ. Неудивительно, что в скором времени на вывеске фирмы появилось изображение Государственного герба России, означавшее звание «Поставщик Высочайшего двора».

Часы с неподвижной стрелкой-змеей

Чуть позднее Карл Фаберже получил еще одно звание — придворного ювелира. Угодить вкусам высокопоставленных особ — дело нелегкое, но Карл обладал еще и недюжинными дипломатическими способностями: мог убедить в своей правоте самых капризных и придирчивых клиентов.

Именно в это время в дело отца вступил его старший сын — Евгений Карлович, который через считанные годы стал экспертом Бриллиантовой комнаты Зимнего Дворца, оценщиком Ссудной кассы и, по доверенности отца, оценщиком Его Императорского Величества. Будучи талантливым художником, он принес фирме новые творческие решения и принимал активное участие в разработке самых драгоценных изделий.

Результаты не замедлили сказаться: в 1900 году фирма приняла участие во Всемирной выставке в Париже, где имела огромный успех. Евгений же персонально получил пальмовую ветвь офицера Академии изящных искусств и болгарский орден святого Александра. После этого, фигурально выражаясь, все королевские дворы Европы выстроились в очередь, чтобы предложить фир-

ме Фаберже стать своим придворным поставщиком, а слава о ювелирных изделиях русских пошла по всему миру.

Самое знаменитое изделие фирмы Фаберже, как всем известно, — это пасхальное яйцо. Первое было создано в 1885 году по заказу императора Александра III, который желал сделать пасхальный подарок-сюрприз своей супруге, императрице Марии Федоровне. Так называемое «Куриное» яйцо было снаружи покрыто белой, имитирующей скорлупу, эмалью, а внутри, в «желтке» из матового золота, находилась изготовленная из цветного золота курочка. Внутри курочки, в свою очередь, была спрятана небольшая рубиновая корона. Драгоценная безделушка была изготовлена в утраченной позже традиции складывающихся матрешек.

Впрочем, сама идея ювелирного изделия не была оригинальной: пасхальное яйцо Фаберже — это вольная интерпретация яйца, изготовленного в начале XVIII века, 3 экземпляра которого известны и сегодня. Они находятся в Копенгагене, в замке Розенборг, в Вене (Музей истории искусств) и в одной частной коллекции, куда попало из Дрезденской художественной галереи «Зеленые своды». Во всех упомянутых экземплярах спрятана курочка, открыв которую, можно обнаружить корону, а в ней — кольцо. Считается, что императору хотелось порадовать супругу сюрпризом, который напомнил бы ей хорошо знакомое изделие из датской королевской сокровищницы.

Императрица Мария Федоровна была в таком восхищении от подарка, что Фаберже получил приказ изготавливать по пасхальному яйцу ежегодно, причем единственным условием ставилось то, что изделию следовало быть уникальным и содержать какой-либо сюрприз. Следующий император, Николай II, сохранил эту традицию, каждую весну даря два яйца — одно вдовствующей императрице-матери, второе — супруге Александре Федоровне, молодой императрице.

Изготовление каждого яйца занимало практически год. Как только эскиз был утвержден, за работу бралась целая команда ювелиров фирмы, имена некоторых из них сохранились (так что говорить, что автор всех яиц лично сам Карл Фаберже, не следует). Особенно велик вклад мастера Михаила Перхина. Также упоминаются Август Хольстром, Генрик Вигстром, Эрик Колин и другие

ювелиры. Среди наиболее известных драгоценных безделушек можно отметить «Херувим и колесница» — малахитовое яйцо с каретой, оленями и тремя херувимами внутри (1888 год), и «Часы с синей змеей», выполненные в традициях севрского фарфора, — неподвижная змея служит стрелкой (1887 год).

Серия императорских пасхальных яиц пользовалась такой громкой славой, что фирма Фаберже выполнила несколько изделий и для нескольких частных заказчиков. Среди них — серия из семи яиц, подаренных золотопромышленником Александром Фердинандовичем Кельхом своей супруге. Остальные известные восемь яиц Фаберже были выполнены на заказ для Феликса Юсупова, женатого на племяннице императора, семейства Ротшильдов, герцогини Мальборо и ще нескольких неустановленных лиц. Они не такие роскошные, как императорские, не являются оригинальными, зачастую повторяя образец, придуманный для царских подарков, и не так уж баснословно дороги по стоимости использованных в них материалов, но виртуозно выполненные, с особой любовью и фантазией, они становились прекрасным сюрпризом.

Мало кто знает, что были и другие пасхальные яйца работы Фаберже. Как правило, их изготовляли из серебра и украшали гравировкой. Размер такого изделия обычно не превышал ягоды вишни или крыжовника. На фирме вовсе не стремились сделать украшение как можно более дорогим за счет использо-

вания огромного количества благородных металлов и драгоценных камней, а, наоборот, старались из простых и более дешевых материалов создать шедевр, настоящее произведение искусства.

Фаберже в интервью говорил газетным репортерам:

— Если сравнивать с моим делом такие фирмы, как «Тиффани», «Бушерон», «Картье», то у них, вероятно, найдется драгоценностей больше, чем у меня. У них можно найти готовое колье в 1,5 миллиона рублей (примерно 65 миллионов долларов в сегодняшних ценах). Но ведь это торговцы, а не ювелиры-художники. Меня мало интересует дорогая вещь, если ее цена только в том, что насажено много бриллиантов или жемчуга.

Многие западные ювелиры и торговцы антиквариатом предлагали Фаберже продавать свою продукцию без фирменного клейма, мотивируя это предложение тем, что «клеймо Фаберже само по себе привлекает покупателей, а это мешает честной конкуренции». Однако Фаберже только посмеивались:

— Кто вам мешает создать такую же репутацию собственному клейму?

Фирма ни разу не нарушила обычая, продолжая выпускать эксклюзивные изделия, покорившие практически весь мир. «Правила игры» нарушали «честные конкуренты», изготавливавшие фальшивые клейма Фаберже.

Помимо пасхальных подарков, фирмой и для других случаев часто использовалась православная символика, иногда в старорусском стиле. Декоративные, роскошно украшенные кокошники, дорогая посуда, оклады для икон и кресты — все это было идеально стилизовано под предметы XII–XV веков.

Фаберже поступало великое множество заказов на дипломатические подарки и разного рода высочайшие подношения.

Во время Первой мировой войны Фаберже переквалифицировал свои

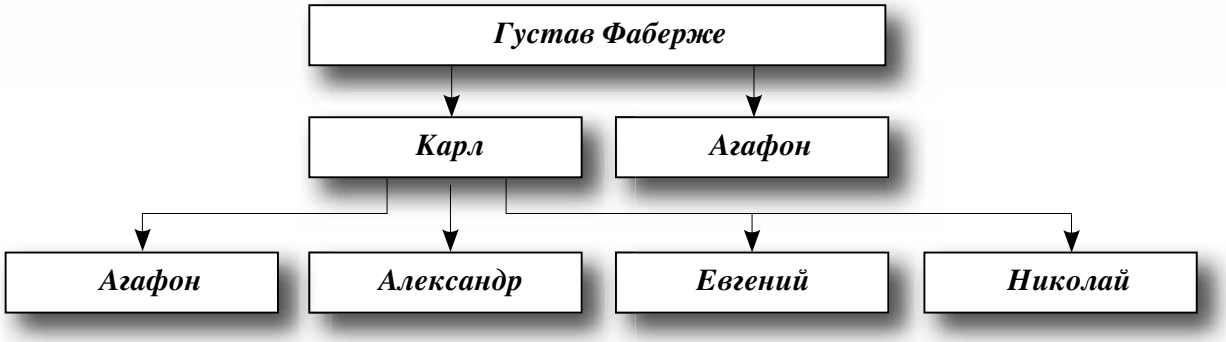
мастерские на востребованные заказы военного времени. Фирма выпускала посуду и коробочки для табака, части военных приборов и даже гранаты. Надо отметить, что к этим изделиям мастера подходили с не меньшей тщательностью исполнения, чем к украшениям из драгоценных камней.

Товарищество Фаберже, по понятным причинам, прекратило свою деятельность в России в 1918 году. В сентябре 1918 года, не без оснований опасаясь ареста, Карл Фаберже нелегально покинул Петроград под видом курьера одного из иностранных посольств, и поездом уехал за границу — в Ригу. Но вскоре после этого Прибалтика перестала быть безопасной, и ему пришлось бежать дальше на Запад — в Германию. Он поселился в Берлине, но и там началась революция. Тогда он уехал в Швейцарию.

Карл Фаберже так и не оправился после потрясших его жизнь событий. В это время он часто повторял: «жизни больше нет». Несмотря на 70-летний возраст, в эмиграции он очень страдал от невозможности заниматься любимым делом. К тому же у него начались частые сердечные приступы, которые и привели к смерти известного ювелира. Фаберже умер в городе Лозанна утром 24 сентября 1920 года.

Фабрики и магазины Фаберже в Петрограде, Москве и Одессе были национализированы. В Петрограде в руки большевиков попали практически все запасы драгоценных металлов, камней и уже готовых изделий, при этом владельцам не было выплачено никакой компенсации.

Схема основной ветви рода Фаберже по мужской линии



Спасти от национализации удалось лишь маленькую долю изделий, которые Евгений Фаберже незадолго до революции вывез в Финляндию на продажу, но продать не успел.

Карл Фаберже вырастил четверых сыновей, и все они продолжили его дело, но судьба разбросала их по разным странам, и возродить славу и традиции знаменитой фамилии им уже не удалось.

Агафон Карлович Фаберже первоначально надеялся на то, что ему удастся сохранить фирму в России. В 1922 году он был назначен уполномоченным Гохрана и оценщиком и пробыл в этой должности до 1927 года, с горечью наблюдая за тем, как бесценные сокровища буквально за гроши уплывают за границу.

Большевики свободно распоряжались конфискованным имуществом — так, английский ювелир Эмануил Сноумэн вспоминал, что в период с 1925 по 1939 годы он регулярно приобретал у советского государственного торгового агента большое количество изделий Фаберже, в том числе шесть пасхальных яиц, прямо в бывшем магазине Карла Фаберже на Большой Морской.

В 1927 году Агафон Карлович вместе с женой перешел границу с Финляндией по льду Финского залива, предварительно переправив через знакомых и друзей деньги и драгоценности, которых хватило ненадолго, а многое было украдено. Семья оказалась в крайней бедности. Они поселились в купленном и перестроенном четырехэтажном доме в Хельсинки. Жили за счет продажи богатейшей коллекции марок, и Агафон Карлович даже не пытался заниматься ювелирным делом.

Второй сын, Александр, в 1919 году был назначен экспертом Наркомпроса, но почти немедленно эмигрировал в Париж, где работал на фирме «Фаберже и К°» вместе с младшим братом Евгением, который присоединился к нему в эмиграции в 1923 году. Братья торговали старой продукцией фирмы, которую удалось сохранить. Попытки разрабатывать и производить что-то новое были не очень удачными. Во всяком случае, до известных во всем мире изделий,

Агафон Карлович Фаберже, сын Карла Густавовича

Александр Карлович Фаберже, сын Карла Густавовича

созданных под руководством Карла Фаберже, им было далеко.

Самый младший из братьев — Николай — художник по ювелирным изделиям, учился у американского художника Сэржанта в Англии. С 1906 года он постоянно проживал в Англии, работал в лондонском филиале фирмы Фаберже, но особых успехов не достиг.

Формально деятельность династии Фаберже прекратилась вместе со смертью последнего из семьи, работавшего под этой маркой, Евгения Карловича Фаберже. К сожалению, наследникам знаменитого Карла Фаберже не удалось достойно продолжить его дело.

В настоящее время изделия Фаберже разбросаны по музеям всего мира, многие находятся в частных коллекциях. Творчество мастеров фирмы тщательно изучается специалистами, постигающими секреты Фаберже, некоторые из которых удивляют ювелиров и в наши дни.

В 2009 году в Баден-Бадене российским коллекционером Александром Ивановым был открыт Музей Фаберже. Экспозиция включает более 700 экспонатов, в том числе ювелирные изделия, коллекцию портсигаров, фигурок животных и изделий повседневного спроса. Самым дорогим приобретением музея считается купленное в 2007 году за 9 миллионов британских фунтов яйцо, созданное ювелиром в подарок барону Ротшильду в честь его помолвки в 1902 году.

Евгений Карлович Фаберже, сын Карла Густавовича

Николай Карлович Фаберже, сын Карла Густавовича

Музей Фаберже купил за миллион долларов композицию с огурцом, водкой и газетой, изготовленную в 1905 году. Это — уникальный натюрморт из камня, на котором разложены яичница, граненый стакан с недопитой водкой, закуска и недокуренная папироса. Он выполнен из самых дорогих материалов: кирпич выточен из яшмы, белок — из белого камня, желток — из янтаря, газета, рыбки-закуска и мухи — из серебра, стакан и его содержимое — из хрусталя, а окурок — из хрусталя и кварца.

Выбор газеты в произведении Фаберже неслучаен: это точная копия «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства» от 18 октября 1905 года с текстом Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанного 17 октября Николаем II.

«Это произведение является одним из самых интересных из когда-либо созданных Фаберже, — прокомментировал приобретение основатель музея Александр Иванов. — Фаберже не сделал более ничего подобного, и, тем не менее, он, конечно, попал в авангард, тонко чувствуя революционные настроения того времени».

В момент создания эта работа являлась, скорее, курьезным экспериментом в области крайнего натурализма, да еще и с политическим подтекстом, сегодня же она странным образом напоминает не-

которые работы современных художников.

Курьезов в работе фирмы вообще было немало. Например, сзади одного образка требовалось выгравировать молитву «Отче наш». Нарисовав шрифт первых слов, Карл Фаберже написал: «и так дальше». Рабочий-гравер вместо полного текста молитвы так и выгравировал согласно рисунку: «Отче наш и так дальше».

— Вот ведь, — заметил Фаберже, — не додумались же до этого наши попы — до такого простого сокращения времени службы.

Практически совершенно забыто, что фирма Фаберже специализировалась и на камнерезных работах. Правда, до 1908 года камнерезное дело играло второстепенную роль в производстве фирмы. Предметы из полудрагоценных сибирских и иных каменных пород служили объектами для оправ, фоном для ажурных золотых и серебряных работ. Преобладали мелкие предметы, как то: табакерки, набалдашники, печати, рамки. Иногда оправлялись и более крупные вещи: декоративные вазы, часы, чернильницы и лампы. Все возрастающее применение камня в ювелирных золотых и серебряных изделиях заставили фирму открыть особую мастерскую.

Самыми популярными были нефрит, яшма, малахит, кварц, змеевик, лазурит и горный хрусталь, который применялся в разнообразных

работах с резьбою и гравировкой. Оправы его богато украшались эмалью и драгоценными камнями, а хрупкость хрусталя требовала от мастера особого искусства. Так как горный хрусталь не выносит ни малейшего нагревания, оправы его никогда не спаивались даже оловом, а собирались заклепками и иными способами.

Большой популярностью пользовались и произведения, исполненные исключительно из камня и не требующие оправ: вазы, столы, канделябры, часы, табакерки, бесконечное количество крупных и мелких предметов и безделушек. Но не менее популярны были миниатюрные изображения животных и людей, которые охотно раскупались до последних дней существования фирмы в виде подарков, к тому же многие эти фигурки коллекционировали, в том числе и высокопоставленные лица. Часто миниатюрные скульптуры были портретами любимых собачек, мосек, попугаев, например, любимый французский бульдог артистки балета, исполненный по заказу великого князя Алексея Александровича, или любимые голуби английского короля Эдуарда, и много других животных.

Кроме вышеупомянутых фигурок фирма изготавливала эмалевые цветы с нефритовыми листьями. Осо-

бенно удачны были изображения одуванчиков, пушок которых был натуральным и укреплен на золотом волоске маленьким алмазом. Блестящие точки алмазов среди белого пушка производили прекрасное впечатление и отдаляли искусственный цветок от слишком близкого подражания природе.

Из белого кварца были выполнены нарциссы, жасмин, ветки белой сирени, гиацинты; из родонита, кварца, сердолика, агата — душистый горошек и другие цветы; листья исполнены преимущественно из нефрита, иногда из зеленой яшмы или кварца. Цветы иной раз вставлялись в стаканчик из горного хрусталя, наполовину полый, чтобы цветок казался в воде, иногда в горшочке из сургучной яшмы. Особенно удачной была целая серия карликовых кактусов с цветами. Большая часть этих работ была приобретена великой княгиней Марией Павловной или поднесена ей приближенными лицами. Стоимость изготовления этих цветов была очень значительна и, смотря по сложности цветов, доходила до нескольких тысяч рублей.

И, наконец, нефритовый венок работы Фаберже был возложен на гробницу шведского короля Оскара II. Лавровые и дубовые ветки венка укреплены на черной мраморной доске.

P.S. Ювелирный дом Фаберже, прекративший свое существование после Октябрьской революции, сегодня возрождается и вновь приступает к выпуску знаменитых пасхальных яиц. Компания начала производство с выпуска серии Les Fameux de Faberge, состоящей из 12 подвесок в форме яйца стоимостью от $100 000

до $600 000. Дизайн этих подвесок, количество которых соответствует количеству месяцев в году, отражает русские поговорки. К примеру, среди выпущенных подвесок есть Хайтек-яйцо («Человек сам кузнец своего счастья»), Мозаичное яйцо («Старая любовь не ржавеет») и так далее. Будут выпускаться и более доступные украшения стоимостью от $4000, что в несколько десятков раз дороже яиц исторических.

— Прежде всего, нам следовало закрепиться в мире высокого ювелирного искусства, где под видом изделий Фаберже продавали все более и более вопиющие подделки, — приводит «The Economic Times» слова директора по маркетингу Катарины Флор.

Следует отметить, что после революции наследники знаменитого бренда продали торговую марку, которая долго переходила из рук в руки и, в конце концов, перестала ассоциироваться с драгоценностями, превратившись в название дешевых духов. В 2007 году южноафриканский бизнесмен Брайан Гилбертсон купил бренд за 38 миллионов долларов. Первые два года марка выпускала драгоценности, теперь же решено вернуться к истокам и заняться пасхальными яйцами.

«…Хоть похоже на Россию, только все же не Россия…» ❑

Николай Черкашин

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ:

атакуют русские подводники

В годы Первой мировой войны воюющее человечество освоило еще одну стихию, в которой надеялось одерживать решающие победы, — подводное пространство. Кто из полководцев не мечтал наносить грозные удары, оставаясь незамеченным для противника, а значит, и неуязвимым? Так на заре двадцатого века в истории войн появилось практически невидимое оружие — подводные лодки.

Я стою на старом бетонном причале финского порта Гангэ. Именно отсюда уходили в море русские подводные лодки в свои самые первые боевые походы. Тогда, в 1914-м, как, впрочем, и сейчас, Гангэ, известный у нас благодаря исторической победе русского флота над шведами как Гангут, был уютным курортным городком. И мало кто знал, что здесь базировался 1-й дивизион подводных лодок, куда входили вполне современные и грозные по тем временам субмарины «Барс», «Вепрь» и «Гепард». По ту сторону Финского залива, в Ревеле, стоял 2-й дивизион («Тигр», «Львица» и «Пантера»). Оба дивизиона входили в Дивизию подводных лодок Балтийского моря, главной задаче которой было прикрытие морских подступов к столице империи.

До начала мировой войны ни одна из морских держав не имела реального опыта боевого применения подводных лодок, и потому тактика их действий была весьма примитивна. С началом войны предполагалось

Подводная лодка «Морж» идет с поднятым для маскировки парусом

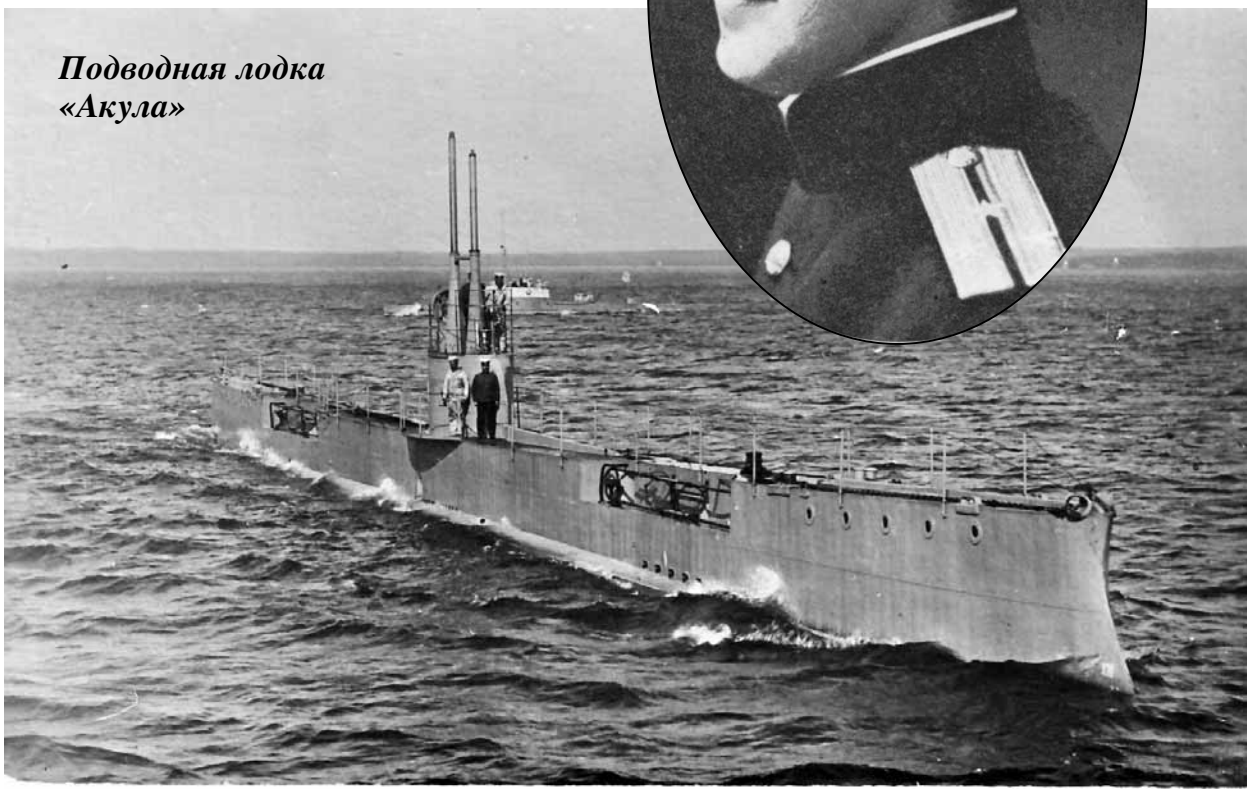
вывести подводные лодки в Финский залив, расставить их на якорях в шахматном порядке и ждать приближения противника. В бой вступает та лодка, вблизи которой будут проходить корабли противника. По сути дела это было своего рода подвижное минное поле, начиненное людьми и торпедами.

В 1909 году преподаватель Морской академии лейтенант (впоследствии известный военный теоретик, контр-адмирал) А.Д. Бубнов писал, что лодки в будущей войне будут нести позиционную службу у своих берегов: «как своеобразные минные банки... Единственное их преимущество, по сравнению с обыкновенными минными банками, заключается в том, что их почти невозможно снять с позиции до прихода эскадры, но зато корабль имеет против их оружия — сети, которых он не имеет против мин заграждения».

Именно так и встретили подводники 1-го дивизиона начало войны: вышли в Финский залив и стали на якоря, поджидая противника. А ведь

два года назад русские подлодки принимали участие во флотских маневрах на Балтике и успешно атаковали дозор крейсеров, прорвав охранение из миноносцев. Тем не менее, об атаке движущейся цели и о действиях против торговых судов тогда всерьез почти никто не задумывался. Считалось, что в лучшем случае подводной лодке удастся атаковать вражеский корабль, стоящий на якоре. Именно так германская субмарина U-9 потопила за несколько часов сразу три английских крейсера в Северном море: «Хог», «Абукир» и «Кресси». Те стояли на якорях в открытом море без охранения, и немецкие подводники, как в тире, поочередно торпедировали все три корабля. Это была серьезная заявка на то, что отныне в борьбе на морях появилось новое грозное оружие — подводная лодка. Его коварную мощь испытали на себе и русские моряки в первый же месяц войны. На подходе к Ревелю был торпедирован крейсер «Паллада». На нем сдетонировали артпогреба, и корабль затонул за считанные минуты. В живых не осталось никого. На подводные лодки стали смотреть как на полноценные боевые корабли, и очень скоро тактику поджидания сменили на активные действия: на рейды к берегам противника и охоту за его кораблями. Так, уже 7 сентя-

Лейтенант Николай Гудим



Подводная лодка «Акула»

бря подводная лодка «Акула» под командованием лейтенанта Николая Гудима вышла в поход к Дагерорту. Командир не спешил с возвращением в базу и на свой страх и риск двинулся к берегам Швеции, откуда регулярно ходили транспорты с рудой для Германии. На следующий день сигнальщик обнаружил двухтрубный германский крейсер «Амазон». Его охраняли два миноносца. Гудим дал залп с дистанции в 7 кабельтовых, но немцы успели заметить след торпеды и ушли за остров Готска-Санде. Так прошла первая атака русских подводников на Балтике.

И если в 1914 году русские подводники успели до зимнего ледостава совершить всего 18 походов, то уже в следующем — почти в пять раз больше. К сожалению, ни одна из торпедных атак 1915 года не

На мостике «Моржа». Черное море. 1916 г.

Пасхальный праздник на подводной лодке «Львица». Балтика. 1917 г.

Это был год, когда командиры русских подводных лодок в боевых условиях с полного нуля вырабатывали тактику подводных атак, маневрирования, разведки. Ведь не было никаких боевых документов кроме инструкции позиционной службы. Опыт давался смертельным риском и отчаянной храбростью.

Вахтенный офицер подводной лодки «Волк» лейтенант В. Подерни писал: «Мы, офицеры, по виду спокойно сидим в кают-компании и лишь изредка перекидываемся фразами. У каждого из нас работает мысль в одном и том же направлении: хочется все обдумать, принять во внимание и учесть всевозможные случайности.

увенчалась успехом. Дело в том, что русские торпеды не выдерживали погружения на большую глубину. Тем не менее, подводники захватили два вражеских парохода с грузом.

«Первая половина кампании 1915 года, — свидетельствует участник боевой морской офицер, историк флота А.В. Томашевич, — характеризуется весьма активными действиями русских подводных лодок против германского флота, имевшего целью… закупорку выходов русского флота в Балтийское море. Русские подводные лодки захватили несколько кораблей противника и своим присутствием оказали большое влияние на ход операций германского флота, сорвав этим ряд его операций. В результате, противник не мог развернуть намеченный план операций в северной части Балтийского моря».

Слева: ***Матросы «Окуня» у согнутого перископа.***

Нарукавная нашивка моряков атомной ПЛ «Волк»

Каждый предлагает какую-нибудь комбинацию. Говорим намеками, одной-двумя фразами, но мысль становится каждому сразу понятной. Глядим в карту, и командир, собирая все мнения, ни одного не оставляет не разобранным, не подвергнутым всесторонней критике.

Какая чудная и совершенная школа!

Теория тут же проверяется практикой, и какой практикой! Ум чело-

Подводная лодка «Тур». 1917 г.

веческий изощряется до предела. Приходится помнить, что на карту ставится много человеческих жизней. Несчастие может произойти от малейшей оплошности. Нечего и говорить о механизмах: неисправность их или просто плохое действие угрожает серьезными последствиями. И потому-то они подвергаются постоянным осмотрам и проверкам».

30 апреля 1915 года подводная лодка «Дракон» под командованием лейтенанта Н. Ильинского обнаружила немецкий крейсер в охранении миноносцев. Лодка также была обнаружена и подверглась артиллерийскому обстрелу и преследованию. Искусно уклоняясь, командир «Дракона» в это время направлял лодку не на отрыв, а на сближение, с тем, чтобы определить главную цель и атаковать ее, для чего ухитрялся несколько раз поднимать перископ. Он избежал опасности тарана и в то же время выпустил торпеду по крейсеру. В лодке явственно слышали взрыв. Через некоторое время, всплыв снова на перископную глубину и обнаружив другой крейсер, Ильинский атаковал и его. Торпеда прошла вблизи корабля, что заставило его уйти из этого района.

Чуть позже — в мае — Балтийский флот облетела весть о дерзкой атаке германской эскадры подводной лодкой «Окунь». Ею командовал один из первых офицеров-подводников лейтенант Василий Меркушев. Находясь в море, он встретил 10 немецких линкоров и крейсеров, шедших под охраной миноносцев. Это была почти самоубийственная атака. Но Меркушев прорвал линию охраны и лег на боевой курс, выбрав один из са-

Экипаж русской подводной лодки

мых крупных кораблей. Но с линкора заметили перископ, и тут же, дав полный ход, тяжелый корабль пошел на таран. Расстояние было слишком мало, и гибель «Окуня» казалась неминуемой. Все решали секунды.

— Боцман, ныряй на глубину 40 футов! — Едва Меркушев успел отдать эту команду, как лодка стала валиться на борт — линкор подмял ее под себя. Только хладнокровие командира и отменная выучка экипажа позволили вывернуться из-под днища дредноута и уйти на глубину с погнутым перископом. Но даже в таком положении «Окунь» успел выпустить две торпеды, причем ясно был слышен взрыв одной из них. Немецкий флагман, не желая рисковать большими кораблями, почел за благо вернуться в базу. Выход эскадры был сорван! «Окунь» пришел в Ревель с согнутым «глаголем» перископом. Но пришел. За эту лихую атаку лейтенант Меркушев был награжден Георгиевским оружием.

Итак, уже в 1915 году штаб командующего морскими силами Балтийского моря признавал: «Теперь, при обсуждении будущих операций, в основу всего приходится класть свойства подводных лодок».

Но вернемся в Гангэ… Когда-то в местных замках обитали рыцари… Спустя столетия, в разгар Первой мировой войны, сюда снова пришли рыцари — рыцари морских глубин.

Старший лейтенант Василий Меркушев

Командир подводной лодки «Акула» капитан 2 ранга С. Власьев

И если называть вещи своими именами — в финском поселке Гангэ обосновались моряки первого дивизиона подводных лодок, — то суть сказанного от этого не изменится. Ведь у большинства офицеров этого отряда русских подводников в фамильных дворянских гербах и в самом деле были рыцарские шлемы, как, например, у старшего офицера подводной лодки «Волк» мичмана Александра Бахтина: «Щит увенчан… шлемом с дворянскою на нем Короною на поверхности, в которой видно черное орлиное крыло…» — гласит древний «Гербовник». Или в фамильном гербе жены мичмана Бахтина — Ольги Букреевой — щит увенчан такой же короной с вздетой рукой, закованной в доспехи. В руке — черный меч…

Впрочем, даже если бы у них и не было этих дворянских регалий (за которые им пришлось потом горько поплатиться), они все равно были рыцарями — по духу своему, по душевному складу…

Когда подводная лодка «Гепард» уходила в свой последний поход, офицеры преподнесли жене своего товарища корзинку с белыми хризантемами. «По ним вы узнаете, что мы живы, и у нас все хорошо. Ведь они не завянут до нашего возвращения…» Хризантемы стояли долго. Они не завяли даже тогда, когда вышли все сроки возвращения «Гепарда» домой. Они стояли у Ольги

Петровны даже тогда, когда в приказе по дивизии подводных лодок экипаж «Гепарда» объявили погибшим… А Бахтина судьба хранила, готовя его для славных дел.

Именно ему и его сотоварищам по подводной лодке «Волк» удалось открыть боевой счет балтийских подводников, а потом, в 1919 году, и боевой счет советских подводников (красный военмор Бахтин командовал тогда «Пантерой»).

К началу 1916 года на вооружение русского подводного флота поступили новые торпеды улучшенного качества и новые подводные лодки. 15 мая из Ревеля подводная лодка «Волк» вышла в поход к берегам «шведского Манчестера» — порта Норчепинга. Это был первый поход для экипажа, который никогда еще не попадал в боевые переделки, и потому командир корабля старший лейтенант Иван Мессер был предельно строг и осторожен. В районе боевого патрулирования «Волк» выследил немецкий транспорт «Гера», груженый шведский рудой, и потопил его, соблюдая все нормы тогдашнего международного права, то есть, всплыли, дали возможность экипажу покинуть судно на шлюпках, а уже потом торпедировали. Чуть позже русские подводники остановили еще один немецкий пароход — «Калга». Несмотря на то, что поблизости был замечен перископ вражеской подводной лодки, старший лейтенант Мессер попытался остановить судно предупредительными выстрелами из пушки.

Старший офицер ПЛ «Краб» лейтенант Нестор Монастырев

Но «Калга», едва стрельба прекратилась, прибавил ход. Торпеда, метко выпущенная «Волком», попала, как говорят моряки, «под трубу». Судно стало тонуть, но экипаж успел сесть в шлюпки. «Волк» поспешил на перехват третьего немецкого парохода — «Бьянка». Ее капитан не стал искушать судьбу, быстро выполнил все требования. Едва от борта отвалила последняя шлюпка, как торпеда подняла столб воды и дыма. На судне заклинило гудок, и «Бьянка» уходила под воду с протяжным воем… Подошедшие шведы подбирали людей из шлюпок. Немцы надолго задержали выход своих судов из шведских портов. Старший лейтенант Иван Мессер успешно решил задачу по прерыванию коммуникаций противника. Так за один поход «Волк» добыл рекордный за полтора года войны тоннаж.

Капитан 1 ранга
М. Китицын

Лейтенант Н. Ильинский.
Погиб в море

Вот как описывает один лишь эпизод этого рейда лейтенант Владимир Подерни:

«…Взявши свертки карт, немецкий капитан отвалил от борта и пошел к нам. Когда он достаточно отдалился от парохода, мы, нацелившись, выпустили мину.

На поверхности воды сразу обозначилась резкая белая полоса, все растущая по направлению к пароходу.

Немцы тоже ее заметили и привстали на шлюпках, наблюдая последние минуты своего парохода.

Этот момент приближения мины к своей цели особенно волнует и даже, я бы сказал, доставляет какое-то острое наслаждение.

Что-то могучее, почти сознательное, дорогое и артистическое по своему выполнению, со страшной быстротой мчится на врага. Вот «оно» уже близко, но пароход еще идет невредимый и исправный — он еще жив, вполне здоров. В нем вертится точно пригнанная машина, идет пар по трубам, трюмы аккуратно нагружены грузом, во всем виден человеческий гений, приспособивший и подчинивший себе эти силы для преодоления стихии. Но вдруг страшный взрыв другого, еще более сильного оружия, изобретенного для борьбы между людьми, — и все кончено! Все смешалось: рвутся стальные листы, лопаются под давлением железные балки, образуется громадная пробоина, и вода, отвоевывая свои права, добивает раненого и поглощает в бездне своей гордое произведение рук человеческих.

Раздался взрыв, — поднялся столб воды и черного дыма, полетели в воздух осколки различных предметов, и пароход, сразу сев кормой, начал свою агонию.

Я видел, как в этот момент немецкий капитан, бывший на шлюпке,

«Морж» ведет в Севастополь турецкую шхуну

отвернулся и закрылся рукой. Может быть, он опасался, что в него попадут кое-какие осколки? Но нет, шлюпка была далеко от парохода, мы, моряки, понимаем, что значит видеть гибель своего корабля.

Через семь минут после взрыва котлов пароход, вставши на дыбы носом кверху, стремительно пошел ко дну. Море, сомкнувшись над местом гибели, по-прежнему приветливо рябилось, блестя на солнце.

Пора двигаться дальше, — не ровен час, еще какой-нибудь враг покажется на горизонте и откроет нас».

Разумеется, не всегда подводные авантюры проходили бескровно. Лейтенант Александр Зернин вел подробнейшие дневники своих походов. Летом 1917 года он записал в свою тетрадь:

«Я проснулся оттого, что мне на голову вылился чайник, поставленный кем-то на штурманском столе. Вслед за ним посыпались книги, протрактор, циркуля, линейки и прочая штурманская принадлежность. Я немедленно вскочил и, чтобы удержаться на ногах, должен был ухватиться за буфетный шкап, из которого уже сыпалась плохо закрепленная посуда. Лодка с сильным уклоном на нос уходила на глубину. Обе створки двери в центральный пост распахнулись сами собой, и я увидел каскад воды, лившейся из выходного люка через боевую рубку в центральный пост. Позади меня, у противоположной двери, два пленных капитана с открытыми ртами и бледными, как полотно, лицами, смотрели перед собой.

— Электромоторы полный вперед! — нервно кричал командир. — Неужели не готово? Скорей!

Несколько вымокших насквозь людей спрыгнули вниз. Входную крышку, захлестнутую волною, закрыли с трудом, когда она уже была под водою. Около дизелей суети-

Сигнальный семафор с рубки «Волка»

Торпедный залп «Моржа»

Командир ПЛ «Краб» капитан 2 ранга Л. Феншоу

лись мотористы и, едва сохраняя равновесие, разобщали муфту, соединявшую во время зарядки дизеля с электромоторами. В этот момент странное жужжанье пронеслось вдоль всей лодки и, пройдя над погруженным носом, перешло с одного борта на другой.

— Мимо! — воскликнуло несколько голосов.

— Электромоторы полный вперед!.. — возбужденно крикнул командир, и электрики, давно сжимавшие рубильники в своих руках, замкнули их на полный ход.

Минный машинист Бирюков, стоявший у переводной муфты, сделал в этот момент последний ее поворот и хотел вынуть рычаг из гнезда. Разобщенная муфта уже завертелась на валу, и рычаг с размаху ударил Бирюкова по животу. Он упал, не успев крикнуть, но, успев все же выдернуть злополучный рычаг, который, оставшись на месте, мог бы сорвать все движение. Лодка, забрав ход, наконец, выровнялась на глубине, а через минуту над нашей головой, бурля винтами, проскочил немецкий миноносец.

— Погружайся на 100 фут, — приказал командир горизонтальным рулевым. Завыли рулевые моторы, и стрелка глубомера стала падать вниз под жадно устремленными на нее взорами столпившихся в центральном посту людей. Перейдя за назначенный предел, она медленно вернулась на указанную цифру, и лодка пошла на стофутовой глубине.

Лежавшего без чувств Бирюкова перенесли на его койку и осмотрели. По признакам, не оставлявшим сомнения, фельдшер определил кровоизлияние в животе, грозившее неминуемой смертью. Некоторое время спустя Бирюков застонал и пришел в сознание. Несчастный просил все время пить и очень хотел молока. Ему разводили в воде консерви-

рованное, стараясь создать иллюзию настоящего. Он имел силы пройти несколько раз, сгорбившись и спотыкаясь, под руку с фельдшером в гальюн, но вскоре слег и, простонав еще сутки, умер в следующую ночь.

Обернув Андреевским флагом, его оставили лежать на своей койке, затянув ее простыней. Командир не хотел хоронить его в море, а решил довезти до Ревеля, чтобы предать земле со всеми почестями, подобающими герою».

Немало героических дел совершили офицеры-подводники Черноморского флота. Подводная лодка «Тюлень» под командованием старшего лейтенанта Михаила Китицына 1 апреля 1916 года торпедировала австро-венгерский пароход «Дубровник». В конце мая та же лодка, крейсируя у болгарских берегов, уничтожила четыре парусные шхуны противника, а одну шхуну доставила на буксире в Севастополь. За успешную разведку у берегов Варны и по совокупности всех побед Китицын, первым из русских подводников, был награжден орденом Святого Георгия. А затем получил и Георгиевское оружие за бой с вооруженным неприятельским пароходом «Родосто», который он сумел захватить и привести в Севастополь как трофей. Михаил Александрович Китицын признан одним из самых результативных подводников Российского Императорского флота: одержал 36 побед, потопив суда общей валовой вместимостью 8973 брутто-регистровых тонны. После революции герой-подводник выбрал Белый флот. Скончался в 1960 году в штате Флорида.

Вслед за «Тюленем» и подводная лодка «Морж» захватила и привела в Севастопольский порт турецкий бриг «Бельгузар», направлявшийся в Константинополь. Осенью подводная лодка «Нарвал» атаковала турецкий военный пароход водоизмещением около 4 тысяч тонн и принудила его выброситься на берег. По нескольку вражеских судов было на боевом счету подлодок «Кашалот» и «Нерпа».

Вечером 27 апреля 1917 года «Морж» вышел из Севастополя в свой последний боевой поход. Его командир старший лейтенант А. Гадон задумал предерзкое дело: скрытно войти в пролив Босфор и потопить там германо-турецкий линкор «Гебен». Однако сделать это ему не удалось. Лодку засекли с береговой батареи Акчакоджа и обстреляли из орудий. Турецкие артиллеристы докладывали, что наблюдали облако дыма над рубкой русской субмарины. Но точные обстоятельства гибели «Моржа» не известны до сих пор. По одной из версий — лодка подорвалась на минном заграждении перед входом в Босфор. Море выбросило трупы нескольких подводников. Немцы похоронили их на территории дачи русского посольства в Буюк-Дере. (Автору этих строк довелось открывать в 90-е годы скромный памятник подводникам «Моржа» в Стамбуле, как раз напротив того места, где стоял в 1917 году «Гебен»).

По другим сведениям, экипаж «Моржа» принял бой с гидроаэропланами и был потоплен их бомбами.

Создание и боевые действия в 1915–1917 годах первого в мире подводного заградителя «Краб», построенного по проекту М. Налетова, — совершенно самобытного корабля русского военно-морского флота, — без преувеличения можно назвать эпохальным событием в истории мирового подводного кораблестроения.

«Краб» под командованием капитана 2 ранга Льва Феншоу успешно выполнял ответственные боевые задания. Известно, что в августе 1914 года в Константинополь пришли германские корабли — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», которые вскоре были переданы Турции и вошли в состав ее флота. Когда только что построенный и еще небоеспособный русский линейный корабль «Императрица Мария» готовился перейти из Николаева в Севастополь, необходимо было прикрыть линкор от нападения «Гебена» с «Бреслау». Тогда-то и возникла идея преградить выход этим кораблям в Черное море, скрытно выставив у Босфора минное заграждение. Эта задача была блестяще решена «Крабом». Совместно с ранее поставленными там минными полями кораблями Черноморского флота была создана серьезная преграда для прорыва опаснейших германо-турецких кораблей в Черное море. При первой же попытке выхода из Босфора «Бреслау» подорвался на минах и едва не погиб. Это случилось 5 июля 1915 года. С той поры ни «Бреслау», ни «Гебен» не пытались прорваться в Черное море.

Старший лейтенант Иван Ризнич. 1916 г.

«Краб» неоднократно выполнял еще более сложные минные постановки, которые высоко оценивались командующим Черноморским флотом адмиралом А. Колчаком: «По трудности постановки, требовавшей точности путеисчисления, так как расстояние между берегом и болгарским заграждением не превышает одной мили, и при неисправности механизмов лодки считаю выполне-

Погрузка мин на подводную лодку «Краб»

ние командиром «Краба» возложенной на него задачи, несмотря на ряд предшествующих неудач, исключительно выдающимся подвигом».

Подводные лодки русского флота, если обратиться к абсолютным цифрам потопленных кораблей и тоннажа, действовали по сравнению с германскими менее эффективно. Но ведь и задачи у них были совсем другими. А закрытые морские театры, на которые были обречены Балтийский и Черноморский флоты, ни в какое сравнение не шли с океанскими. Тем не менее, когда в 1917 году представилась возможность выйти в Атлантический океан, русские подводники не сплоховали и там. Так, малая подводная лодка «Святой Георгий», построенная по российскому заказу в Италии, совершила океанское плавание. Оно было первым в истории отечественного подводного флота. И какое плавание! Дюжина моряков во главе со старшим лейтенантом Иваном Ризничем прошла на утлом подводном судне из Специи в Архангельск — через Средиземное море, Атлантику, Северный ледовитый океан, пересекая районы боевых действий германских и английских подводных лодок, рискуя навсегда исчезнуть под водой и от вражеской торпеды, и от шальной волны осеннего шторма. Иван Иванович Ризнич благополучно привел «Святой Георгий» в Архангельск. На дворе стоял уже сентябрь 1917 года. Несмотря на блестящую оценку этого похода морским министром, несмотря на правительственные награды, судьба героя оказалась трагической. В январе 1920 года капитан 2 ранга Ризнич был расстрелян в лагере ВЧК под Холмогорами вместе с сотнями других русских офицеров.

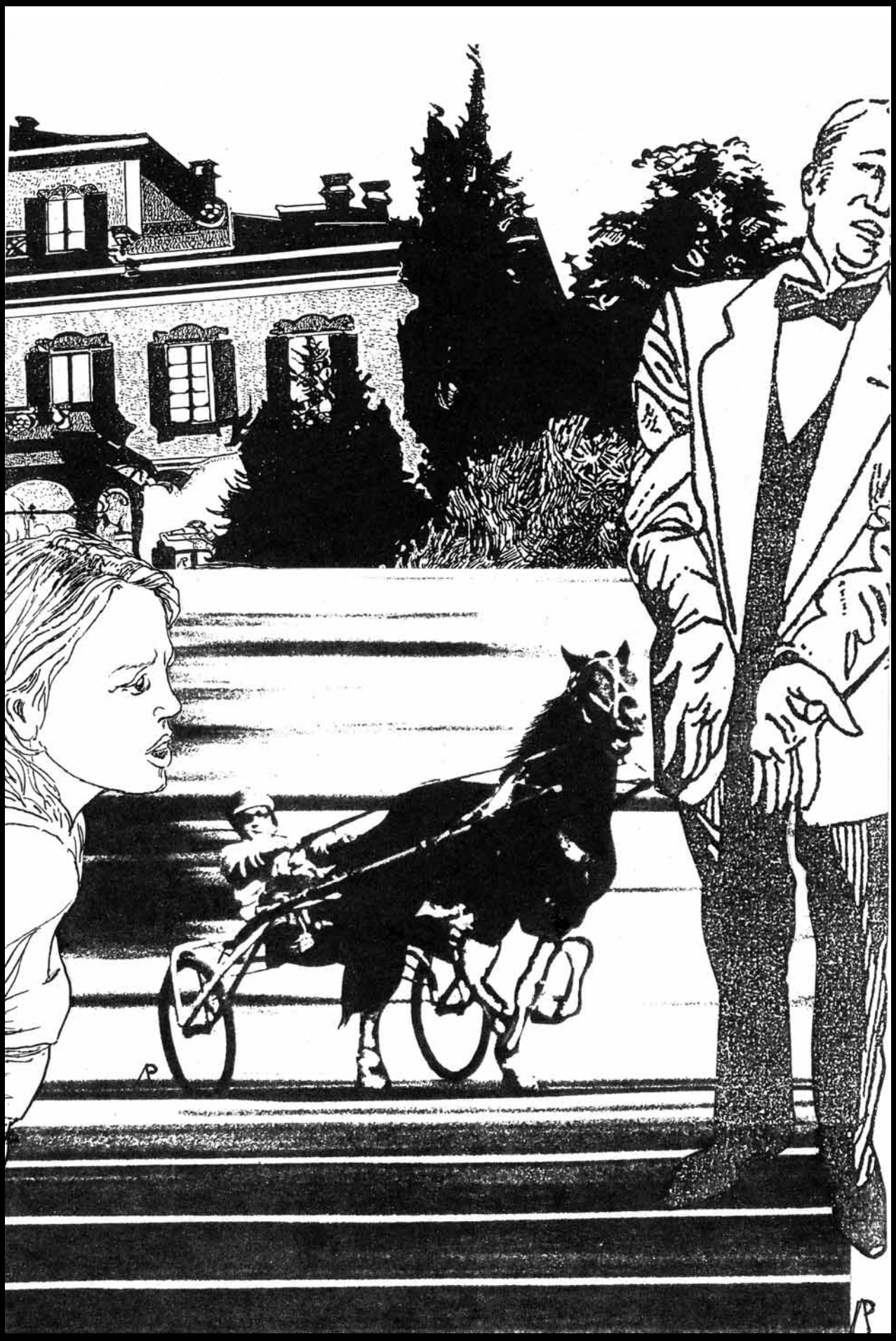
«Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» Этот большевистский призыв, к несчастью, однажды претворился в жизнь.

Кровавая русская усобица надолго лишила Россию подводного флота. Почти все подводные лодки Черноморского флота, вместе с ле-

гендарным «Тюленем», ушли в Тунис, где и окончили свой путь в Бизерте. Долгие годы ржавели и балтийские «барсы» в гаванях Кронштадта и Петрограда. Большая часть их командиров оказалась за кордоном или за колючей проволокой. Как это ни горько, но нет сегодня в России ни одного памятника героям подводникам «забытой войны»: ни Бахтину, ни Китицыну, ни Гудыме, ни Ризничу, ни Ильинскому, ни Меркушеву, ни Феншоу, ни Монастыреву… Лишь на чужбине, да и то на надгробных плитах, можно прочесть имена некоторых из них… Часть командиров-первоподводников навсегда осталась в корпусах своих подводных лодок на морском дне. Время от времени дайверы находят их стальные саркофаги, нанося на карты точные координаты братских подводных могил. Так относительно недавно были обнаружены и «Морж», и «Барс», и «Гепард»... Тем не менее, российский флот помнит имена их кораблей. Сегодня атомные подводные лодки «Акула», «Святой Георгий», «Гепард», «Барс», «Волк» носят те же самые синекрестные Андреевские флаги, под которыми отважно воевали русские подводники в Первую мировую… ❑

Подводные лодки «Тюлень» и «Утка» в Бизерте. 20-е годы

Первый в мире подводный минный заградитель «Краб». Николаев. 1915 г.



Эдгар Уоллес

БЕЛЫЕ ЧУЛКИ

I

Джек Тревор не был ревнив. Он десятки раз говорил это себе, а сейчас он впервые сказал это Марджори Баннинг.

— Ревнив! — вспыхнула она, но тут же взяла себя в руки. — Я не совсем понимаю тебя. Что значит — ревнив?

Было заметно, что Джеку неприятно заводить этот разговор.

— Ревнив — глупое слово, конечно, я хотел сказать, подозри... — начал он и опять осекся.

Молодые люди сидели в Гайд-парке под раскидистым вязом, толпа, способная свести с ума любого, была достаточно далеко, чтобы ее вредное влияние свелось к минимуму, — всего лишь три флиртующих парочки, гувернантка с коляской, полицейский и несколько играющих детей.

— Я хочу сказать, — отчаявшись найти нужные слова, выговорил Джек, — дорогая, я доверяю тебе, и... ну, не хочу выведывать твои секреты, но...

— Но? — повторила она холодно.

— Три раза я видел, как ты едешь в шикарной машине...

— В машине клиента, — тихо ответила Марджори.

— Обязанности парикмахера определенно не занимают весь день и вечер, — настаивал Джек. — Мне очень жаль, если эти расспросы тебе неприятны, правда, жаль, но дело в том, что я видел тебя в этой машине именно в те дни, когда ты говорила, что занята вечером.

Она чувствовала себя не в своей тарелке и горько досадовала — не только на то, что Джек усомнился в ней, что в его глазах ее поведение выглядит и впрямь подозрительно, но и на то, что не может ничего объяснить. А больше всего огорчилась из-за того, что ее молчание подтверждало его подозрения.

— Кто натолкнул тебя на такие мысли? Леннокс Мэйн?

— Леннокс? — фыркнул Джек. — Ну, что за глупости, Марджори! У Леннокса и в мыслях нет говорить о тебе плохо — мне или кому-то другому. Он прекрасно к тебе относится — вспомни, это ведь он нас познакомил.

Марджори работала в большой парикмахерской в Вест-Энде и ненавидела свою работу, ненавидела не только из-за самой необходимости работать. Ее отец, скромный провинциальный доктор, умер несколько лет тому назад, оставив жену и дочь без гроша. Друг их семьи был знаком с владельцем парикмахерской, а старому Феннетту нужна была секретарша. На эту должность ее и нанял этот «цирюльник для женщин», как насмешливо обзывал его Леннокс Мэйн. Впрочем, девушка вскоре перешла от обязанностей секретарши к парикмахерской работе — мистер Феннетт, мастер своего дела, взялся посвящать ее в таинства «культуры цвета».

— Мне ужасно жаль, что это тебя беспокоит, — чопорно ответила Марджори, поднимаясь, — но у нас, работниц, есть свои обязанности, Джек.

— Бога ради, не называй ты себя работницей! — мгновенно вышел из себя он. — Конечно, дорогая, я принимаю твое объяснение, только зачем делать из твоей работы тайну?

Внезапно она схватила его за руку и с улыбкой ответила:

— Потому что мне платят за соблюдение тайны. А теперь пойдем к «Брату Янусу» — я умираю с голоду.

Во время обеда они опять заговорили о Ленноксе.

— Я знаю, что ты его недолюбливаешь, — сказал Джек. — Но он отличный парень, и, более того, очень мне полезен, а я не могу позволить себе терять полезных друзей. Мы учились вместе, но, конечно, он всегда был умнее меня. Он уже заработал себе состояние, а я до сих пор собираю ту тысячу, которая позволит мне ввести тебя в самый невзрачный домик в пригороде...

Она протянула руку под столом, сжала его ладонь и, вздохнув, проговорила:

— Ты прелесть, но я надеюсь, что ты никогда не будешь зарабатывать деньги так, как Леннокс.

Он хотел, было, возмутиться, но она продолжила, движением головы отметая его возражения:

— Девушки, которые красят седеющие локоны знатным дамам, слышат много странного, а у Леннокса дурная слава человека, который добывает деньги сомнительными путями.

— Но его дядя...

— Его дядя очень богат, но ненавидит Леннокса. Все говорят об этом.

— А вот здесь ты ошибаешься, — торжественно возразил Джек. — Они плохо ладили, но теперь, наконец, помирились. Я ужинал с Ленноксом вчера вечером, когда ты разъезжала в этой твоей дорогой машине — дорогая, я ничего плохого не хотел сказать, — в общем, я ужинал с ним, и Леннокс говорил, что старик стал весьма дружелюбен. Более того, — понизил голос Джек, — он поможет мне заработать большие деньги.

— Леннокс? — недоверчиво переспросила девушка и покачала головой. — Я могу представить, как Леннокс наживает состояние сам, или как он обещает золотые горы наивным девицам, но не могу представить его помогающим разбогатеть приятелю.

— Разве он когда-нибудь пытался вскружить голову обещаниями тебе? — рассмеялся Джек, но Марджори не стала отвечать.

Она познакомилась с Ленноксом Мэйном в доме их общего друга, а потом они встречались в парке, как теперь с Джеком. Леннокс предложил ей будущее, которое сулило определенные материальные выгоды, но имело недостатки с точки зрения морали. А потом однажды в воскресенье, когда они гуляли возле реки, Марджори познакомилась с Джеком Тревором... после этого держать филантропа на расстоянии становилось все легче и легче.

На закате, когда молодые люди входили обратно в парк через Мраморную арку, навстречу им попался неопрятного вида человечек с лошадиным лицом, который, завидев Джека, прикоснулся к шляпе и широко улыбнулся.

— Это Вилли Джинс, — объяснил Джек девушке. — Его отец был нашим конюхом, когда мы жили в Ройстоне. Интересно, что он делает в Лондоне?

— А чем он занимается? — спросила она.

— Он собирает информацию о лошадях.

— То есть?

— О лошадях, участвующих в скачках. Вилли отлично знает свое дело. Он работает на одну из спортивных газет, и, думается, там ему неплохо платят.

— Вот странно! — сказала Марджори и рассмеялась.

— Что тебя так развеселило? — спросил Джек, но она не ответила.

II

В странном человеке, неподвижно распростершемся на самом верху стены, было что-то от хамелеона. Его зеленая пятнистая куртка, желтые бриджи и гетры настолько сливались со стеной и нависающими над ней

ветвями деревьев, что девять из десяти людей прошли бы мимо, ничего не заметив. Опираясь локтями на осыпающуюся кладку, он лежал, будто приклеившись к сильному биноклю, и так напряженно следил за чем-то, что лицо его болезненно скривилось.

Уже двадцать минут он ждал в этом положении, и его плотный спутник, сидевший невдалеке за рулем машины, только терпеливо вздыхал. Услышав приближение наблюдателя, он повернул голову и спросил:

— Закончил?

— Угу, — ответил тот.

Толстяк снова вздохнул и направил автомобиль к деревне. Неряшливый наблюдатель нарушил молчание, только когда они добрались до окраин Болдока.

— Ямынь захромал, — бросил он.

При этих словах водитель от избытка эмоций едва не вырулил на обочину.

— Захромал? — недоверчиво переспросил он.

— Начал хромать на середине галопа, — уточнил Вилли. — Теперь ему дерби никак не выиграть.

Они были братьями, Вилли — младший, Пол — старший, хотя семейного сходства между ними было не больше, чем между крысой и почтенной домашней курицей.

Машина остановилась возле почтового отделения Болдока, Вилли вышел и остановился в задумчивости. Так он стоял некоторое время, почесывая подбородок и проявляя другие неожиданные признаки неуверенности. Затем забрался обратно в машину и сказал:

— Поехали в гараж, заправимся.

— Это еще зачем? — спросил сбитый с толку Пол. — Я думал, ты собираешься послать теле...

— Какая разница, что ты там думал? — нетерпеливо прервал его брат. — Поехали, и залей полный бак. Отвези меня в Лондон. Почта не будет работать еще полчаса.

Пол нечленораздельно пробурчал что-то, долженствовавшее выражать удивление и раздражение.

Вилли снизошел до объяснения, только когда братья вернулись на Стивенедж-роуд.

— Если послать телеграмму отсюда, через несколько минут о ней все будут знать, — скептически хмыкнул он. — Ты знаешь эти городки. А мистер Мэйн мне такого вовек не простил бы.

Леннокс Мэйн был его главным работодателем. Несмотря на наличие других клиентов, Джинс-младший в значительной степени зависел от гонорара, получаемого от этого зажиточного покровителя. У него была инте-

ресная профессия. Вилли — один из тех, кого в спортивной прессе называют «наблюдателями». Когда главному нанимателю Джинса-младшего требовалась информация, которую нельзя было получить другим способом, Вилли отправлялся в Уилтшир Даунс, Эпсом или в другое нужное место, и из первых рук добывал информацию о самочувствии нужных лошадей.

— Повезло немного, не без этого, — задумчиво проговорил он через некоторое время. — Не думаю, что есть в Англии еще кто-то, кто сумел бы проследить за лошадьми старого Греймана. Обычно он выставляет в дозор с полдюжины человек, чтобы никто не проскользнул через стену.

Стюарт Грейман владел обширным поместьем на Ройстон-Роуд, прекрасно подходящим для столь скрытой и замкнутой персоны: парк, где дрессировали лошадей, окружала высокая стена, а люди Греймана были сама преданность.

Ценную информацию из конюшни обычно можно добыть, сведя знакомство с кем-то из конюхов, но то ли Грейман платил слугам слишком хорошо, то ли так тщательно подбирал персонал — в результате, постороннему можно было и не надеяться узнать что-либо. И потому старик наводил на букмекеров ужас. Из его конюшни выходили неожиданные победители — секреты хранились настолько хорошо, что, лишь когда скачка заканчивалась, и букмекерские конторы начинали выплачивать выигрыши, становилось понятно, что победитель был «ожидаем». В общем, Грейман мог позволить себе не скупиться, и до сих пор добыть достоверные сведения о его лошадях не удавалось никому. Так что радость Вилли была вполне понятна.

Запыленная машина остановилась в ухоженном сквере, и ответивший на звонок в дверь раздраженный дворецкий отнюдь не сразу согласился впустить посетителей.

Леннокс Мэйн, щеголеватого вида молодой человек, как раз завтракал. Появление неряшливого Джинса удивило его гораздо меньше, чем дворецкого.

— Садитесь, — коротко пригласил он и, когда посетители сели, а дворецкий вышел, снова перевел взгляд на Вилли: — Что у вас?

Пока Вилли вываливал новости, Мэйн внимательно слушал, задумчиво хмурясь.

— Старый дьявол, — негромко и не без восхищения проговорил он, — хитрый старый дьявол!

Вилли, в принципе, был более чем согласен со словами, которыми любящий племянник описал своего дядю Стюарта, но недоумевал, как его новости могли выставить мистера Греймана в более дьявольском свете, нежели обычно.

Леннокс сделал паузу, собираясь с мыслями, и снова заговорил:

— Джинс, вы понимаете, что это должно остаться в тайне? Ни слова о хромоте Ямыня. Могу сказать вам, что десять минут назад дядя звонил мне и сообщил, что скакал на Ямыне, и тот в прекрасной форме.

— Что? — задохнулся от возмущения Вилли. — Да этот конь хром, как...

— Не сомневаюсь, — перебил его наниматель, — но у мистера Греймана есть причины не разглашать этот факт. Он поставил значительную сумму на победу этой лошади в дерби, и теперь нужно время, чтобы выправить положение. Какие еще кони бежали?

— Я не очень хорошо знаю его лошадей, — пояснил Вилли, — но жеребец, который всех обставил, неотразим — таких коней еще поискать. Он обошел остальных, как будто они на месте стояли. Засечь время я не мог, но шли они галопом.

— Ты точно уверен, что захромал именно Ямынь?

— Более чем уверен, сэр, — решительно кивнул Вилли. — Я видел его в Аскоте и Ньюмаркете в прошлом году — эти белые ноги ни с чем не спутать. Нечасто увидишь гнедого коня с четырьмя белыми чулками.

Хозяин помолчал еще немного, затем поинтересовался:

— А какой масти был жеребец, выигравший галоп?

— Полностью гнедой, без единого белого пятнышка.

— Хмм, — задумчиво протянул мистер Мэйн, — это, должно быть, Фэйрилэнд. Я припоминаю его. Спасибо, что пришли, — сказал он, кивком отпуская посетителей, — и помните...

— Ни гугу, — отозвался Вилли, сворачивая две банкноты, которые наниматель толкнул к нему через стол.

Оставшись один, мистер Леннокс Мэйн какое-то время напряженно раздумывал. У него и в мыслях не было винить дядю. Мэйн не мог позволить себе осуждать других за нечестную игру, ведь отнюдь не рыцарские добродетели приносили деньги ему самому. Он был азартным игроком, притом успешным. Играл на бирже, играл на скачках, но больше всего дохода приносили ставки на других людей — или против них. И вот в этой игре он допустил уже два досадных промаха. Он решил сыграть на расположении своего дяди по матери, Стюарта Греймана, и переоценил при этом собственную хитрость — использовал информацию, получаемую от скрытного дяди, для своих дел, и, к его ужасу, это выплыло наружу. Дядя охладел к племяннику на долгих пять лет, и смягчился только недавно — при встрече в «Карлтон-Грилл» во время ланча Ленноксу было сообщено, что он прощен.

— Старый дьявол, — восхищенно пробормотал он, — чуть не купил меня!

Ведь Грэйман сказал ему, что на победу Ямыня в дерби можно ставить смело.

Леннокс Мэйн не доверял никому, и менее всего — старику, который, как он подозревал, затаил на своего племянника обиду. Вот почему он послал Джинса проверить правдивость сведений о невероятной скорости хромого Ямыня. Двухлетний Ямынь до сих пор участвовал только в двух скачках. Его тщательно готовили к большим победам, и рассказанная стариком история выглядела полностью достоверной.

Итак, старик пытался обмануть его! К счастью, Леннокс не успел поставить ни пенни.

Грейман был одной из его неудач, второй была Марджори Баннинг. Временами Леннокс Мэйн раздраженно думал, что она — величайшая его неудача. А ведь казалась такой простой и настолько стесненной обстоятельствами, что должна была сама упасть ему в руки.

Стоило Мэйну вспомнить об этой девушке, как резко зазвонил телефон. Услышав, что это Джек Тревор, Леннокс перекосился, но голос его оставался приветливым:

— Привет, Джек! Заходи, конечно. Ты разве сегодня не работаешь? Хорошо.

Он повесил трубку и вернулся к столу. Джек Тревор! Мэйн отнюдь не простил своего наивного друга и десять минут размышлял, сопоставлял и прикидывал.

Джек занимал неплохую должность в одной из городских контор, а, поскольку торговля резиной в Англии в то время потихоньку приходила в упадок, служба не отнимала много времени.

Леннокс принял гостя в кабинете и подвинул ему серебряную коробку с сигаретами.

— Что привело тебя на запад в этот час? — спросил он. — Останешься на обед?

— Дело в том, — покачав головой, выпалил Джек, — что я несколько встревожен, Леннокс. По поводу Марджори.

— Что такое? — Брови Леннокса взлетели вверх. — Хочет перекрасить тебя в блондина?

— Не настолько все плохо, — улыбнулся Джек, — но... я знаю, ты очень хорошо относишься к Марджори. Леннокс, ты человек умный и даешь бесценные советы, а... понимаешь, я очень волнуюсь из-за Марджори. — Он довольно долго молчал, а Леннокс с интересом наблюдал за ним. — В общем, либо у нее есть таинственный друг, либо таинственная работа, — сказал, наконец, Джек. — Трижды я видел, как она проезжала мимо на шикарной машине.

— Одна?

Джек кивнул.

— Наверное, просто к клиентке ехала, — пожал плечами Мэйн. — Знаешь, даже у женщин, способных приобрести хорошую машину, бывает нужда в особых услугах парикмахера.

— Даже женщины, владеющие дорогими машинами, не нуждаются в услугах парикмахера с трех часов пополудни до одиннадцати вечера, — возразил Джек, — а Марджори возвращается к себе в гнездышко именно в это время. Знаю, что следить за собственной невестой — отвратительно, но именно так я и поступил. Она получает большие деньги. Я поговорил с домовладелицей об отлучках Марджори под тем предлогом, что звонил ей, но не застал. Домовладелица сказала, что Марджори разменивала для нее чек на сотню фунтов.

— Хм-м, всему этому наверняка есть простое объяснение, старина, — задумчиво проговорил Леннокс, — так что не переживай. Уж в чем-чем, а в ветренности Марджори обвинить нельзя. Когда ты собираешься жениться?

— Да бог его знает. Хорошо тебе говорить о женитьбе, с твоим-то достатком, а мне на свадьбу еще год придется копить.

— Ты уже определился с суммой, которая тебе нужна на свадьбу? — с улыбкой осведомился Леннокс.

— Тысяча фунтов. И шесть сотен у меня уже есть.

— Тогда, старина, я помогу добыть тебе даже не тысячу, а десять тысяч.

— О чем ты, черт возьми, говоришь? — изумленно воззрился на него Тревор.

— О темной лошадке, Ямыне, — ответил Леннокс, — это лошадь моего дяди. Я ведь говорил как-то, что помогу тебе сколотить состояние — вот сейчас мы этим и займемся.

Он поднялся, подошел к столу, взял утреннюю газету и какое-то время перелистывал страницы.

— Смотри, вот ставки, — показал он статью. — Сто к шести на Ямыня — а то, что он выиграет дерби, так же несомненно, как то, что ты женишься на своей Марджори. Сегодня ты можешь выиграть десять тысяч за шесть сотен — завтра ставки уже будут ниже.

— Боже правый! Я не могу позволить себе потерять шесть сотен фунтов, — охнул Джек, но Леннокс только рассмеялся:

— Если б ты знал, насколько мал риск, то не дрожал бы, как заяц. Говорю тебе, это верное дело.

— Ну, наверное, шестьдесят фунтов я поставить могу...

— Шестьдесят? — фыркнул в ответ Мэйн. — Старина, какой смысл собирать деньги по крохам? Вот тебе шанс, какой бывает раз в жизни, и, если ты в своем уме, то не упустишь его. Завтра ставки будут где-нибудь

шесть к одному, а не шестнадцать, а сейчас ты можешь поставить деньги и выиграть целое состояние, практически не рискуя.

Он с полчаса говорил о лошадях — о Ямыне, его скорости, его родословной, а Джек завороженно слушал.

— Я позвоню букмекеру и сделаю ставку за тебя.

— Постой, постой, — сдавленным голосом возразил Джек, когда Мэйн поднял трубку, — это огромный риск, Леннокс.

— И огромный выигрыш, — возразил искуситель.

Будь у Мэйна больше времени, он бы устроил дело таким образом, чтобы шесть сотен упали к нему в карман, но сейчас это было невозможно. Джека Тревора следовало поймать немедленно или отказаться от этой идеи вообще — нельзя было давать ему время подумать, или спросить у кого-нибудь совета, или, того хуже, обнаружить, что Ямынь хром. Секрет мог перестать быть секретом в любой момент — новости мог разнести недовольный чем-нибудь помощник конюха, случайно пропущенный шпион, излишне словоохотливый ветеринар... Потеря шести сотен фунтов не обязательно расстроит замужество маленькой вздорной парикмахерши, но уж точно заставит парочку отложить это событие.

— Согласен, — решился наконец Джек, и Леннокс тут же схватился за телефон:

— Ставка на имя мистера Джона Тревора, Кастлмейн-Гарденс... Да, я ручаюсь за него. Спасибо. — Повесив трубку, он посмотрел на Джека со странной улыбкой и мягко произнес: — Поздравляю.

Джек отправился обратно в город, голова молодого человека кружилась, и даже загадки его невесты бледнели от осознания собственной невероятной опрометчивости.

Марджори Баннинг, услышав новости, сразу упала на стул. К счастью, стул был на месте.

— Ты поставил все деньги на лошадь? — потерянно переспросила она. — Ох, Джек!

— Но, дорогая, — уверенно произнес Тревор, — все, что говорил Леннокс, правда, и деньги, считай, уже наши. Вчера на эту лошадь ставили шестнадцать к одному, а сегодня — всего лишь восемь к одному.

— Ох, Джек! — только и смогла повторить она.

Джеку нужно было найти оправдание в собственных глазах. Он до ужаса отчетливо ощущал собственную глупость и проклинал себя за то, что прислушался к голосу искушения.

— Все хорошо, Марджори, — сказал он в малоуспешной попытке ободрить ее, — конь принадлежит дяде Леннокса Мэйна, и тот сказал Леннексу, что эта лошадь точно победит. Марджори, дорогая, подумай, что для нас означают десять тысяч фунтов...

Она слушала, но не спешила успокаиваться. Зная, каких трудов и жертв стоило ему собрать эту сумму, понимая даже лучше жениха, во что выльется потеря этих денег, она не могла чувствовать ничего, кроме глухого отчаяния.

В это же время мистер Леннокс Мэйн испытывал сходные чувства, хоть и по другой причине. Получив телеграмму, «Король наблюдателей» — вряд ли бывал на свете король более неряшливый, небритый и нервный — спешно вернулся на Манчестер-сквер, теперь замызганный «форд» с толстым водителем ждал у дверей, а мистер Вилли Джинс ерзал на стуле и со всем терпением, какое у него нашлось, пытался выстоять под градом оскорблений своего нанимателя.

— Ты полный кретин, а я — идиот, что решил нанять тебя! — бушевал Леннокс Мэйн. — Какой смысл шпионить за лошадьми, если тебя все видят?! Говорил же тебе, никому не выдавай, что связан со мной, олух чертов! Нет, тебе понадобилось открыть рот!

— Не было такого, — возмутился обвиняемый, — я никогда не болтаю. По-вашему, как бы я зарабатывал на жизнь, если бы...

— Нет, ты проболтался. Вот, послушай. — Леннокс схватил письмо со стола. — Это от моего дяди.

«Похоже, Вам недостаточно сказанного мной, и Вы нанимаете шпиона наблюдать за моими лошадьми. Передайте мистеру Вилли Джинсу вот что: если его еще раз увидят в моем поместье или где-то рядом, он получит порку, какой еще не видал...»

Последний абзац, в котором Стюарт Грейман высказывал свое мнение по поводу племянника, Леннокс опустил.

— Я и в мыслях не держал, что меня кто-то видел, когда я прятался на стене, вокруг не было ни души... — пробормотал мистер Джинс. — Я честно заработал свои полсотни.

— От меня ты не получишь ни гроша, — отрезал Леннокс. — Я уже заплатил тебе все, что ты наработал, выметайся, и чтобы я тебя больше не видел!

Вернувшись к брату, мистер Вилли Джинс пребывал в отнюдь не блестящем расположении духа.

— Куда теперь? — невозмутимо спросил толстяк.

Вилли назвал место, и старший брат направил машину в сторону Эпсома. У въезда в Гайд-парк они решили сделать остановку и немного прогуляться по парку. Полицейский предостерегающе поднял, было, руку, завидев машину-развалюху, но «форд» мистера Джинса подходил под определение «личной машины», согласно действующему законодательству, и братьям было позволено присоединиться к сверкающей череде автомобилей, медленно въезжавших в парк.

Сама судьба заставила «форд» заглохнуть в десятке шагов от места, где сидели хмурые возлюбленные.

— Что за странное авто, — сказала девушка, — и разве это не тот человек, которого мы давеча видели, — ну, тот, который следит за лошадьми?

— Да, он самый, — угрюмо подтвердил Джек, и вдруг вскинулся — интересно, а Вилли в курсе?

Он поднялся и подошел к нему. Завидев Тревора, тот приподнял кепку:

— Добрый вечер, мистер Тревор.

— Куда вы направляетесь? — осведомился Джек.

— В Эпсом, посмотреть дерби. Большая часть лошадей уже там, кроме, — сморщился он, — кроме Ямыня.

— А его почему нет? — спросил Джек, холодея, враждебность, с которой Джинс отзывался о фаворите, наводила на худшие подозрения.

— Да потому что он не бежит сегодня, вот почему, — зло бросил Вилли.

— Не бежит? То есть как это? — медленно переспросил Джек.

— Он охромел, — сказал человечек. — Надеюсь, вы на него не ставили?

— Пойдемте со мной, — убитым голосом произнес Тревор, и они подошли к скамейке, на которой сидела девушка. — Марджори, у меня скверные новости, — тяжело вздохнул он. — Джинс говорит, что Ямынь захромал.

— Все так, — кивнул тот, — хром, как старый Джанкет. Это другой конь мистера Греймана. Вы наверняка помните, сэр, ну, тот, который все время выигрывал кентер, а потом сбивал ноги на последней сотне ярдов.

— Я о лошадях мало знаю, — выдавил из себя Джек. — Расскажите мне о Ямыне. Давно он захромал?

— Да вот уже три дня как, — ответил человечек. — Я за ним неделю наблюдал. Он надорвался в конце галопа.

— А мистер Грейман знает об этом?

— Мистер Грейман? — фыркнул наблюдатель. — Еще бы ему не знать. Своему племяннику Ленноксу Мэйну он говорить не захотел, зато сказал я — и даже спасибо за это не получил.

— Когда вы сказали ему? — спросил Джек, стремительно бледнея.

— Позавчера.

— Так Леннокс Мэйн знал!

Джек был потрясен до глубины души.

— Этого просто не может быть, — покачал он головой, — Леннокс бы никогда...

— Леннокс Мэйн и родную тетю продал бы, — презрительно скривился Вилли.

— Так это Леннокс убедил тебя поставить на Ямыня? — спросила Марджори.

Джек кивнул и повернулся к Вилли:

— Вы уверены, что Ямынь охромел?

— Клянусь. Я знаю Ямыня, как свои пять пальцев, — решительно кивнул человечек. — Это единственная лошадь с четырьмя белыми чулками в конюшнях Болдока...

— Болдок! — Девушка вскочила на ноги, пристально глядя на него. — Вы сказали — Болдок?

— Именно так, мисс.

— Кто владеет этой усадьбой? Фамилия?

— Грейман.

— Какой он из себя?

— Старик лет шестидесяти, седой и жесткий, как гвоздь. Тот еще старый дьявол, готов поспорить, он слишком хитер даже для Леннокса Мэйна.

Она долго молчала после того, как Джинс пошел своей дорогой дальше, а потом внезапно спросила:

— Пригласишь меня на дерби, Джек?

— Боже правый! Вот уж не думал, что тебе захочется это видеть, — покачал он головой, — видеть крушение всех наших надежд.

— Так ты возьмешь меня туда, Джек? Мы можем нанять авто на день и посмотреть гонку с его крыши. Отвезешь меня туда?

Он молча кивнул, продолжая удивляться — до сих пор Марджори не проявляла ни малейшего интереса к скачкам.

Похоже, какие-то сведения о проблемах гнедого фаворита все же просочились наружу, потому что утром гонки на Ямыня давали уже двадцать пять к одному, а утренняя пресса муссировала слухи о постигшей его неудаче.

«До нас дошли сведения, — писала «Спортинг-пост», — что с Ямынем, «темной лошадкой» мистера Греймана, не все в порядке. Возможно, неверным будет называть этого коня «темной лошадкой», поскольку он уже дважды принимал участие в скачках, но, пока имя Ямыня не появилось в списке участников, немногие могли предположить, что сын Мандарина и Эттабелль намеревается участвовать в соревнованиях такого уровня. Мы питаем глубокое уважение к хозяину лошади мистеру Стюарту Грейману и надеемся, что слухи преувеличены».

Марджори раньше не бывала на скачках и, наверное, была бы впечатлена и более скромным событием, но Эпсом стал настоящим откровением. Это были не столько скачки, сколько гигантский фестиваль и ярмарка. Пестрая толпа пугала девушку. Стоя на крыше автомобиля, она попыталась прикинуть число собравшихся, но это было невозможно — люди бесконечной фалангой тянулись от одного края скакового круга до другого, занимали все места, окружали букмекеров и заполняли беговые дорожки

между гонками. Оглушающий шум, беспрестанное движение, калейдоскоп цветов, палатки и афиши привлекали ее внимание больше, чем лошади.

— Публика только Ямыня и обсуждает, — сказал Джек, вернувшийся с разведки, — говорят, он в скачке участвовать не будет. Газеты готовят нас к этому. Боюсь, дорогая, я показал себя невероятным глупцом.

Она перегнулась через край крыши и вложила в его руку какой-то листок.

— Это что — кредитный билет? Ты собираешься сделать ставку?

— Я хочу, чтобы ты сделал ставку для меня, — кивнула Марджори.

— И на кого же?

— На Ямыня.

— На Ямыня? — недоверчиво повторил Джек и посмотрел на билет. Тот был на сотню фунтов. Юноша только беспомощно воззрился на невесту:

— Не нужно этого делать, право же, не стоит.

— Я прошу тебя, — твердо сказала она.

Джек пробрался туда, где принимали ставки букмекеры из конторы Таттерсолла, и после окончания предварявшей дерби гонки нашел там своего знакомого. Когда он вернулся к невесте, ставки выросли еще.

— За эту сотню мы, в случае выигрыша, получим две тысячи, — сказал Тревор, — но я еле заставил себя сделать ставку.

— Я бы очень разозлилась, не сделай ты этого, — ответила девушка.

— Но зачем... — начал, было, он и замолчал, когда на доске появились имена участвующих лошадей. — Ямынь участвует, — прошептал пораженный Джек.

Никто не знал этого лучше Марджори. Она видела бирюзовый камзол жокея на предварявшем скачки параде и заметила знаменитые белые чулки сына Мандарина, когда лошади выходили к старту. Ее рука, державшая бинокль, болела от напряжения, но она все смотрела на бирюзовый камзол, пока белая лента не взлетела вверх, и две сотни тысяч голосов не закричали в унисон: «Стартуют!»

Бирюзовый камзол был третьим на подъеме, четвертым на ровном участке у поворота железной дороги, снова третьим на выходе на прямую после поворота с Таттенхем Корнер — а затем пронзительный голос ближайшего букмекера возвестил: «Ямынь победил!»

— Не знаю, с чего и начать, — сказала Марджори вечером, когда они ужинали у нее дома.. — Все началось с месяц назад. Какой-то пожилой джентльмен появился в парикмахерской и прошел прямо к хозяину, мистеру Феннету. Они говорили минут десять, после чего послали за мной. Мистер Феннет сказал мне, что у этого господина особый заказ, и что нужен эксперт в покраске волос. Я сначала думала, что речь идет о нем самом, и было даже жаль, что этому джентльмену захотелось избавиться от

благородной седины. Только на следующей неделе я узнала, зачем в действительности потребовались мои услуги, когда за мной прислали машину и отвезли в Болдок. Там он и объяснил мне суть дела. Спросил, все ли необходимое для обесцвечивания и окраски у меня с собой, и когда я ответила утвердительно, посвятил меня в тайну. Он сказал, что очень щепетильно относится к масти своих лошадей, и что у него есть великолепный конь с белыми ногами — вот эти-то ноги ему и не нравились. Он хотел, чтобы я выкрасила ноги, и конь стал полностью гнедым. Конечно, сначала я рассмеялась — это звучало так забавно, — но он был совершенно серьезен. А потом меня познакомили с этим самым конем. Более странного клиента у меня еще не было, — улыбнулась Марджори.

— И ты перекрасила лошадь?

Она согласно кивнула и добавила:

— Но это не все. Был еще один конь, чьи ноги нужно было обесцветить. Бедненький, теперь ему так и ходить с белыми чулками, разве что хозяин пожелает опять его перекрасить. Тогда я ничего не знала, но теперь знаю, что это конь по имени Джанкет. Каждые несколько дней я должна была приезжать в Болдок, обновлять краску и повторять обесцвечивание. Мистер Грейман договорился с мистером Феннетом, что мой гонорар останется в тайне даже от фирмы, и, конечно, я ничего не сказала — даже тебе.

— Значит, когда я видел тебя в машине...

— Я ездила в Болдок, красить и обесцвечивать моих очаровательных клиентов, — рассмеялась Марджори. — Я совершенно не разбираюсь в скаковых лошадях, и не имела ни малейшего представления, что конь, которого я красила — это Ямынь. Пока Вилли Джинс не сказал «Болдок», я не знала, что конюшня имеет какое-то отношение к дерби.

Утром, после того как мы расстались, мне пришлось опять ехать в Болдок и удалять краску: мистер Грейман сказал, что передумал и снова хочет видеть коня с белыми чулками. Вот тогда я отважилась поговорить с ним и рассказала, в каком ты положении. Он мне во всем признался и взял с меня обещание хранить все в тайне, рассказав, как помирился с Ленноксом, а потом узнал, что племянник ему не верит и следит за лошадьми. Мистер Грейман настолько разозлился из-за этого, что решил пойти на обман — перекрасил лошадей и позволил шпиону увидеть, как охромел бедный Джанкет — он знал, что тому не выдержать кентера. А сам поставил на Ямыня, и это должно было принести ему целое состояние.

— Так значит, ты единственная из всех собравшихся на Эпсом Даунс точно знала, что Ямынь победит?

— А разве я не на него поставила? — с улыбкой спросила парикмахерша. ❑

Перевод с английского **Дмитрия Глухова**

Виктор Кашкин

***

Россия дальше Енисея,
Повсюду, где ее судьба.
И там, где внуков Моисея
Согрела русская изба,

И там, где стала заграницей,
Такой уж выпал ей формат,
Что даже у себя в столице
Она живет как эмигрант.

Оставили ей сарафаны,
Простили ей колокола,
И предлагают за бананы
Забыть, какой она была.

Забыть о Куликовом поле,
Полтаве и Бородине,
И про Заступницу, в чьей воле
Радеть о нашей стороне.

Россия дальше Енисея,
За Волгой тоже наша речь,
И под созвездием Персея
Мы русскую топили печь

В Архангельске и Магадане,
За Доном и за Иртышом —
Везде, где Родина за нами
И уцелевший русский дом.

***

Все чаще, кажется, дрожит
Из-за меня в потемках ночи
Звезда, чья жизнь моей короче,
Коль ею день не дорожит.

Все чаще, кажется, на мне
Вина ее исчезновенья,
Когда последнее свеченье
Звезды погашено в окне.

Все чаще, кажется, не спит
«Медведица» под небом ночи
Из-за меня, чья жизнь короче,
Пока рассвет не предстоит.

***

Заречемся ли ненавидеть,
Раз уж следуем за Христом,
Всех, сподобился кто обидеть
Нас и в праздники, и постом?

Раз уж лучшего нет предлога,
Чтобы с краю и в стороне
Затерялась моя берлога
В ошалевшей от пуль стране.

Раз уж грешный (не смог иначе)
Припаду ко святым образам
И о русской юдоли заплачу,
И о тех, кто не верит слезам.

***

Феня, Груша, Анастасия,
Брат их младшенький Михаил —
Все мне сродники — и Россия
Та, которую дед любил.

Он в крестьянстве мозолил руки,
Черепицу на сруб копил,
Но ушли из деревни внуки
Той, которую дед любил.
И не только дорогу эту,
Потерявшись среди могил,
Не нашел я тропинки к деду
Или к тем, кто его любил:

Фене, Груше, Анастасии,
С ними меньшенький Михаил,
И последние дети России,
Той, которую дед любил.

Олег Севрюков

Бабочка-душа

Если б душе моей крылья шумящие —
Прянула б в небо она беспечальное,
Перечеркнула бы сроки отчаянья
В бездне пространства полетом
стремительным.
Льдисто-тревожной, мучительной ночью
Бабочкой хрупкой к тебе б прилетела,
Крылья сложив, на ладонь твою села,
Отогреваясь теплом человеческим.

…Если вдруг сердце твое неожиданно
Кровью омоется долгими зимами. —
Знай — это крыльями бьется незримыми
В душу — душа моя — бабочка хрупкая!!..

Твои глаза

Любимая! Возьми мою ладонь.
На ней судьбы нехитрые узоры.
Оставим на мгновенье разговоры.
Любимая! Возьми мою ладонь!

Слов не нужна обманчивая вязь.
Пусть говорят друг с другом наши
руки.
Знакомы им и радости, и муки.
Их откровенность — подлинная связь.

Любимая! Согрей меня теплом,
Твои глаза лучисто-голубые, —
До кома в горле близкие, родные,
Любимая, согрей меня теплом!

Пусть сердце остановится на миг,
Затем рванется, натянув поводья,
Пусть захлестнет весенним
половодьем
Лучистое безумство глаз твоих!

***

Старый грек, усатый грек —
Ты веселый человек!
Наливай вина скорее,
Да продлит Господь твой век!

Был твой прадед винодел —
Ты в сем деле преуспел,
И твои, старик, подвалы
Покидать я не хотел!

Но пора и честь бы знать,
Потому как можно впасть
В бесконечный вино-праздник,
Над собой утратив власть!

Будь здоров же, грек-старик!
Ты воистину велик!..
Уношу в руках бутылку,
А в душе — усатый лик!

***

Что наша жизнь? Лото,
И суета сует,
Мы чаще видим то,
Чего в помине нет.

Ведь человек не Бог,
А, значит, не дано
Ему постигнуть срок,
Узреть, где жизни дно.

И потому живи,
Как если б жил в раю —
Апостолом любви
У смерти на краю!

Жеребенок

Чуть прикрою глаза и вижу
Снова поле созревшей ржи.
Жеребенок, как солнце рыжий,
Мне навстречу легко бежит.

От земли тянет сладким зноем
Так, что кружится голова.
Вот теперь-то уж мы знакомы,
Старорусская сторона!

Брошусь навзничь, раскинув руки,
В золотые колосья ржи!
За какие заслуги и муки
Это счастье во мне, скажи?!

Чуть прикрою глаза и вижу
Снова поле созревшей ржи,
И сквозь раннюю зорьку — рыжий
Жеребенок ко мне бежит.

Я знаю

Я знаю, вы забудете меня,
Когда наступят вьюги и метели,
Но март, ручьями вешними звеня,
Придаст вам силы музыкой капели.

Тогда-то вы, очнувшись от зимы,
Меня припомнив, улыбнувшись свету,
Поверите в несбывшиеся сны,
Во власть любви и в яркую комету!

Тогда-то вы припомните о том,
Что, боль души изведав в этом мире,
Любви своей дарила вам тепло
И думы поверяла тихой лире.

Ну а когда засвищут соловьи
В предчувствии пленительного лета,
Я знаю, вспомните стихи мои,
Рожденные моей душой поэта!

Чтоб строки светлые...

О, если б затеряться где-то
От лиц ненужных и пустых!
Сбежать туда, где бабье лето —
Среди березок молодых!

С собою взяв одни тетрадки,
С душой, открытой всем ветрам,
Войти в природу без оглядки,
Как входит верующий в Храм.

На лебединые бы стаи
Смотреть в звенящей тишине,
Чтоб строки светлые слетали
Листвою золотой ко мне. ❑

Ирина Опимах

Николай Петрович Богданов-Бельский

«Устный счёт. В школе С.А. Рачинского»

Обычно репродукции картин можно увидеть в альбомах по искусству или в монографиях, посвященных художникам. Но эту картину, написанную в 1895 году и хранящуюся в Третьяковской галерее, вы скорее найдете в учебниках по математике и сборниках задач на смекалку. Дело в том, что ее сюжет — урок в школе, и на доске — пример, который не сразу решит даже сегодняшний старшеклассник, а может, и студент.

Речь идет о картине Николая Петровича Богданова-Бельского, которая так и называется — «Устный счет». Более полное ее название — «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского». Мы видим симпатичных крестьянских мальчишек в холщовых рубахах и лаптях, которые делают в уме непростые вычисления, «шевелят мозгами», и их учителя, в глазах которого светится ум и безграничная доброта. Как же он любит своих юных питомцев! И изо всех сил старается научить их мыслить — свободно, весело, азартно. Ведь только так можно воспитать из этих не избалованных вниманием и заботой парнишек настоящих, сильных, благородных людей…

Как же так получилось, что на картине известного передвижника появилась непростая математическая задачка?

Николай Петрович Богданов-Бельский родился 8 декабря 1868 года в деревне Шитики Бельского уезда Смоленской губернии (впоследствии название родного уезда было присоединено к фамилии). Он был

«Виртуоз»

Справа: *«Сельская школа»*

внебрачным сыном батрачки. «*Я ведь от земли*, — писал он о себе, — *отца не видел: я незаконнорожденный, сын бедной бобылки, оттого Богданов, а Бельский стал от имени уезда. Был пастушонком*».

И может, так вот и сложилась бы его жизнь в этой деревне, и пас бы он стада коров, и ничего с ним примечательного не случилось, если бы он не попал в школу замечательного русского педагога Сергея Александровича Рачинского. Но ему повезло, да еще как! В соседнее село Татеево, в свое родовое гнездо приехал московский профессор Сергей Рачинский, как многие интеллигенты того времени решивший пойти в народ. Сергей Рачинский был представителем древнего российского рода, приходился родней поэтам Кюхельбекеру и Баратынскому, но выбрал совсем иное дело в жизни — закончил физико-математический факультет Московского университета. Продолжив образование в ведущих университетах Европы, он вернулся в Россию и возглавил кафедру физиологии растений в родном университете. В 24 года Рачинский получил степень доктора ботаники за труд «*О некоторых химических превращениях в растительных тканях*», а в 1864 году перевел на русский язык «Происхождение видов» Дарвина — именно благодаря Рачинскому российское общество узнало о дарвиновской теории эволюции. Надо сказать, профессор Рачинский был человеком широких интересов — увлекался не только

наукой, но и литературой, историей, писал интересные статьи о поэзии, музыке, живописи.

В университете Рачинского коллеги очень любили, а студенты — те его просто обожали, ведь он, как мог, всегда помогал бедным талантам. Начиная с 1861 года, он вместе со своим братом Константином «изъявили желание жертвовать ежегодно из своего жалованья каждый по 500 руб. серебром на отправление за границу для усовершенствования в математических и естественных науках молодых людей по назначению физико-математического факультета». Среди этих счастливчиков оказался и Александр Столетов, в будущем — гордость российской физики.

В гостеприимном доме Рачинского по вечерам любили собираться представители московской интеллигенции. На огонек к профессору приходили Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский, братья Аксаковы… Говорили об искусстве и литературе, о новейших научных теориях и, конечно же, об острых социальных проблемах. Тогда многие считали, что нужно идти в народ, нести знания, просвещать крестьянство. И Рачинский принимает решение оставить Москву и ехать в село Татеево, в свою родовую усадьбу — нести просвещение в народные массы. Там он организовывал новые сельские школы, и сам преподавал в одной из них. Рачинский обустроил при школе общежитие, где ребята из окрестных деревень могли переночевать, если вдруг на дворе непогода, или даже остаться на пару не-

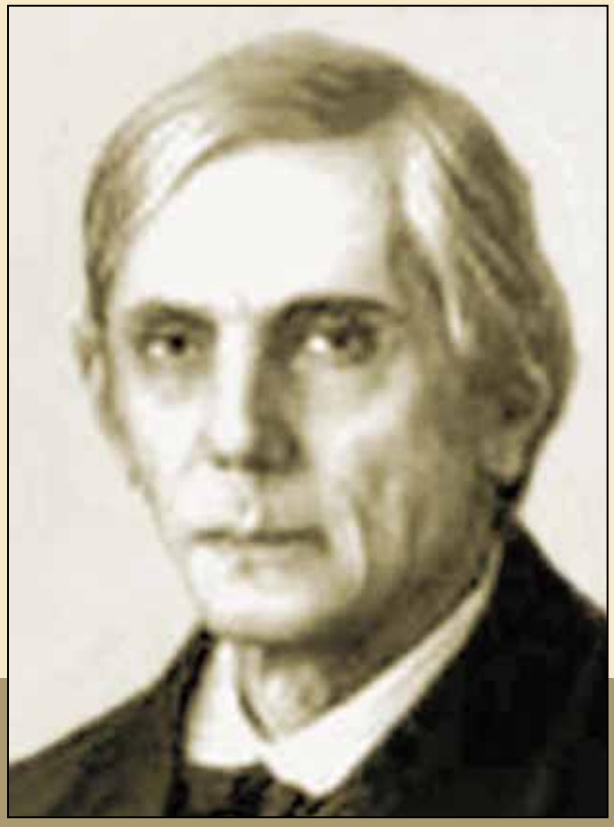
«Новая сказка»

Справа:
«На именинах у учительницы»

дель, если дома были какие-то трудности. Он тоже нередко оставался на ночь в школе и даже поставил топчан в своем кабинете. (Надо сказать, что все Рачинские ратовали за образование простого народа. Первую школу в Татеево организовал отец Сергея Александр Рачинский, друг Дельвига и декабристов, а преподавали в ней старший брат и сестра Сергея.)

Рачинский много размышлял над тем, как учить этих совсем не избалованных жизнью ребятишек, как привить им тягу к знаниям, интерес к миру, который их окружает, как

научить тому, что им будет необходимо в их взрослой жизни. Он писал работы по педагогике («Заметки о сельских школах» и другие), которые пользовались популярностью у таких же как он энтузиастов-педагогов, готовил и пособия для своих учеников — к примеру, сборник «1001 задача для умственного счета», «Арифметические забавы», «Геометрические забавы». За тридцать лет этот замечательный педагог создал на свои деньги около трех десятков сельских школ. Он всегда



Сергей Александрович Рачинский

ценил одаренность и помогал реализовывать свои способности и таланты наиболее ярким ученикам, и они, свято храня благодарность своему учителю, становились не только преподавателями (а таких было около 40!), но и художниками, священниками, врачами. Кстати, Рачинский строил не только школы, но и больницы, а еще организовывал общества трезвости, понимая, какое зло несет его соотечественникам алкоголь. Недаром крестьяне называли его «наш отец родной». Это был настоящий подвижник!

Его деятельность не осталась незамеченной властями, так, Николай II писал в Высочайшем рескрипте на имя Сергея Рачинского:

«Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковно-приходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений. Близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность.

Слева:
«Мальчики рыбачат с мостка»

«Семейная ссора»

Пребываю к вам благосклонный Николай».

(Кстати, в «ужасной» царской России перед революцией открывалось каждый год десять тысяч новых школ, а учитель был уважаемым членом общества и получал в пересчете на наши деньги 91 тысячу рублей ежемесячно!)

В 1891 году Академия наук избрала С. Рачинского в члены-корреспонденты.

И вот юный Коля Богданов, этот «Богом данный» ребенок, сын батрачки, попал в класс такого учителя.

То был поистине подарок судьбы! Рачинский сразу заметил у мальчика явные способности к рисованию,

«Первый урок»

Справа: *«Инок»*

он все время вырезал какие-то фигурки из дерева, что-то рисовал. Именно благодаря Рачинскому Богданов поступил в школу рисования при Троице-Сергиевой лавре, а потом — в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Окончив его, молодой художник стал студентом петербургской Академии художеств, где учился в классе у И.Е. Репина. С 1890 года Н.П. Богданов-Бельский — постоянный участник выставок передвижников. Пройдет совсем немного времени, и бывший пастушок станет знаменитым живописцем, действительным членом Академии художеств. Его картины будут приобретать лучшие музеи страны. К примеру, написанный в 1895 году «Устный счет» уже через год купила Третьяковская галерея. Так благодарный ученик подарил вечную жизнь своему учителю.

Богданов-Бельский — автор множества портретов своих знаменитых современников, но помнят и любят его за небольшие жанровые картинки, каждая из которых пропитана опытом его собственной нелегкой жизни, каждая — кусочек давно ушедшего от нас прошлого. Возможно, его полотна нельзя назвать шедеврами мирового искусства, но они излучают такую любовь к людям, так искренни, так свежи, и его герои — такие настоящие, что художник, несомненно,

заслужил вполне почетное место в истории русского искусства.

Октябрьская революция перевернула всю его жизнь. Богданов-Бельский, этот сын безродной батрачки, не принял новые порядки и новую «народную» власть, и, покинув Родину в 1922 году, поселился в Риге. Он полюбил негромкую красоту этой страны, которая напоминала ему край его детства.

«*Латвия вообще очень живописна*, — отмечал Н.П. Богданов-Бельский, — *и в особенности Латгалия. Природа ее очень мне напоминает северную часть Смоленской губернии, где я родился и провел свое детство*».

С 1922 по 1940 годы в Латвии состоялись 7 выставок работ художника. Увидели его картины и в других странах — в Белграде, Праге, Копенгагене, Берлине, Гамбурге, Хельсинки, Осло, Таллине, Мюнхене, Торонто с большим успехом прошли его выставки. А в 1936 году художник был даже награжден высшей наградой Латвии — орденом «Три Звезды».

В 1944 году художник тяжело заболел, и его жена, прибалтийская немка, повезла мужа в Берлин. Н.П. Богданов-Бельский скончался в Берлине 19 февраля 1945 года, во время бомбардировки больницы, где он лежал. Художника похоронили на русском православном кладбище Тегель.

По-разному сложились судьбы его друзей, тех очаровательных мальчишек, которых он изобразил на своей картине «Устный счет», и по

ним тяжким молохом прошлось это страшное время — первая половина XX века. Иван Ростунов из деревни Демидово работал потом в колхозе, вырастил семерых детей, двое из которых погибли в Великой Отечественной войне. Крайний слева на картине — Дмитрий Волков. Благодаря своему учителю, заметившему у него интерес к медицине, Волков получил медицинское образование, работал в госпитале, в войну был

фельдшером партизанского отряда, а после победы лечил своих односельчан. Один из мальчиков, ставший священником Александром Васильевым, духовником царской семьи, был расстрелян в самом начале красного террора в 1918 году.

А их учителю Сергею Александровичу Рачинскому не пришлось пережить революцию и стать свидетелем того, что она принесла его Родине, ученикам и друзьям — он умер гораздо раньше, 2 мая 1902 года, отдав школьному делу более тридцати лет своей жизни и значительную часть своего состояния. Этот настоящий Учитель с большой буквы не увидел новую школу, которая была построена в Татееве в 1907 году. Красивое здание из красного кирпича оказалось на редкость прочным — оно пережило и послереволюционную разруху, и немецкую оккупацию — в отличие от самой усадьбы Рачинских. Ее начали уничтожать еще в конце двадцатых годов. Грабили, уносили, что могли… Разрушили и фамильный склеп Рачинских, где покоились останки представителей этого славного рода, и Сергея Рачинского тоже. Храм в Татееве превратили в ремонтную мастерскую, а учителей и учеников школы разогнали. В войну немцы устроили в селе госпиталь, а из барского дома вырвали старинный дубовый паркет (наверное, тогда только он и остался в доме из ценного) и отправили его вместе с могильными плитами из склепа в Германию. А потом взорвали и сам дом.

Имя Сергея Рачинского на Родине надолго забыли. Зато в эмиграции о нем помнили, и даже в 1956 году издали книгу «С.А. Рачинский и его школа». Но справедливость восторжествовала, и сегодня его школа — по-прежнему культурный центр старинного села, где глубоко чтят удивительно светлого человека — Сергея Александровича Рачинского. Помнят и о его учениках, о славных выпускниках Татеевской школы. И каждый год здесь широко, с гостями, отмечают его день рождения. Его имя вернулось в российскую педагогику.

В 1871 году Петр Ильич Чайковский написал Первый струнный квартет и посвятил его своему другу Сергею Александровичу Рачинскому. «Это первый шаг к моему бессмертию», — благодарил композитора Рачинский. Знал ли он о том, что второй шаг к его бессмертию будет сделан благодаря замечательной картине его ученика художника Николая Богданова-Бельского? Что пройдут года, и мы, так же, как его сельские ученики, крестьянские детишки, будем пытаться решить непростой пример, написанный на доске, а потом вглядываться в лицо учителя — умное, тонкое, полное доброты и любви к науке и к своему народу.

И очень хочется думать, что и в сегодняшней России есть такие бескорыстные, чистые люди, для которых высокие слова о служении своему народу и своей стране что-то действительно значат… ❑

ЭВКЛИД КЮРДЗИДИС — заслуженный артист России. Сыграл в картинах у таких мастеров, как Мотыль, Балабанов, Кэнью… Известен по работам в телевизионных фильмах и сериалах. Зрители знают его по фильмам «Война», «От 180 градусов и выше», «Бабий Яр», «Киллер», сериалам «Мой личный враг», «Сатисфакция», «Усадьба», «Оперативный псевдоним», «Спецназ», «Баязет», «Любовные авантюры», «Марш Турецкого», «Мужская работа», «Директория смерти»… — перечислять можно дальше и дальше, в арсенале у артиста более тридцати картин.

Эвклид Кюрдзидис:

«Всё родом оттуда, из детства...»

— Эвклид, вы играете царя Креонта в спектакле «Антигона» древнегреческого драматурга Софокла в постановке Александра Смольякова. Не так давно состоялась премьера, скажите, чем интересна вам эта новая работа?

— Я всегда мечтал сыграть в античной пьесе, и … получил замечательное, неожиданное предложе-

Фильм «V Центурия». Роль Джафара Маршана

ние от Теодоры Янници — директора Греческого культурного центра! Она — организатор этого проекта. Это невероятно, если ты можешь прикоснуться к вечному… Креонт, на мой взгляд, выдающаяся личность, достойный правитель, почитаемый своим народом. Он — лидер, который не боится признавать свои ошибки. Царь, который сумел покаяться. Пьесу в переводе Зелинского играем на русском, древнегреческом и греческом языках, и когда герои говорят на языке оригинала, зритель понимает смысл происходящего из реплик, звучащих на русском языке. Греческий композитор Никос Ксантулис написал оригинальную музыку к постановке, красивые декорации, костю-

мы, особая энергетика, царящая во время спектакля, — все это создает атмосферу Древней Греции. Спектакль идет полтора часа без перерыва, и, как говорят сами зрители, на одном дыхании. Антигону играет Теодора Янници. Это счастье — участвовать в спектакле с такой замечательной актрисой, она родом из Афин и связана с Грецией, если так можно выразиться, на генетическом уровне.

«180 и выше». Роль Зурик

— Как проходили репетиции? Вероятно, это был непростой процесс?

— Артисты всецело погружались в материал, находились в постоянном поиске. Можно сказать, что я просыпался и засыпал в тот период только с мыслями о своем герое. Царь Креонт — крепкий орешек!

— Где будете гастролировать с «Антигоной»?

— Предстоят гастроли в столице Греции. Готовлюсь морально, не скрою, что очень волнуюсь. Непросто выйти на сцену в древнегреческом амфитеатре, перед многотысячной аудиторией… У меня уже был концерт-импровизация в Афинах, но

попасть, что называется, в «святая святых» — это редкость для артиста, огромное счастье и большая ответственность.

— Можно сказать, что звезды сошлись: вы — грек, играете в древнегреческой трагедии на родном языке, а в жизни вы хорошо говорите на греческом?

— Не так хорошо, как хотелось бы, но мама считает, что я говорю на нем лучше, чем мои братья.

Я родился в СССР, в греческом поселении, позднее мы переехали с родителями в Ессентуки, среднюю школу я окончил в Ставропольском крае. Родные приехали в СССР во время Второй мировой войны, мои бабушка и дедушка эмигрировали

через Черное море, когда немцы оккупировали Грецию. Если у меня бывает свободное время — обязательно лечу к родным и близким, я по ним очень скучаю. С родными людьми я могу просто помолчать, они меня хорошо понимают. Никогда не задают тех вопросов, которые осмеливаются задавать люди, не имеющие на это право.

— А что вам особенно не нравится в некоторых людях?

— Хамство, жадность, безответственность. Я очень ценю терпимость, мне нравятся люди добрые, искренние, внимательные. Когда вижу сегодня воспитанного молодого человека — я радуюсь, и, знаете, мне хочется поблагодарить за это его родителей. Мы рождаемся в разных семьях, учимся в разных школах, но мне важно, как человек воспитан. Я умею «докопаться» до его сути, даже если он держится закрыто. Ведь мы, артисты, в некотором роде психологи и хорошо разбираемся в людях. Я редко в них ошибаюсь, кроме того, у меня отличная интуиция.

— Ваша первая работа в кино «И несут меня кони». Вы сыграли у выдающегося режиссера Мотыля....

— Владимир Яковлевич Мотыль — мой крестный отец в кинематографе! В 1993 году я поступил во ВГИК на платное отделение и вдруг узнаю,

Слева: фильм *«Алые паруса»* *«Бабий яр»*

Фильм «Светофор»

что за учебу мне нужно заплатить одну тысячу семьсот долларов. Сумма оказалась для меня просто огромной! Таких денег не было. А у Владимира Яковлевича Мотыля я подписал контракт на фильм, где у меня была роль третьего плана, за которую мне, оказывается, причиталось всего шестьсот рублей. Придя домой, я не знал, что делать дальше, с ужасом думал, как оплатить учебу. И вдруг раздается телефонный звонок. Это был сам Мотыль. Он сказал: «Я сделал все, чтобы за роль вы, Эвклид, получили три тысячи долларов». Так благодаря Владимиру Яковлевичу я смог начать учебу в вузе.

— Эвклид, правда ли, что артистом вы захотели стать еще в раннем детстве?

— Да, где-то в классе третьем-четвертом. Я очень любил, когда вокруг меня люди радуются и улыбаются, и мог устраивать сумасшедшие вещи, даже если мне потом доставалось! Всё родом оттуда, из детства. Чем я только тогда не занимался: бальные танцы, акробатика, учился играть на трубе, балалайке, ходил на многоборье. В школе, где я учился, у нас был замечательный педагог русского языка и литературы — Чумакова Инна Михайловна. Она приобщала нас, ребят, к творчеству, мы разыгрывали пьесы, читали стихи, готовили всевозможные «капустники». Помню, как «ставили» пьесу «Ревизор» Н.В. Гоголя с одноклассниками…

В четырнадцать с половиной лет я поехал в Днепропетровск, посту-

пать в специальное театральное училище — в таком возрасте учиться актерской профессии можно было только там. Поступил с первого раза. А в начале 90-х годов приехал в Москву и закончил ВГИК, мастерскую Анатолия Ромашина.

— Какими новыми работами порадуете зрителей ?

— Впереди гастроли, кинофестивали в Благовещенске, Владивостоке, Ялте, Владикавказе… Мой график расписан на полгода вперед. Я давно мечтал поработать с французским театральным режиссером Режизом Обадиа.

Он расстроился, узнав, что я сыграл «Антигону» не в его постановке, и предложил сыграть в спектакле французского драматурга. В августе приступаю к работе над ролью. Премьера состоится в октябре этого года.

В 2015 году планируется постановка античной комедии греческого режиссера во Владивостоке, в драматическом театре, и я сыграю там одну из главных ролей.

— А что нового в кино?

— Очень скучаю по кино! Но, увы, интересных предложений пока нет. Мне важен материал, моя роль. Когда-то скучал по театру, а сегодня я всецело в нем, я в нем растворился, и это прекрасно. И все же надеюсь начать интересную работу в кино!

— У кого хотели бы сняться?

— Боюсь называть имена, знаете, бывает так, что попадаешь на

«Антигона»

съемочную площадку к художнику, и тебе уже не хочется с ним работать. Важен человеческий фактор.

Хотелось бы встретиться с Владимиром Ивановичем Хотиненко, надеюсь, что когда-нибудь поработаю с Павлом Лунгиным, с Никитой Михалковым…

Да и с начинающими кинематографистами интересно поработать.

— Филипп де Бове из фильма «Мой личный враг» — ваш любимый герой ?

— Знаете, я создал Филиппа таким человеком, каким в идеале сам бы хотел быть. Вложил в этого героя столько любви! На съемках, что называется «гнул» свою линию, приходилось серьезно бороться на пло-

щадке с режиссером, отстаивая «моего» Бове.

Позднее, уже на озвучивании картины режиссер признал, что я был прав.

— Спектакль с вашим участием «Ladies night, или Только для женщин» идет с большими аншлагами. Зал буквально взрывается, его будоражит на протяжении всего действа. Публику захлестывают эмоции, она реагирует живо, остро, буквально «включается» в происходящее.

Знаю, что вашу команду из этого спектакля приглашали в Париж автор пьесы Жак Коллар и Пьер Карден.

— Поездка была замечательная, в Париже мы провели целую неделю.

Жак Коллар оказал нам честь — пригласил на ужин в «Максим» — самый известный ресторан, место встречи знаменитостей 20 века, где любили бывать Федор Шаляпин, Сара Бернар, Шарль де Голль, Федерико Феллини… На столе были всевозможные изыски — гастрономический шик и люкс!

— А удалось побывать в театре Пьера Кардена ?

— Конечно. Посмотрели в его театре музыкально-драматический спектакль, в жанре французского шансона. Актер и актриса исполняют песни от начала 40-х до 90-х годов. Такая красивая история любви мужчины и женщины.

Поют и играют с удивительной легкостью, так, словно в первый раз! Думаю, такое дано не каждому актеру.

— Я знаю, что постановка «Ladies night, или Только для женщин» недавно покорила Таллинн...

— Впервые гастролировали в Эстонии и имели успех у публики. Аншлаги, билетов не купить. В этом году, осенью, у спектакля начнется уже тринадцатый сезон!

— А в кино у вас бывали экстремальные съемки?

В фильме «Война» у Алексея Балабанова снимался в экстремальных условиях от начала и до конца. Мы, актеры, по-настоящему тонули в реке, нас спасал МЧС, стреляли из оружия. Даже ночевали в горах, в настоящих земляных домах. На съемках не было никакой воды, кроме питьевой, и мы не мылись по 12–14 дней. В картине есть момент, когда мой герой переносит через горную бурную реку за спиной мешок с оружием весом почти 80 килограммов. Руки у меня по роли завязаны, и вот, иду и чувствую, что поток воды меня сносит, и я начинаю тонуть… Алексей увидел, что вода меня накрывает, спросил: «Ты тонешь?» Я смог только кивнуть головой, и каскадеры тут же бросились меня спасать.

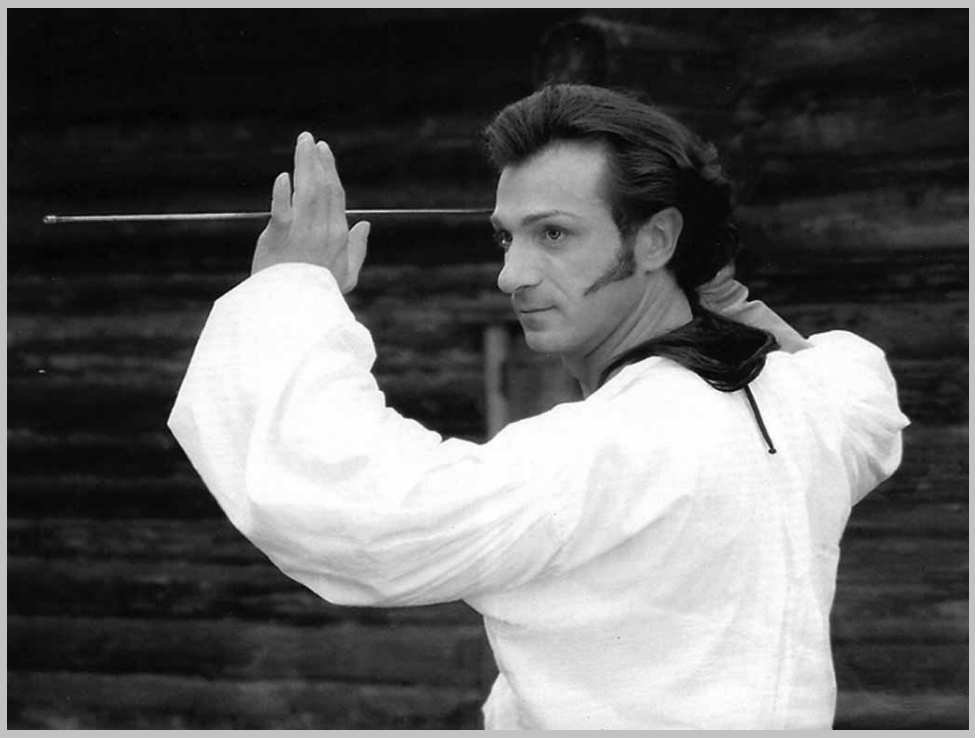
— Зачем такой жесткий натурализм на съемках?

— Все должно быть честно и правдиво, от правды никуда не денешься, иначе картина вряд ли получится!

В «Оперативном псевдониме-2» все трюки делал я сам, а в финале даже пришлось прыгнуть с четвертого этажа. Я очень благодарен каскадерам, это они вселили в меня такую уверенность!

Слева:
фильм
«Светофор»

«Сатисфакция»



— Вы играли с дивой итальянского кино,телеведущей Барбарой Де Росси в картине голливудского режиссера Джеффри Кэнью «Бабий Яр». Как работалось со столь знаменитыми зарубежными коллегами ?

— Великолепно! Мы, актеры, все одной группы крови, и контакт нашли быстро. Интересно, что играли роли каждый на своем родном языке, я по-русски произносил текст, Барбара по-итальянски, Майкл Демон по-немецки, а режиссер говорил с группой по-английски.

На первый же съемочный день «попала» самая сложная сцена — эротическая. Нас с Барбарой представили друг другу, и через десять минут мы отправились с ней на пло-

щадку. По фильму играем мужа и жену. Он лежит в больнице, парализованный, без ног… Они не виделись год, и вот она, долгожданная встреча! Начинается сцена любви… Надо обнажаться. Мне было проще — просто лежал в кровати с открытым торсом, а вот Барбаре посложнее предстояла задача! И, чтобы снять психологический барьер, режиссер стал рассказывать нам историю своей первой брачной ночи, да так подробно, что нам, «слушателям», стало даже неловко. А потом говорит: «Теперь в кадр!»

— Эвклид, вы капризный актер? Свои условия ставите на съемках?

— На съемочной площадке нужно заслужить хорошее отношение к себе. Когда ты заслужил хорошее отношение к себе, тогда чашку чая на съемочной площадке тебе готовы будут принести десять человек! А капризному артисту никто ничего не подаст. Если я вижу, что рабочий стоит в очереди за едой последним, то всегда предложу ему пройти вперед или же свою еду. Чем артист лучше рабочего? У артиста есть перерывы для отдыха, а у рабочего нет — «пашет» по 12–14 часов в сутки. Съемочная площадка как временная семья. Когда удачная группа подбирается, то расставаться всегда тяжело.

— Как вы понимаете выражение «сила характера»?

— Способность реально оценить ситуацию и совершить, исходя из сделанных выводов, поступки. Суметь внутренне противостоять всему тому, что намеревается, пытается разрушить твое собственное «я».

— Какой театральный режиссер вам наиболее интересен, и кого бы вы посоветовали посмотреть?

— Конечно, спектакли Женовача! Потрясающий режиссер!

— Что вам хотелось бы сказать читателям «Смены»?

— Поздравляю замечательный журнал «Смена» с юбилеем — пусть еще девяносто лет он радует читателей!!! Я не первый раз даю интервью этому легендарному изданию и рад встретиться с читателями на его страницах снова! ❑

Беседовала **Елена Воробьева**

Хелью Ребане

Талия

На ее талию Сандра обратила внимание сразу, как только та вошла. За окнами переполненного народом кафе внезапно хлынул дождь. Резко стемнело. Остановившись на пороге, дама сложила зонтик и стала искать взглядом свободный столик. На ней был мокрый плащ из блестящей серебристой ткани, перехваченный на невероятно тонкой талии широким поясом.

Сандра сидела за столиком одна, доедая пирожное и время от времени поглядывая на входную дверь. Ей то и дело приходилось отказывать желающим сесть за ее стол. Свен опаздывал, попал в пробку. Он только что звонил ей на мобильный.

«А может вообще не приехать, — мрачно думала она. — И такое бывало».

Когда дама подошла и попросила разрешения сесть, Сандра согласилась, предупредив, что через час к ней придут.

— Жуткий ливень, — сказала та, повесив плащ на стоявшую поблизости вешалку-треножник и оставшись в строгом черном платье. — Я только выпью чашечку кофе и уйду.

«Какая талия! Фантастика!» — подумала Сандра и невольно вздохнула.

Поправив короткие, слегка влажные от дождя седые волосы (бывает такая красивая серебристая седина), уложенные в аккуратную прическу, дама села напротив нее. Только теперь Сандра поняла, что женщина не так молода, как показалось поначалу. Глубокие морщины в уголках глаз, бороздки на лбу. Руки пожилой женщины.

Соседка заказала у подошедшей официантки кофе, а Сандра попросила принести себе еще одно пирожное.

Пока ждали заказ, она пояснила:

— Мой друг опаздывает. — И вдруг, ни с того ни с сего, добавила: — Как всегда.

Возможно, к доверительной беседе расположила доброжелательная улыбка визави.

— Обидно, — сочувственно кивнула та.

Принесли заказ. Сандра принялась уже за вторую корзиночку из песочного теста, украшенную горкой взбитых сливок. Соседка медленными глотками пила горячий черный кофе.

— Позвольте дать вам совет, — неожиданно сказала она.

— Пожалуйста, — несколько удивленно ответила Сандра.

— Понимаю, вам испортили настроение, но стоит ли вдобавок портить еще и фигуру? Стоит ли так увлекаться сладким? Вы — молодая, красивая, но, простите, склонная к полноте женщина. Знаете, раньше я тоже «заедала» стресс.

— Вы? — изумилась Сандра. — У вас потрясающая фигура!

— Видели бы вы меня лет двадцать назад, — улыбнулась дама. — Вы, наверное, тогда еще и в школу не ходили. Я была почти как персонаж анекдота: «сто двадцать, сто двадцать, сто двадцать, где прикажете делать талию»?

— Не может быть! А как...

Собеседница наклонилась к Сандре поближе.

— Я была очень ранима. Впрочем, как мы все в молодости. Обиды принимала очень близко к сердцу. Буквально слегла на месяц, узнав о предательстве моего друга. Лежала, смотрела в потолок. Но потом убедилась, что рано или поздно любая боль утихает, и тогда начинаешь сожалеть о времени, выпавшем из-за переживаний из жизни. Тратить время подобным образом — преступление против себя. Знаете, мы на самом деле любим порой почувствовать себя мученицами, предаться этому настроению надолго, зализывая и, вместе с тем, даже как бы смакуя раны. И вот я решила: как бы ни была огорчена, вместо разглядывания потолка буду делать упражнения для талии. Их можно делать лежа, — улыбнулась она. — Понимаете, когда человеку плохо, ему важно знать, что у него хоть что-то меняется к лучшему.

— Талия? — усмехнулась Сандра.

— Хотя бы талия.

— Судя по вашей фигуре, переживаний у вас было немало, — заметила Сандра.

— Да, — рассмеялась дама. — Но, полагаю, не больше, чем у остальных людей. Подумать только, — продолжала она задумчиво. — Иногда я вынашивала даже планы мести. Но если бы причинила обидчику зло, наверняка сама потом переживала бы. Лучше уж следовать китайской пословице: «Если долго сидеть на пороге своего дома, то рано или поздно мимо пронесут гроб твоего врага».

Мысленному взору Сандры представилось, как эта женщина сидит на крыльце, а мимо длинными вереницами проходят похоронные процессии.

— И что... пронесли? — спросила она.

— Да, — вздохнув, ответила дама.

— Значит, вы победили?

— Нет. Не победила. — Красивое лицо пожилой женщины было задумчиво и печально.

— Почему же?

— Вы так молоды, вам не понять... Как вы думаете, кому под силу нас обидеть? Я не имею в виду пустячные обиды.

— Ну... — Сандра не знала, что и сказать.

— По-настоящему обидеть нас может только тот, кого мы любим.

Рассчитавшись с официанткой и пожелав Сандре приятного продолжения вечера, дама надела плащ и ушла. Со спины она выглядела как девушка.

В сумочке Сандры запел мобильный телефон. Это, наконец, позвонил Свен.

— Извини, — сказал он. — В другой раз. У меня тут форс-мажор.

Сандра молча отключила мобильный и собралась, было, уходить, но передумала, подозвала официантку и заказала себе еще одно пирожное.

Аналитик

Эвальд, муж Марики, со своими занятиями по социальной психологии докатился, в конце концов, до того, что наотрез отказался смотреть телевизор и читать газеты. То есть, читал, но одни только объявления. Все необходимые сведения, уверял он, можно получить из них. А самый точный прогноз погоды — выглянув в окно. Эвальд утверждал также, что на основе анализа объявлений можно открыть, например, преуспевающее брачное агентство или успешно спекулировать на бирже.

— Пойми, дорогая, — повторял он жене, сидя по выходным в пивной и потягивая пиво под аккомпанемент ностальгических шлягеров, — все

газетные статьи тенденциозны. Почему изобличили одну аферу, а о другой, гораздо более серьезной, умолчали? Ты можешь знать, почему кто-то кого-то хвалит или же поносит? Никогда! Рука руку моет! А значит, обе грязные. Но когда ты читаешь объявление, то перед тобой факт и только факт. Что может быть тенденциозного, ну, например, в объявлении о смерти?

— Что у людей есть тенденция умирать, — неуверенно предположила Марика.

— Глупышка! — Эвальд привстал, наклонился через стол и мокрыми от пива губами чмокнул жену в щеку. — Я говорю о тенденциозности, а не о тенденции! Милая! Не путай эти понятия!

По вечерам, уже лежа в постели, он тоже неизменно просвещал жену.

— Вот скажи мне, дорогая, — спросил он как-то раз, когда Марика уже почти уснула на его руке, — что следует, например, из такого объявления?

— Кто? — вздрогнув и приоткрыв глаза, спросила задремавшая, было, Марика.

— «Ищу кого-нибудь, кто держит козу». Какие выводы из этого можешь сделать?

— Кому-то нужно козье молоко.

— Скорее всего, так! — Шурша газетой и роняя пепел с кончика сигареты на шелковое одеяло, Эвальд похлопал жену по худенькому плечику. — А теперь угадай, почему оно этому «кому-то» нужно? Нет версий? То-то же! Именно эту ошибку и совершают, как правило, все аналитики! Они останавливаются там, с чего, собственно, и следовало бы начинать... Ты спишь?

— Позволь, я буду тебя слушать, закрыв глаза, — пробормотала Марика. — И пожалуйста, не кури в постели...

И так почти каждый вечер перед сном, а по выходным — в пивных, которые Эвальд обожал, а Марика терпеть не могла, но всегда безотказно составляла ему компанию.

Она не сомневалась, что муж — умнейший человек. Дела его шли прекрасно, он, наконец, зарегистрировал собственную фирму. Правда, не брачное агентство, а турбюро. Они переехали в большую квартиру в центре и копили теперь деньги на дом. Поэтому она с неизменным уважением слушала, как он рассуждает на самые разные темы. Куда ей, простой парикмахерше, до него!

— Опять же, возьмем, к примеру, Интернет. В чем тут суть? Ну-ка! Пошевели мозгами!

— Это... для общения, — сонно ответила Марика. Она ежедневно разговаривала по скайпу с родственниками и подругами, живущими в Тарту и Пярну. — Еще это — источник информации и все такое прочее.

— Выкинь все это из головы, — сказал Эвальд, потянувшись за следующей сигаретой. — Суть в другом! Интернет, дорогая, — это возврат в де-

ревню. Типичный пример развития по спирали. Точнее, я так скажу: возврат в большую деревню.

— Почему?!

— Вот! Люди пользуются, но не отдают себе отчета в том, что происходит. Вдумайся: как жили люди в деревнях? В течение пяти минут можно было увидеть любого соседа. Все были доступны. А главное, обо всех было все известно. А в Интернете — «фэйсбуки», «одноклассники» и прочее! Та же деревня, моя дорогая.

Однажды утром, когда Марика, собираясь на работу, открыла входную дверь, произошло ужасное. Финансовые успехи Эвальда привлекли к себе внимание грабителей.

В их квартиру ворвались, угрожая ножом, трое мужчин. Один из них грубо схватил ее за волосы и, засунув ей в рот кляп, поволок в гостиную. Там усадил на стул, к которому крепко привязал ее. Его сообщники потребовали, чтобы Эвальд показал, где спрятаны деньги.

— Поднимешь шум, увидишь, что мы сделаем с твоей курицей, — сказал бородатый бугай, очевидно, главарь. — Ей понравится. А тебе, боюсь, — нет.

Сначала Эвальд растерялся. Он долго молчал. Первая фраза, которую он произнес, была:

— Ребята, давайте немножко подумаем.

— Гони «бабки»! — рявкнул бритоголовый толстяк. — Тебе думать уже незачем! За тебя подумали мы!

— И все-таки, — невзирая на приставленный к его кадыку нож, не сдавался Эвальд, — очень прошу вас пошевелить мозгами: что для человека самое ценное?

— Бабки, что же еще, — сердито процедил второй верзила, срывая со стены гостиной любимый пейзаж Марики. — Колись, где сейф?!

— Минуточку. Вдумайтесь сначала, зачем человеку нужны «бабки»? — продолжал гнуть свою линию Эвальд.

На этот вопрос грабители, по-видимому, затруднялись ответить.

— Заткнись, балабол! Не то глотку перережу! — пригрозил старший.

— Вы... хорошо подумали? — Лишь еле заметная запинка речи выдавала, что Эвальд нервничает. — Денег это вам не прибавит. А статья совсем другая. На пожизненное тянет. Пожалуйста, ответьте мне — для чего вообще нужны деньги?

— Ежу понятно, — процедил сквозь зубы главарь.

— Ежу, вряд ли. Он живет в лесу и прекрасно без них обходится. А я хочу обратить ваше внимание на то, что деньги сами по себе — это символ, запись, бумага, на которой напечатаны некоторые цифры, знаки...

Помните притчу о человеке, который попросил всемогущего духа, чтобы все, к чему он прикасается, превращалось в золото?

— Ого, — прокомментировал третий грабитель, совсем еще молоденький, худой, с козлиной бородкой. — Не хило.

— Он умер от голода и жажды, так как еда и вода тоже превратились в золото.

Бандиты обескураженно переглянулись.

— Лапшу нам на уши не вешай! — сказал старший. — Вот как вмажу тебе!

— Ну, так вот. Что от золота, что от денег, самих по себе, толку мало. Они хороши лишь тем, что их можно на что-то обменять.

Мысль эта была, по-видимому, для грабителей нова. Они призадумались.

— Поэтому я даже рад, что мои сбережения мне, наконец, пригодились. Я с удовольствием отдам их вам.

Услышав, что деньги будут, бандиты повеселели и несколько расслабились.

Тот, кто привязал Марику, плюхнулся на диван, а второй, садясь в кресло, пробурчал:

— Не тяни резину.

— Но я, естественно, тоже хочу за свои деньги что-то получить. С вашего позволения, я сел бы.

— Валяй, — разрешил толстяк. — И что же это?

— А вы не хотите освободить мою жену от этой тряпки? Согласитесь, выглядит неэстетично.

— Чтобы стала вопить? Накось, выкуси!

— Что вы! Она знает, что молчание — золото. Правда, Марика?

Пленница, привязанная к стулу, закивала головой.

— О, кей, я тебя слушаю, — пробурчал старший. — Развяжи ее, — бросил он молоденькому грабителю.

— Ну, так вот. Самое ценное для меня — жизнь и здоровье жены. И мое собственное тоже. Предлагаю вам деньги в обмен на эти ценности.

— Ага, — сказал младший, караулившій привязанную к стулу Марику. — Ты нас сдашь. Фоторобот, и все такое.

— С вашей стороны было непрофессионально явиться на грабеж без масок, — заметил Эвальд, протягивая руку за пачкой сигарет. — Этим вы поставили и себя и меня в затруднительное положение. Кроме того, я вас сейчас очень удивлю: дома я деньги не храню. Сейфа у меня нет. Вторая ваша ошибка: грабеж без качественной наводки.

Услышав эти слова, бандиты повскакивали со своих мест, а старший заорал:

— Сейчас будем тебя пытать! Профессионально! Качественно!

— Боюсь, это станет вашей третьей ошибкой. Я же хочу выкупить у вас свою жизнь и готов за столом переговоров обсудить, как это сделать так,

чтобы вы не пострадали. Конечно, если вы отпустите меня в банк за деньгами, я могу, как вы правильно опасаетесь, улизнуть. Банки сейчас ненадежны, в любую минуту могут лопнуть. Поэтому я храню на счету лишь небольшую сумму. Вы можете ее, конечно, снять в банкомате, пароль я дам. Но остальное находится у меня в банковской ячейке. Вас в депозитарий не пустят. Давайте подумаем вместе, как поступить.

— Где утюг? — зловеще спросил главарь банды.

— Вам надо что-то погладить? — подала вдруг голос Марика. — К сожалению, утюг перегорел. Муж все никак не соберется его починить. У него есть дела и поважнее, — добавила она гордо.

— Что-о-о? — оторопел от тирады «молчаливой особы» главарь. — Что она лепечет?

— Видите ли, уважаемые, — вмешался Эвальд, — вы, конечно, получите садистское удовольствие, пытая меня. Полагаю, вы имеете садистские наклонности, как практически все недолюбленные в детстве люди, это понятно, но позвольте снова обратить ваше внимание на то, что вам это денег не прибавит.

— Муж не врет! Деньги у него, и правда, в банке! — снова вмешалась Марика. — Я знаю точно! Я его доверенное лицо.

Похоже, главарь шайки ей поверил. Да и как не поверить этим честным, широко распахнутым голубым глазам?

— И сколько у него там? — спросил он.

— Пятьдесят тысяч евро!

«Ни фига себе!» — можно было прочитать на лицах преступников.

— Что ты предлагаешь? — успокоившись, деловито спросил главарь.

— Я беру с собой паспорт, ключ от ячейки и мы вместе идем в банк.

— Где нас засекут, — ухмыльнулся молодой бандит. — Там везде видеокамеры.

— Я дам расписку, что должен вам денег. В ваших действиях не будет решительно никакого криминала.

Бандиты притихли.

— Ты сдашь нас первому встречному, — прервал, наконец, молчание главарь.

— У вас же будет расписка. Вы — кредиторы. Уважаемые люди. Любой будет на вашей стороне.

Марика, доселе с ужасом взиравшая на физиономии «уважаемых людей», воскликнула с неестественным энтузиазмом:

— Само собой — на вашей!

— А лепишь, что она у тебя — могила, — буркнул главарь и повернулся к Марике: — Сиди и не питюкай!

— Обещаю, что она не проронит больше ни слова. — Эвальд бросил в сторону жены укоризненный взгляд. — Ну, так что, по рукам? — спросил он главаря.

И тут на низком кофейном столике рядом со стулом, где сидела Марика, зазвонил телефон, который бандиты не заметили. Марика схватила трубку и, прежде чем кто-либо из присутствующих успел глазом моргнуть, истошно завопила:

— Нас грабят! Вызывайте полицию!!!

Вечером супруги, как всегда, беседовали, лежа в кровати.

— Ты сорвала мой продуманный план, — упрекнул жену Эвальд. — Что, если из-за твоего ора, вместо того чтобы панически смыться, бандиты напоследок прирезали бы нас?

— А зачем? Денег им это не прибавило бы, — виновато оправдывалась Марика. — И статья совсем другая. На пожизненное тянет.

— Верно. Но люди в своих поступках гораздо чаще руководствуются эмоциями, чем разумом.

— Само собой! Какой ты у меня умный! Знаешь, этот козлик... мне кажется, он в меня влюбился. Он мне шепнул на ухо: «Когда денежки будут наши, укатим с тобой вместе на Канары».

— Вот как... — Эвальд был просто ошарашен. — И что же ты ему ответила?

— Угадай, — кокетливо улыбнулась Марика. — У нас аналитик — ты.

Дубай. Любовь

Дубай. Самое высокое здание мира — башня «Бурж Халифа», словно проткнувшая шпилем небо. По сравнению с ней творение Жана Эйфеля выглядит карликом.

«Космические» высотки, построить которые могли, казалось бы, только инопланетяне. И... маленький, какой-то сельский, зоопарк.

В вольере для павлинов находилось около десятка этих царственных птиц. В конце мая в Эмиратах невыносимо жарко, и павлины расположились под сенью деревьев, бледно-зеленые ажурные ветви которых раскинулись высоко над вольером.

Один красавец, не обращая на нас ни малейшего внимания, улегся прямо у проволочной ограды, за которой стояли мы. Роскошный хвост его, весь в ярко-синих «глазках», распластался по песку длинным, наполовину сложенным веером.

Вдруг одна пава направилась в нашу сторону. Павлиних, в отличие от самцов, природа не наделила великолепным хвостом, они похожи на громадных серых куропаток. Серенькая пава несмело подошла к изможденному жарой красавцу и... тут уместно употребить слово «деликатно».

Она деликатно остановилась сантиметров в пятнадцати, слегка наклонила серую головку и замерла, уважительно глядя на него.

Он отвернулся. Демонстративно. Она не шелохнулась. Продолжала стоять в этой подобострастной позе, склонив голову набок, и покорно смотреть на него. Несоответствие их одеяний было очевидно. Роскошный принц и серая курица. Ее пиетет и его равнодушие были очевидны тоже. Мизансцена одновременно комичная и — драматичная.

Мы прилипли к сетке ограды и ждали, что же будет дальше.

А ничего. Она «глядела на него, а он глядел в пространство».

Нет, кое-что все же произошло.

Сзади к павлину подошла, прогуливаясь, другая серая «куропатка». Она бесцеремонно протопала по разложенному на песке роскошному, как одеяние халифа, хвосту, по ярким перьям и, вероятно, даже не заметив этого, пошла своей дорогой дальше.

А та продолжала стоять как изваяние и покорно смотреть на своего халифа.

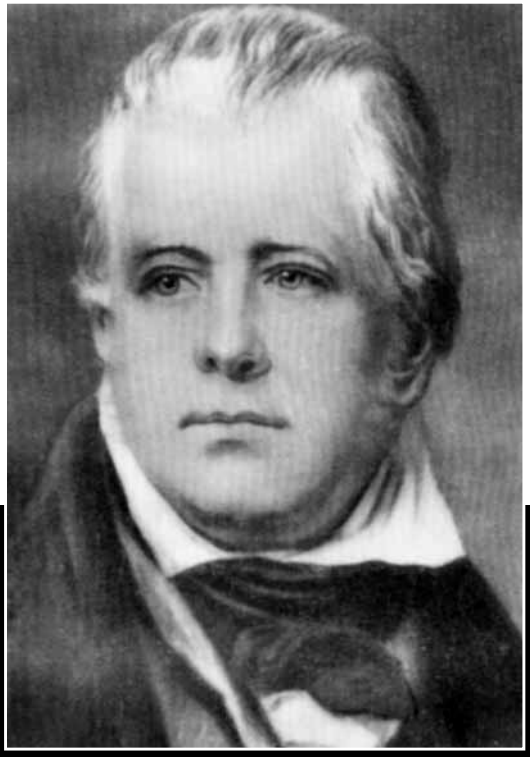
...Вернувшись из отпуска, я рассказала о сценке в зоопарке подруге.

— Как ты думаешь, кого он выберет? — спросила она, улыбаясь.

И мне почему-то стало грустно... ❑

Евгения Гордиенко

На центральной улице Эдинбурга Принцесс-стрит, стоит огромная черная неоготическая башня — монумент Вальтеру Скотту. Сэру Вальтеру Скотту, неизбежно поправили бы горделивые шотландцы. С монумента открывается один из лучших видов на город, но чтобы подняться на самую верхушку, необходимо преодолеть 287 ступеней. Это непросто, но дело стоит того.



Сэр Шотландец

Первое, что вы увидите, посмотрев в сторону Старого города, — это, конечно, Эдинбургский замок. А слева — множество башен и башенок мистического средневекового поселения. Говорят, там и по сей день живут призраки. Почему бы им там и не жить? Лучше места для призраков, чем Старый город, и не найти.

Если же опустить взгляд, то внизу находится вокзал Уэверли, главный транспортный узел Эдинбурга, названный в честь одного из героев романов Скотта.

Почему же именно этому человеку уделено столько места и внимания в шотландской столице? Почему именно его имение Абботсфорд сохранено практически в первозданном виде, и туда не перестают приводить туристов и показывать им места, где трудился великий романист? Почему именно им, как национальной реликвией, так гордятся шотландцы?

Как и всякий шотландец, Скотт, безусловно, гордился своим происхождением: «Я родился не в блеске, однако, и не в ничтожестве. В согласии с условностями моей страны, происхождение мое сочли благородным, так как по отцовской, да и по материнской линии тоже, я был связан родством, хоть и дальним, со старинными семействами». Прадедом Скотта был его полный тезка по прозвищу «Борода». Это прозвище он получил из-за данного им обета не бриться до тех пор, пока низложенная в 1688 году династия Стюартов не возвратится на трон…

Известен и другой предок Вальтера, Ватт Скотт. Он обычно выезжал на добычу в сопровождении многочисленных слуг и товарищей. Награбленное добро прятали в глубине непроходимого ущелья по соседству со старой башней. Из ущелья скот постепенно приводили на убой в замок. Когда последняя корова была убита и съедена, жена старого Ватта подавала на стол пустое блюдо, на котором лежала только пара ярко вычищенных шпор — намек всадникам, чтобы они позаботились о будущей трапезе.

Это были суровые времена…

Но сам Вальтер Скотт жил во времена куда более благополучные, хотя в этот период Шотландия уже была подчинена Англии.

Из-за болезни, перенесенной в полуторагодовалом возрасте, Скотт навсегда остался хромым. Но в детстве, надеясь еще избавить ребенка от этого недуга, родители отправляли его на лето к деду, на ферму Сэндиноу, рассчитывая, что деревенский воздух поправит здоровье сына.

Именно там, в Сэндиноу, слушая рассказы деда об истории войн за покорение и освобождение Шотландии, Скотт, вероятно, и проникался тем горским духом, который позже он воспоет в своих произведениях.

Отправившись после школы по настоянию отца учиться в Эдинбургский университет на юриста, Скотт и тут умудрялся собирать истории о старой Шотландии. Когда отец посылал его к клиентам в пограничные графства, связанные с якобинскими

Отправившись после школы по настоянию отца учиться в Эдинбургский университет на юриста, Скотт и тут умудрялся собирать истории о старой Шотландии. Когда отец посылал его к клиентам в пограничные графства, связанные с якобинскими восстаниями, юноша с интересом слушал рассказы стариков и записывал их

восстаниями, юноша с интересом слушал рассказы стариков и записывал их.

Однако собственную литературную деятельность Скотт начал не как романист, а как поэт и переводчик. Первым переведенным им произведением была поэма немецкого поэта Готфрида Бюргера «Ленора». Стоит отметить, что к этому же периоду относится и первая влюбленность самого Скотта. Его возлюбленной была Вильямина Белшес, однако отец девушки решил, что юный Скотт недостаточно хорошая партия для его дочери, и выдал ее замуж за более перспективного молодого человека.

Скотт утешился уже через год, женившись на Шарлотте Шарпантье, дочери шталмейстера Лионской военной академии. Шарлотта была родом из Франции, родители привезли ее в Лондон, где она выросла на попечении лорда Дауншира. Почему так произошло, скрывались ли родители Шарлотты из революционной Франции, или у ее матери были какие-то отношения с Даунширом, осталось неизвестным. Но именно у лорда Скотт просил руки Шарлотты, решив жениться на девушке.

Их брак оказался крепким — они прожили вместе 30 лет, до самой смерти Шарлотты. Однако через несколько лет после свадьбы в письме своей подруге леди Эйберкорн Скотт писал: «Мы с миссис Скотт вступили в брак по обоюдному согласию, движимые самой искренней взаимной симпатией, и за двенадцать лет совместной жизни она не только не ослабела, но скорее окрепла. Конечно, ей недоставало того самозабвенного любовного пыла, каковой, думается, человеку суждено испытать в жизни лишь один-единственный раз. Тот, кто, купаясь, едва не пошел ко дну, редко отважится снова соваться на глубокое место».

Переводы поэзии оказались делом столь увлекательным, что со временем Скотт и сам начал писать поэмы. Однако со временем понял, что прозаические произведения удаются ему куда лучше, и отказался от поэтической стези. Спустя много лет на вопрос, почему он не возвращался больше к поэтическому творче-

Женился Скотт на Шарлоте Шарпантье, дочери шталмейстера Лионской военной академии. Она выросла на попечении лорда Дауншира, и именно у него Скотт просил руки Шарлоты. Брак их оказался крепким — они прожили вместе 30 лет, до самой смерти Шарлоты

ству, Скотт ответил: «Уже давно я перестал писать стихи. Некогда я одерживал победы в этом искусстве, и мне не хотелось бы дождаться времени, когда меня превзойдут здесь другие. Рассудок посоветовал мне свернуть паруса перед гением Байрона».

Зато его собственные паруса развернулись во всю мощь именно на просторах истории Шотландии — легенды стали его вдохновением и основой большинства романов.

Но не только литературной деятельностью жил этот благородный джентльмен. Понимая, что писательство не может обеспечить его семью полностью, он нашел место секретаря в Верховном Эдинбургском суде, что позволяло получать доход в 1300 фунтов в год.

Впрочем, как известно, работа в суде ничуть не помешала литературной деятельности Скотта. В 1814 году он издал свой первый роман: «Уэверли, или Шестьдесят лет тому назад». Успех, которого Скотт не ожидал, поразил его, и он тут же принялся за новую рукопись. «Гай Маннеринг» был написан в рекордные сроки — за шесть недель.

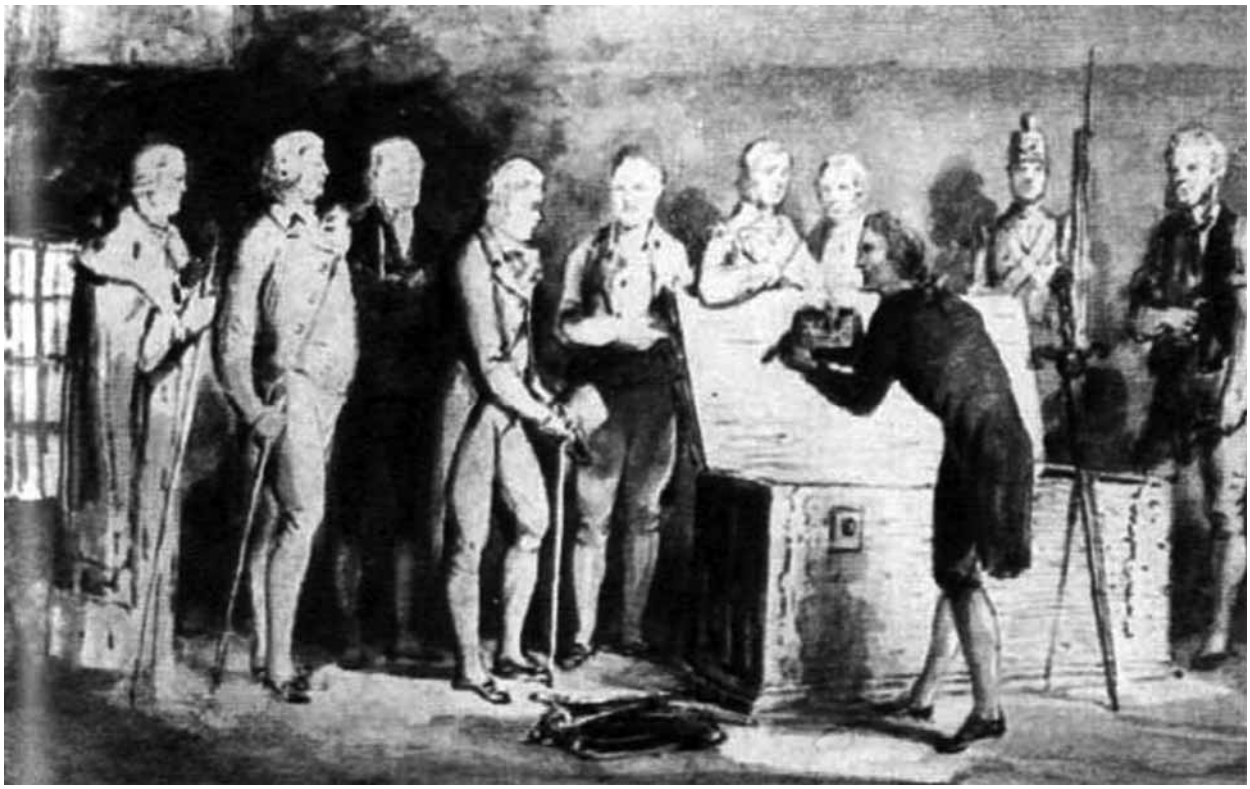
Несмотря на бешеную популярность романов, Скотт некоторое время сохранял свое авторство в тайне по двум причинам. Во-первых, боялся, что после поэтических опытов переход в прозу будет воспринят публикой неблагосклонно, а во-вторых, считал, что звание романиста может не сочетаться с его деятельностью в суде.

Однако доходы от литературы вскоре стали куда значительнее тех, что Скотт получал на казенной должности. Если в суде он получал 1300 фунтов в год, то как писатель зарабатывал до 10 000. Такие суммы подтолкнули его к давней мысли о возрождении славного рода Скоттов. Он стал скупать земли и поместья, и вскоре построил настоящий замок — Абботсфорд — на берегу реки Твид. А в 1818 году получил от принца-регента титул баронета, стал именоваться «сэр» и, казалось, окончательно удовлетворил свои феодальные амбиции.

Это имение до сих пор сохраняется потомками Скотта практически в первозданном виде — здесь и одежда писателя, которую он носил перед смертью, и почти 70 000 томов его библиотеки.

Примерно в тот же период ему удалось поучаствовать в одном из самых важных событий в истории Шотландии — открытии комнаты с королевскими регалиями шотландских королей.

Золотая корона времен Роберта Брюса, скипетр — подарок от Римского Папы Иннокентия VIII шотландскому королю Якову IV Стюарту, и государственный меч, присланный ему же папой Юлием II. Шотландским королевским регалиям выпала нелегкая судьба. В 1603 году, когда королева Елизавета I Английская умерла, шотландский король Яков VI Стюарт был избран королем Англии под именем Якова I, объединив под своей властью Англию и Шотландию. Его преемник Карл I, король Англии и Шотландии, был казнен в 1649 году по распоряжению Оливера Кромвеля. На следующий год его сын Карл (будущий Карл II Стюарт) высадился со своими сторонниками на северо-востоке Шотландии и поднял знамя восстания против узурпатора. Армия Кромвеля вторглась в Шотландию. Сторонники Стюартов поспешно короновали Карла в замке Скоун, так как столица Шотландии Эдинбург уже находилась в руках англичан. К этому времени Кромвель успел уничтожить ненавистные в его глазах символы «тирании» — древние регалии английских королей, и символы



Извлечение королевских регалий. Четвертый слева — В. Скотт

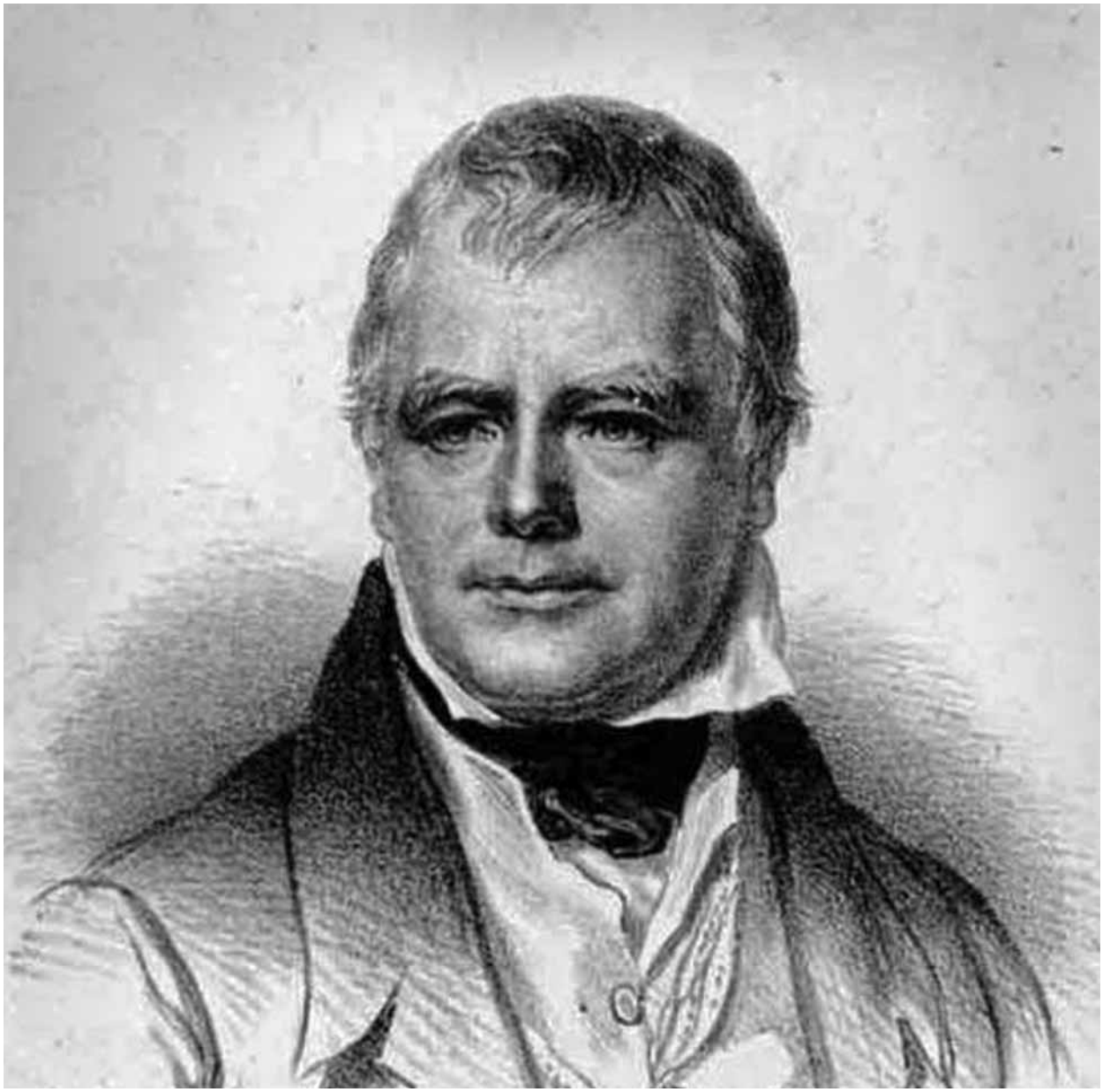
Вальтер и Шарлотта Скотт

шотландской монархии были следующими в его списке.

Армия Кромвеля быстро продвигалась к Скоуну, и король Карл приказал любой ценой спасти драгоценные реликвии Шотландии. Корона, скипетр и меч были перевезены в хорошо укрепленный замок Дунноттар. Узнав об этом, Кромвель приказал своим отрядам немедленно осадить замок. На протяжении восьми месяцев крошечный — всего 70 человек! — гарнизон Дунноттара отражал все атаки сторонников Кромвеля. Когда стало очевидно, что замок вот-вот падет, его защитники предприняли меры, чтобы спасти королевские регалии. Ранним утром корона, скипетр и меч были незаметно спущены на веревке по стене, выходившей в сторону морского побережья, где их приняла женщина-служанка, якобы собиравшая на берегу водоросли. Спрятав реликвии в корзине с водорослями, она отнесла их в Киннефф — деревню, расположенную в нескольких милях к югу. Здесь их взял на хранение настоятель местного протестантского храма Джеймс Грейнджер.

Первое время пастор хранил регалии у себя под кроватью, а потом вместе с женой переправил их в устроенный под полом церкви тайник, завернув в льняную ткань. Раз в три месяца они по ночам извлекали реликвии, чтобы проветрить их от влаги. Таким образом, шотландские королевские регалии пролежали в тайнике в течение девяти лет, в то время как ищейки Кромвеля, сбиваясь с ног, безуспешно искали их по всей стране.

При восстановлении монархии в 1660 году спасенные королевские регалии были извлечены из земли и торжественно доставлены в Эдин-



бург. В дальнейшем они всякий раз присутствовали на заседаниях шотландского парламента, символизируя тем самым незримое присутствие короля. В 1707 году, после провозглашения унии Шотландии с Англией, когда Шотландия окончательно утратила свою независимость, а шотландский парламент был распущен, регалии запечатали в дубовый сундук и оставили храниться в опустевшем королевском дворце.

За сто лет их местонахождение успело забыться. Никто не знал, что случилось с ними. Ходили слухи, что регалии шотландкой короны вывезли в Англию. И только в 1818 году специальная правительственная комиссия, созданная по инициативе и при участии Скотта, вскрыла заветный сундук и обнаружила королевские регалии в полной неприкосновенности. Для Скотта, шотландца до мозга костей, это был великий момент…

В 1825 году Скотт с дочерью предпринял большое путешествие по Ирландии, где жил по месту службы его старший сын с женой. Эта поездка была, по его собственным словам, «нескончаемой овацией», потому что каждый хотел почтить великого английского романиста.

Однако по возвращении домой об овациях пришлось забыть.

Еще на заре своей писательской карьеры Скотт вступил в долевое владение издательством со своим партнером Балантайном. Тому не хватало денег, и Скотт вложил в предприятие 5000 фунтов.

Переводы поэзии оказались делом настолько увлекательным, что Скотт и сам начал писать поэмы. Однако со временем он понял, что прозаические произведения удаются ему куда лучше, и отказался от поэтической стези. Как говорил он сам, «рассудок посоветовал свернуть паруса перед гением Байрона»

Когда же издательство обанкротилось, вместо того чтобы объявить себя банкротом наряду со своими компаньонами, Скотт, ни на минуту не забывавший о том, что он джентльмен, взял на себя все долги — порядка 117 000 фунтов.

Ему предлагали помощь со всех сторон: и старший сын, готовый отдать свое состояние и состояние жены, и лондонские банкиры, предлагавшие значительные суммы, и даже учитель музыки дочери, мистер Пуль, который принес Скотту все свои сбережения — 500 фунтов. Этот поступок особенно тронул писателя.

Однако от любой помощи он отказывался. Испросил только у кредиторов возможности об отсрочке и, получив ее, удовлетворенно отметил: «Моя правая рука поможет мне». С этого момента он начал писать еще более активно, чем раньше. В это время ему было уже 55 лет. Чтобы как-то поправить свое положение, он продал дом в Эдинбурге, поселив семью в Абботсфорде — лишиться последнего он не мог. Покидая дом на Кэстл-стрит, Скотт прощался с ним, словно с человеком: «Итак, прощай, бедный №39, желаю тебе никогда не оказывать гостеприимства худшим людям, чем те, которые теперь покидают тебя. Чтобы не сразу оставить … в полном одиночестве, леди Скотт и Анна проживут здесь до воскресенья. Что касается меня, то я, как сказано, уезжаю сегодня утром».

Через несколько месяцев, не выдержав всех переживаний, верная

Дочь — Анна Скотт

Сын — Вальтер Скотт

Шарлота скончалась. Скотт, находившийся в это время в Эдинбурге, не успел проститься с ней. Он записал в дневнике: «Временами я тверд как скала, временами слаб как вода, омывающая ее подножие. Когда я сравниваю то, что теперь вокруг меня, с тем, что было еще так недавно, мне кажется, что сердце мое разрывается. Я теперь одинокий, постаревший, лишенный семьи, обедневший, запутавшийся в долгах человек, разлученный навеки с другом, с которым делился мыслями и советами которого пользовался, который всегда умел своими речами успокоить во мне злые предчувствия, надрывающие душу. Даже ее слабости были мне на пользу, заставляя думать о другом и отвлекая от томительных размышлений о самом себе».

Постоянный изнурительный труд и переживания сказались и на здоровье самого Скотта. Он порой переставал узнавать близких, иногда не мог держать в руках перо, и тексты новых произведений ему приходилось надиктовывать.

К этому моменту долг его составлял 54 000 фунтов, то есть уменьшился почти вполовину. В 1831 году кредиторы Скотта, уже решившего продавать Абботсфорд, единогласно постановили: «Просить сэра Вальтера Скотта принять от нас его библиотеку, картины, серебро, мебель, белье и прочие домашние вещи как доказательство нашей благодарности за

Дочь — Софья Скотт

Во время путешествия его настиг удар, и возвращение обратно в Абботсфорд было достаточно тяжелым и печальным. Однако, увидев родные места, Скотт словно вернулся к жизни: он узнавал городки и деревни… Но через несколько дней после возвращения домой ему снова стало хуже.

21 сентября 1832 года сэр Вальтер Скотт скончался.

Его мечте — основать род Скоттов из Абботсфорда — удалось исполниться лишь частично. У его сыновей детей не было, а правнучка по линии дочери Мария вышла замуж за Джеймса Гоппа. После смерти последнего Скотта семейство взяло фамилию Гопп-Скотт, и теперь владеет Абботсфордом, поддерживая его в практически неизменном виде.

В настоящее время в этом поместье открыт музей писателя, которого по праву можно назвать основоположником исторического романа. ❑

Несмотря на бешеную популярность романов, Скотт первое время сохранял свое авторство в тайне по двум причинам. Во-первых, боялся, что будет воспринят читателями неблагосклонно, а, во-вторых, считал, что звание романиста может не сочетаться с его работой в суде

его в высшей степени благородное поведение и неслыханные труды на нашу пользу».

Врачи, созванные родней Скотта, настоятельно рекомендовали ему поехать отдохнуть от умственного труда. С дочерью Анной писатель отправился в путешествие по Европе. Однако и там не переставал работать.

Андрей Лопатин

МУЗА

Звенит школьный звонок, последний урок окончен. Но преподаватель русского языка и литературы Сергей Иванович уходить не торопится. Не вставая со стула, он отряхивает с пиджака мел и, поглядывая на учеников, которые шумно направляются к выходу, ждет, когда мимо него пройдет Таня.

— На минуту я тебя задержу, — говорит он, коснувшись рукава ее кофточки. — У меня к тебе есть несколько вопросов.

На ее бледном, как у японской фарфоровой куклы, лице смущение: длинные ресницы моргают, тонкие розовые губки кривятся, острый носик морщится.

— Вы же меня на уроке спрашивали...

— Это не по предмету.

Бросив перед собой сумку, Таня покорно садится на парту перед ним. Последний ученик выходит из класса, наступает тишина. Сергей Иванович встает и, заложив руки за спину, начинает ходить около доски взад-вперед — он обдумывает, с чего бы начать.

Таня давно у него на особом счету среди других старшеклассниц, а если сказать честно — он тайно симпатизирует ей и всячески «покровительствует» в виде хороших оценок, особого внимания и даже опеки. Но сегодня она должна выслушать неприятный упрек, случай, о котором пойдет речь, из ряда вон выходящий!

Вчера, проходя по двору одного из домов, он случайно, с ужасом для себя, увидел у подъезда Таню с отвратительной сигаретой в зубах, а рядом

с нею дымил такой же отвратительный, как эта сигарета, Мишка Волошин, ее одноклассник, имеющий репутацию хулигана. Увидев Сергея Ивановича, Таня выбросила сигарету и отвернулась, стыдливо пряча лицо, а Мишка — наглец! — выдвинул челюсть, вытянул губы и вызывающе демонстративно выпустил дым струей вверх. Сергей Иванович хотел, было, подойти, сделать Тане замечание, этой наивной девчонке, попавшей, видимо, под дурное влияние, но... прошел мимо. «А что толку? — подумал он. — Другие времена: все в порядке вещей. Мишка — тип уже законченный, но Таня... как же ей это не идет! Она совсем другая, такой ангелок мог бы стать музой для любого поэта, но разве она осознает это? Ладно, поговорю с ней потом, наедине...»

— Помнишь, в прошлом году мы обсуждали образы тургеневских девушек? — начинает с вопроса Сергей Иванович, решив сначала воздействовать силой литературы. — На лето я задавал дополнительно прочитать его повести и рассказы. Читала его повесть «Ася»?

— Да, Сергей Иванович. Только сюжет уже не помню.

— Жаль... — Он морщит брови, понимая, что ничего она не читала. — Я напомню сюжет. — Проводит ладонью по своей макушке, уже сияющей лысиной, грустно вздыхает, но тут же вдохновенно начинает: — Один молодой человек, холостой и богатый, проводил отдых за границей, в небольшом немецком городке. Беззаботно, чувственно и романтично проводилось время в созерцании красот местной природы, в изучении незнакомого житейского уклада. Но однажды, присутствуя на студенческом празднике, он услышал русскую речь. Это была молодая пара из России. Познакомились. Представились они как брат и сестра. Позже наш герой согласился побывать у них в гостях, в съемном домике, где они остановились. Было что-то загадочное в поведении этой еще юной девушки по имени Ася, было что-то загадочное и странное в их отношениях... Черноглазая, игривая, кокетливая, она сразу заняла сердце нашего героя, с первого взгляда он потерял покой, и его постоянно мучил ревностный вопрос: кем она в действительности приходится этому молодому человеку?

Далее Сергей Иванович все сильнее накаляет любовные страсти и интригу, не жалея возвышенных, восхищенных слов в описании красоты Аси, ее юношеской наивности и нарастающих к ней чувств главного героя. Таня сначала слушает с недоверием, не понимая, зачем ей этот рассказ, но уже через минуту забывается, увлекаясь вслед этим темным и тихим летним ночам на берегу Рейна, виноградникам, вслед герою, который уже вальсирует с Асей, прикасаясь к ее нежному стану и погружаясь в ее почти закрытые глаза на бледном, но оживленном лице, и уже начинает мечтать, ей хочется быть на месте Аси.

— Она написала ему записку, — продолжает Сергей Иванович, довольный, что его замысел пока работает. — «Я непременно должна вас видеть. Приходите сегодня к каменной часовне возле развалин. Придите, ради бога! Вы все узнаете!» — Он неожиданно останавливается, выдерживает паузу и заканчивает так: — И вот он выходит из-за стены... Но что же он видит? Сидит Ася на камне, держит в руке трубку, как у Сталина, и дымит, как паровоз! Как Волошин! Губы вытянуты, дым кольцами! Представляешь? Такого зрелища он, конечно, не выносит. Его тошнит, любовь вмиг исчезает, и с ним случается...

— Что с ним случилось? — беспокойно перебивает Таня.

Сергей Иванович громогласно объявляет:

— Он теряет дар речи! На-все-гда! — И с любопытством смотрит в лицо, ожидая реакции.

Голубые ее глаза широко открыты, ресницы хлопают, губы робко шевелятся:

— Ой, как мне его жалко...

«Боже, какая непосредственность! — сокрушается Сергей Иванович. — Она даже не поняла, к чему я завернул этот сюжет!»

Неудовлетворенный, он злобно продолжает уже вслух:

— А вот другой сюжет. Тоже из Тургенева!

И Сергей Иванович с новым воодушевлением пересказывает повесть «Вешние воды», о любви Санина и Джеммы, потом «Первую любовь», потом, нисколько не отчаявшись, берется за «Дворянское гнездо» и образ Лизы. Само собой разумеется — все тургеневские девушки кончают любовь тем, что их застают держащими или сигарету, или папиросу, или, того хуже — кальян в зубах, пальцы у них с желтыми прокуренными ногтями, словом, влюбленного героя в финале они убивают никотином — как лошадь, наповал.

— Лаврецкий все же посетил тот отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза, — заканчивает последнюю попытку Сергей Иванович. — Перебираясь с клироса на клирос, она прошла мимо него торопливо-смиренной походкой монахини и даже не взглянула на него, только ресницы обращенных к нему глаз чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо, но в пальцах сжатых рук Лаврецкий вдруг заметил что-то ужасное, отвратительное. Он присмотрелся и не поверил глазам своим: это была самокрутка из обыкновенной газеты, начиненная не то махоркой, не то самосадом! Уж больно чад, исходивший от нее, был ядовит. Лаврецкий закачался и... упал в обморок.

Видя бледное, застывшее лицо Тани, Сергей Иванович спохватывается и задумывается: «Кажется, я переборщил...»

Наступает тишина.

— Таня, тебе неинтересны эти истории? — спрашивает он наконец. — Какой-нибудь вывод из них ты можешь сделать?

Таня долго молчит, теперь ее ресницы опущены.

— Сергей Иванович, а можно мне идти?..

Он разочарованно вдыхает — замысел полностью провалился. Неужели ей было так скучно?.. Остается высказать упрек напрямую. Но Сергею Ивановичу, после стольких словесных излияний, в которые он вложил всю душу, уже не хочется этого делать. Трудно признать поражение. Он тяжело опускается на стул, в ее глазах сознавая себя назойливым тираном. По выражению ее лица это не трудно понять. Любые упреки от тирана, конечно же, будут бесполезны...

— Да, Таня, иди... иди...

Таня встает и поспешно направляется к двери.

— До свидания, — успевает бросить она виновато, словно извиняясь. — Я поняла.

— До свидания... до свиданья...

Когда за ней закрывается дверь, Сергей Иванович еще долго сидит в одиночестве, без движений. Изредка вздыхая и глядя в окно, он думает. Он думает о себе. Ему вдруг становится мучительно от груза своего возраста, оттого, что все душевные порывы и поступки остались для него в прошлом, что все эти Тани стали недосягаемо далеки, что нет никому дела до его чувств, которые не перед кем излить, и приходится их глушить и скрывать. На миг он даже ревнует к этому грубияну Волошину, не ведающему ни о какой возвышенной любви, но потом понимает, что терзает его совсем другое: он просто завидует им, молодым и беззаботным, у которых все еще впереди. Сергей Иванович переводит взгляд от окна и вопросительно смотрит вперед, сквозь знакомый темный предмет. Там, на стене, монотонно и безответно тикают часы… ❑

Денис
Логинов

Изабелла Кастильская

Другой такой женщины в Испании, пожалуй, не было. Рожденная на ступенях трона, но очень рано осиротевшая, отвергнувшая брачные предложения всех европейских дворов и сама избравшая себе супруга-единомышленника, с одинаковым изяществом носившая и парадные платья, и воинские доспехи, королева Кастилии и Арагона Изабелла — уникальна. В ее правление была установлена практически абсолютная монархия, появилась святая инквизиция, пала Гранада — последний оплот мусульман на Иберийском полуострове, и тем самым завершилась, наконец, Реконкиста, а Колумб получил высокое покровительство и открыл Америку…

И все это совершила стройная, хрупкая женщина, мать пятерых детей, примерная супруга и католичка, легендарная Изабелла Кастильская.

Отец Изабеллы, король Хуан II Кастильский, был женат дважды. Первый раз он женился на своей кузине, Марии Арагонской, когда ему исполнилось всего пятнадцать лет. Разрешение на брак столь близких родственников было не без труда получено от Рима, но счастья королевской чете это не принесло. Три дочери умерли в младенчестве, и лишь сын Энрике, третий по счету ребенок, благополучно достиг совершеннолетия и был официально объявлен наследником престола.

Когда Энрике было двадцать лет, умерла его мать, а отец через два года женился на Изабелле Португальской, которая за четыре года брака родила ему двоих детей — дочь Изабеллу и сына Альфонсо. 20 июля 1454 года король Хуан II умер, оставив трон своему старшему сыну Энрике IV.

Если бы род Энрике не был продолжен, то на престол взошел бы младший брат Изабеллы — Альфонсо, так как мужчинам отдавалось первенство, вне зависимости от старшинства. Так что Изабеллу не воспитывали как будущую королеву, да еще сослали вместе с матерью и братом в захолустный городок Аревало, где над сотней домишек высился старинный, продуваемый всеми ветрами замок.

В этом «почетном» затворничестве мать Изабеллы в конце концов сошла с ума, но успела дать своим детям хорошее образование и передать свою необыкновенную набожность. Изабелла принадлежала к знатнейшему в Испании дому Трастамара, но внешне никак не походила на испанку: у нее были светлые волосы и зеленовато-серые глаза. Небольшой рост и хрупкая фигурка также не позволяли восхвалять красоту принцессы, так что придворные трубадуры обходили ее своим вниманием. Никто не знал, что за этой внешностью скрывается

стальной характер и несгибаемая воля. Если ее что-то и беспокоило, это судьба ее будущих детей: Изабелла опасалась, что сумасшедствие матери может оказаться наследственным, тем более что были бесчисленные примеры при других европейских дворах.

После смерти матери жизнь принцессы резко изменилась. Король Кастилии Энрике IV, ее сводный брат, пожелал видеть Изабеллу при королевском дворе в Сеговии. Не то, чтобы он очень любил сестру, но рассчитывал выдать ее замуж, исходя из интересов Испании. К тому же существовал младший сводный брат — Альфонсо, которого Энрике тоже приблизил к двору, желая держать возможных претендентов на трон у себя на глазах, но этим лишь облегчил инфанту Альфонсу установление связей с грандами Кастилии. Четырнадцатилетний юноша с восторгом ринулся в интриги и борьбу, которые могли принести ему корону.

А Изабелла… отказалась даже обсуждать эту тему, когда Альфонсо внезапно скончался (по некоторым сведениям, был отравлен). Не по годам мудрая принцесса понимала, что это приведет к междоусобице. Она заявила: «Не буду претендовать на престол при живом законном монархе — моем нежно любимом брате Энрике IV». И уединилась в библиотеке своего отца Хуана II, славившегося любовью к книгам, отдавая дань религиозной литературе, в первую очередь, Евангелию. А за стенами библиотеки обстановка при дворе, да и во всей стране, оставляла желать лучшего. Возможно, именно в эти годы уединения Изабелла твердо усвоила для себя, как править НЕ следует.

Столь же тверда была она в своих отказах выйти замуж по выбору и воле царственного брата. Первым оказался отвергнут король Португалии Альфонс V, из-за большой разницы в возрасте: инфанте было 13 лет, а Альфонсо — 32 года. Вторым — без объяснения причин — был сын Хуана II Арагонского Карлос де Вьяна, третьим шел гроссмейстер ордена Калатравы дон Педро Хирон Пачеко, друг детства Энрике IV. Изабелле исполнилось 16 лет, когда Эдуард IV, король Англии, предложил ей в мужья своего брата, а французский король Людовик XI своего — Шарля Гуйенско-

После смерти матери жизнь принцессы резко изменилась. Король Кастилии Энрике IV, ее сводный брат, пожелал видеть Изабеллу при королевском дворе в Сеговии. Не то, чтобы он очень любил сестру, но рассчитывал выдать ее замуж, исходя из интересов Испании

го, герцога Берри. Всем им Изабелла отказала: она мечтала быть королевой, а не невесткой короля. А в том, что она будет королевой, инфанта, похоже, не сомневалась: она опиралась на очень серьезную оппозицию. Эта уверенность подкреплялась еще и договором, который был подписан ею с королем Энрико 14 апреля 1468 года, и гласил, что Изабелла официально является наследницей престола Кастилии.

Наконец, по совету архиепископа Карильо, она выбрала себе в мужья инфанта Арагона Фердинанда, этот вариант ее наиболее устраивал. Фердинанд подписал договор, по которому давал обязательство во всем тесно сотрудничать с Изабеллой, совместно с ней принимать все решения, подписывать все указы вместе с королевой и признавать законной носительницей короны только Изабеллу.

Таким образом, кастильская сторона, и в первую очередь, сама Изабелла, застраховалась от чрезмерного влияния Фердинанда в Кастилии. Влияние Изабеллы в Арагоне, кстати, вообще не рассматривалось, что, в свою очередь, очень устраивало арагонцев.

Только когда в сентябре 1469 года все договоры были подписаны, и назначена примерная дата свадьбы, в известность о происходящем был поставлен король Энрике IV. Легко догадаться, что он не пришел в восторг от самостоятельности своей сводной сестры и наследницы престола. Так что во избежание неприятностей венчаться нужно было тайно.

19 октября архиепископ Карильо обвенчал Изабеллу и Фердинанда, а через год родился их первый ребенок — Изабелла Арагонская и Кастильская, будущая королева Португалии.

Энрике объявил сестру нарушившей договор и по причине этого лишенной престола. Но сторонники Изабеллы поднялись в защиту ее прав, и междоусобные войны возобновились. Неизвестно, чем закончилось бы дело, но в 1474 году король Энрике IV умер, и кортесы (региональные сословно-представительные собрания) признали Изабеллу королевой. Она была коронована в соборе Сеговии, а на главной городской площади поклялась перед Богом и перед Святой церковью в верности Кастилии во время своего служения.

В эти дни Изабелла показала настоящую решимость, твердость своего характера, умение принимать решения четко, быстро и в то же время продуманно. Всеми силами молодая королева пыталась избежать начала новой гражданской войны в стране.

И, тем не менее, война за кастильское наследство не заставила себя ждать. Главным претендентом на престол был, разумеется, португальский король, женатый на Хуане, дочери покойного Энрике, который выступал от имени своей супруги.

Фердинанд, узнав о том, что его супруга стала, наконец, королевой, забыл все предыдущие договоренности и тоже предъявил права на кастильский трон. Мудрая Изабелла

сумела добиться того, что ему был дан королевский титул, она же объявлялась королевой и «владелицей» Кастилии. Право определения наследника престола также осталось привилегией Изабеллы. Но во внутренней политике Кастилии супруги выступали как одно лицо, а политикой внешней занимался исключительно Фердинанд. Тем не менее, оба королевства продолжали сохранять автономию — их институты власти, а также другие социальные и экономические структуры были полностью раздельными, в Кастилии и Арагоне даже говорили на разных языках.

В октябре 1479 года Португалия потерпела поражение при Торо, и Альфонс V отказался от своих претензий на Кастилию. Еще до этого, в 1478 году, была создана Святая инквизиция, которую возглавил Томас Торквемада, и которая занялась наведением порядка внутри государства.

За всеми этими важнейшими делами не был забыт и вопрос продолжения династии. Всего у Изабеллы и Фердинанда было пятеро детей. Вслед за старшей дочерью Изабеллой родились сын Хуан и дочь Хуана, затем появилась на свет инфанта Мария, а позже — инфанта Катерина, будущая злосчастная супруга английского короля Генриха VIII.

В 1492 году Изабелла встретилась с Колумбом и одобрила его планы. Она понимала, что гарантии нет никакой, ученый совет, который она собрала для обсуждения колумбовского замысла, подверг его жесткой критике. Но все-таки Изабелла поверила Колумбу и этим обеспечила будущий непродолжительный взлет Испании.

Следует напомнить, что Изабелла принимала активное участие в развитии просвещения. Она сама любила книги и собрала хорошую библиотеку, в которой находилось множество бесценных книг и манускриптов. Развивалось книгопечатание, появлялись первые поэты и драматурги.

Королева была известна умом, энергией, возвышенным и непреклонным характером, отличалась упорством, богобоязненностью и самонадеянностью. Она проводила время то в походах, где, сидя на лошади, сама нередко командовала отрядами, то в кабинете, где вместе со своими секретарями занималась чтением и составлением государственных бумаг. Боевые доспехи она носила с таким же изяществом, как и парадные платья, а с пером управлялась не хуже, чем с иглой и пяльцами, если не лучше. Хотя вышивание осталось ее любимым занятием и отдыхом от государственных дел.

А что же Фердинанд? А Фердинанд без Изабеллы вряд ли бы так прочно остался в исторической памяти, ибо был обычным европейским королем своего времени, с полным набором всех присутствующих качеств и абсолютно предсказуемых совершаемых действий. Разумеется, он сыграл заметную роль в истории Испании, но его сложно как-то выделить. А вот Изабелла, хотя и была менее активна Фердинанда, по потенциалу превосходила его. Ее решения, которые она принимала

в течение жизни, были мудры и проницательны. Она всегда умела добиться своего, а как политик, безусловно, была выше Фердинанда.

И Святую инквизицию создала королева Изабелла, Фердинанда религиозные проблемы вообще мало интересовали. Более того, она лично возглавила эту структуру. Инквизиция Испании находилась в подчинении королевской четы, а вовсе не Папы Римского — факт, который вряд ли можно оспорить.

Кроме того, Изабелла была сторонницей национализации, которая при ней, собственно, и началась. Высшие посты оказались навсегда недоступными для иностранцев. Канули в лету времена, когда финансами в Испании занимались евреи или

Королева Кастилии и Арагона — Изабелла с супругом, инфантом Арагона — Фердинандом

мусульмане: перед ними было поставлено условие — либо принять христианство, либо покинуть страну. Так потихоньку была сформирована абсолютная власть монарха, а точнее, двух монархов.

Последующие события, когда тысячи людей, отказавшихся изменить вере своих отцов, отправились в изгнание практически нищими, не зная, что и где их ждет, теоретически должны были бы перечеркнуть блистательную харизму королевы-воительницы. Но… Изабелла продолжала оставаться легендой, как и ее правление, и ее брак с Фердинандом. Даже еврейские комментаторы той эпохи, считая, что королева допустила трагическую ошибку, называли ее при этом «прекрасной и мудрой идеалисткой».

В 1492 году закончилась Реконкиста — пал последний халифат на Иберийском полуострове. 2 января кастильские монархи торжественно въехали в Гранаду. В честь окончания многовековой борьбы с «неверными» Ватикан пожаловал Изабелле и Фердинанду титул «Католических королей». Кроме того, в правление Изабеллы и Фердинанда власть монархии смогла подавить сильное влияние знати. Гранды потеряли свое влияние. Кортесы собирались крайне редко, да и ни на что особо не влияли. Церковь также оказалась

под властью монархов — католические короли смогли добиться права назначать архиепископов.

Не менее интересны реформы Изабеллы и понимание ею монаршего долга. Например, эффективные финансовая и управленческая реформы, которые принесли отдачу сверх ожидания через самое непродолжительное время после их введения. А ведь в начале своего царствования, по рассказам современников, королевская чета была настолько стеснена в средствах, что Изабелла сама штопала мужу одежду, а младшие дети донашивали вещи старших. Как-то не очень вяжется с последующими описаниями иностранцами пышного испанского двора.

Во что писал на эту тему Рафаэль Сабатини:

«..Мемуары тех лет сохранили для нас описание ее внешности: стройная двадцатипятилетняя женщина среднего роста, с прекрасными формами и изящной фигурой, зеленовато-голубыми глазами и приветливым, привлекательным лицом, запоминающимся неизменной безмятежностью. В действительности, как говорит нам Пулгар, Изабелла отличалась таким самообладанием, что не только совершенно скрывала вспышки гнева, но даже в детстве могла прятать свои чувства, не выдавая ни жестом, ни выражением лица страха, которому подвержены все женщины. Она была очень щепетильна в отношении одежды и выезда, сдержанна в жестах, остроумна и не лезла за словом в карман, что среди забот правительственных — причем, забот весьма обременительных — она выкроила время для изучения латыни и понимала все, что говорилось в ее присутствии на этом языке.

Хотя Изабелла была католичкой ревностной и весьма милосердной, тем не менее, в своих приговорах чаще склонялась к наказанию, чем к помилованию. Она внимательно выслушивала советы, но всегда поступала по-своему. Изабелла никогда не отказывалась от выполнения того, что сама пообещала, кроме тех случаев, когда ей приходилось отступать под давлением обстоятельств.

Энрике объявил Изабеллу нарушившей договор и по причине этого лишенной престола. Но ее сторонники поднялись на защиту прав будущей королевы, и междоусобные войны возобновились. Неизвестно, чем бы все закончилось, но Энрике IV скончался, и кортесы признали, наконец, Изабеллу королевой

Ее упрекали (заодно с супругом) в недостаточной щедрости, потому что, считая королевские наследственные владения существенно уменьшенными из-за раздаривания поместий и замков предыдущими правителями, она всегда была очень осторожна в подобных подарках.

…Восстановив порядок в стране, Изабелла уделила должное внимание и двору, активно взявшись за очищение морали, изгоняя отвратительную распущенность, царившую во времена ее брата.

Сама придерживаясь строгого целомудрия, она требовала столь же безгреховного поведения от приближенных к ней женщин и заставила всех знатных дам при дворе подчиниться строжайшему надзору. Искренне любившая короля, Изабелла была известна своей ревностью: стоило ему слишком пристально посмотреть на какую-нибудь даму из ее свиты, Изабелла сразу же находила способ, чтобы удалить ее от двора. Она следила за тем, чтобы прислуживавшим ей пажам давалось хорошее образование — за учением они должны были избежать праздности, которая неизбежно ведет к духовному опустошению и безнравственности. В конце концов королева распространила свои реформы морали на женские монастыри, которые нуждались в этом не меньше двора, и исправила или покарала великую распущенность, поразившую все монашеские ордена.

… Что касается самой Изабеллы, то в чистоте и искренности ее веры нас убеждает событие, последовавшее за сражением при Торо, которое окончательно решило спор о короне в ее пользу: королева босой пришла в церковь, дабы отслужить благодарственный молебен…»

Поразительно, что женщине оказалось под силу без посторонней помощи и в столь короткий срок достичь того, что не удавалось многим мужам и великим королям за многие годы. Но об этом мало кто задумывается, предпочитая распространять полуанекдотические истории о том, что фанатичка Изабелла не мылась годами, соблюдая какие-то невероятные обеты.

Правда же заключается в том, что королева Изабелла в своей жизни дала единственный обет: не менять сорочку, пока над Гранадой не взовьется кастильский флаг. Дни шли за днями. Белоснежное королевское исподнее постепенно ветшало, приобретая серовато-желтый цвет. Этот изысканный оттенок испанцы с тех самых пор именуют «цвет исабель». После взятия города (осада длилась около полугода), королева, естественно, надела белоснежную сорочку, как и обещала.

Мало кому известно и то, что во времена правления Изабеллы и Фердинанда появился новый архитектурный стиль, названный в честь королевы «исабелино», — на редкость светлый для готики.

И еще менее известно, что набором фигур в современных шахматах мы обязаны королеве Изабелле, точнее, любви к ней ее народа. Средневековые испанцы придумали ферзя, чтобы угодить королеве:

появившаяся в ее царствование новая шахматная фигура характером и независимым поведением была похожа на свой прототип. До этого времени ферзь был «мужской» фигурой. Его называли «аль-ферза», что в переводе с персидского означает «помощник». В то время аль-ферза был слабой фигурой, мог ходить всего на одну клетку, как король. Однако с приходом к власти королевы в 1475 году испанцы «изменили» пол фигуры. Она стала женщиной, однако продолжала «ходить» всего на одну клетку. Примерно в 1495 года, когда Изабелла стала одной из самых влиятельных королев Европы, ее шахматная фигура получила возможность двигаться по всей доске. В то время шахматы и стали самой популярной игрой на континенте.

В последние годы жизни Изабелла превратилась из легендарной героини в меланхоличную затворницу. Она стала медлительной и угрюмой. Из четырех ее дочерей старшая умерла, младшая была далеко в Англии, третья — в Португалии, четвертой, Хуане, самой красивой и одухотворенной, вскоре было суждено сойти с ума.

При жизни Изабелла дважды составляла завещание. Так как старшая ее дочь стала королевой Португалии, а потом скончалась, наследником должен был стать инфант Хуан, успевший жениться на принцессе Маргарите Австрийской. Но в возрасте девятнадцати лет он скончался от оспы, не оставив потомства.

Изабелле пришлось изменить завещание и указать в качестве наследницы свою дочь Хуану, которая была выдана замуж за эрцгерцога австрийского Филиппа I Красивого (родного брата Маргариты Австрийской) и жила с ним в Бургундии. Других наследников не было: инфанта Мария после смерти старшей сестры стала супругой овдовевшего португальского короля, а инфанта Екатерина — английского принца Уэльского.

Увы, когда Хуана приехала навестить мать, Изабелла заметила в ней признаки умственного расстройства, слухи о котором доходили до нее и ранее. Учитывая это, она указывала в завещании, что, если дочь ее неспособна будет занимать престол кастильский, то регентом должен стать ее отец, к тому времени — король Арагона Фердинанд II. Супруг Хуаны вообще не упоминался.

Смерть рано пришла к Изабелле, она умерла в возрасте 53 лет в Медина дель Кампо 26 ноября 1504 года. Погребена была в кафедральном соборе Гранады, в королевской часовне. Его совсем недавно построили по приказу католических королей, а принадлежал он францисканскому ордену, приверженцем которого Изабелла была всю свою жизнь.

Завещание ее выполнено не было. Регентом стал эрцгерцог Фердинанд, супруг признанной окончательно невменяемой Хуаны. Увы, спустя несколько лет он скоропостижно скончался. Несчастная королева безумно любила супруга, кроме того, носила под сердцем уже третьего ребенка, поэтому смерть Филиппа окончательно свела ее с ума: Хуана несколько дней не отходила от покой-

ного, не позволяла хоронить его, а затем несколько раз приказывала вскрыть гробницу, чтобы еще раз взглянуть на истлевающего возлюбленного.

В Кастилии тем временем воцарилась анархия. Король Фердинанд был спешно призван из Арагона, чтобы взять бразды правления в свои руки. Филиппа похоронили, а Хуану по распоряжению отца отправили в замок Тордесильяс под неусыпный надзор.

Ее отец умер в 1516 году, после чего управлять и Кастилией, и Арагоном стал старший сын Хуаны Карлос (Карл V, будущий император Священной Римской империи и главный враг Сулеймана Великолепного, главы Османской империи).

Хуана до самой смерти считалась законной королевой, о низложении ее нигде официально не объявлялось. Впрочем, ее имя старались не афишировать. После десятков лет убогого затворнического существования она умерла в возрасте 76 лет.

Годы правления Изабеллы по праву считаются Золотым веком Испании. Успешные результаты ее реформ вскоре проявились повсюду: торговые пути удалось очистить от преступников, возникли новые связующие нити дорог, через реки были наведены новые мосты, консульские представители учреждали коммерческие центры, появились испанские консульства во Фландрии, Англии, Франции и Италии.

Изабелла отличалась умом, непреклонным характером, упорством и богобоязненностью. Она проводила время то в походах, где нередко сама командовала отрядами, то в кабинете за чтением и составлением государственных бумаг. Боевые доспехи она носила с таким же изяществом, как и парадные платья, а с пером управлялась не хуже, чем с иглой и пяльцами

С бурным развитием морской коммерции и промышленности в каждом городе поднимались новые дома, и городское население быстро увеличивалось. Все говорило о начале замечательной эры — эры возрождения Кастилии. Писатели того времени, поражаясь чудесному преображению страны, в один голос восхваляли славное правление, ознаменовавшее новую судьбу Испании.

«Соблюдение справедливости для каждого во времена этого счастливого царствования стало столь неукоснительным, что все люди — дворяне и рыцари, торговцы и земле-

Изабелла и Фердинанд

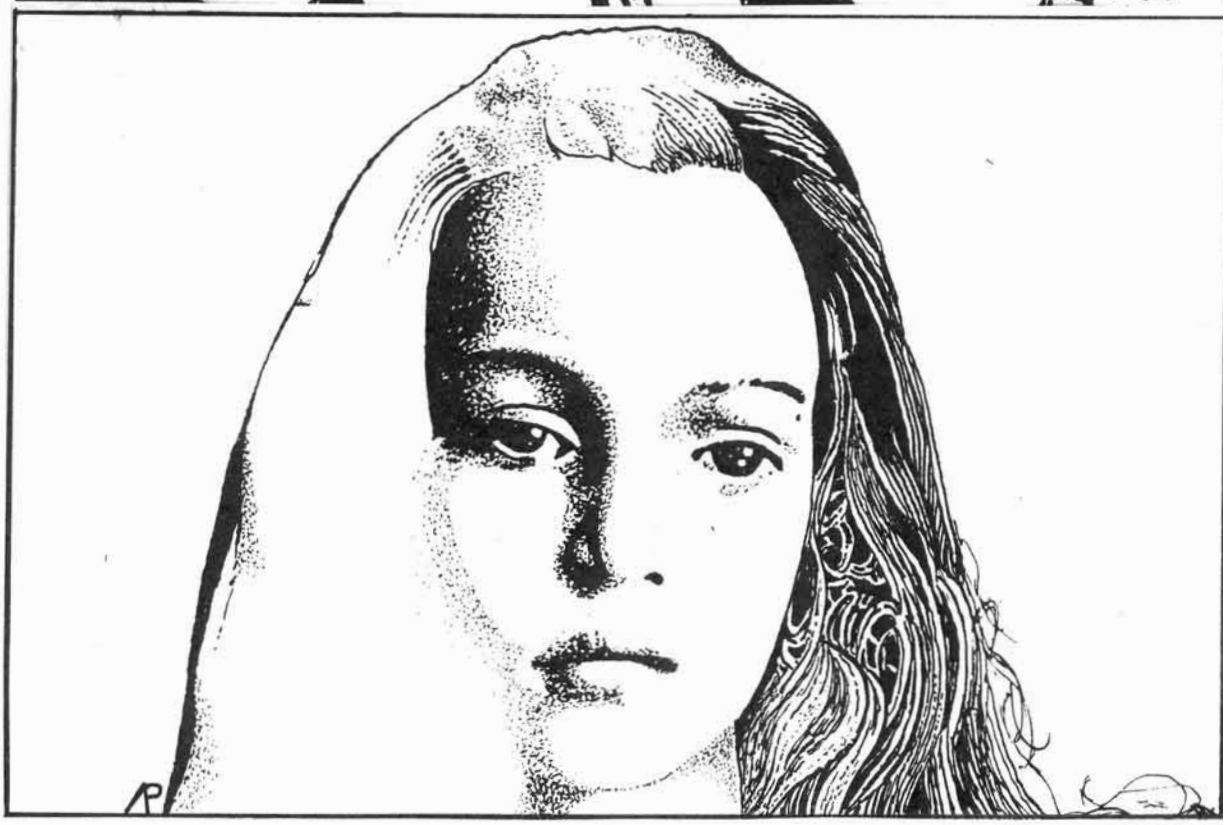
дельцы, богатые и бедные, господа и слуги — все были довольны в равной степени и единодушно одобряли нововведения…»

Испания периода Grande y Felicisima Armada (Великой Армады) представляла собой кульминацию духовного развития всей европейской цивилизации, самую утонченную форму симбиоза культуры, государственности и религии.

Но на исходе XVI века изысканная и возвышенная Испания столкнулась с доселе неведомой формой государственности — британской, гордо именовавшей себя «просвещенной монархией». Стоявшая во главе ее еще одна великая королева — Елизавета Английская — сумела сделать свою державу «владычицей морей» на долгие годы, а в Испании для нее не нашлось достойного противника.

Возможно, всего этого не случилось бы, живи Изабелла Кастильская на век позже. Тогда Елизавете Английской досталась бы самая грозная в истории противница — Изабелла смогла бы предугадать ходы английской политики и выставить защиту по всем направлениям.

Но история не приемлет сослагательного наклонения, а жизнь, увы, не партия в шахматы, даже если в ней, как и на доске, две королевы. ❑



Александр Аннин

КЛУБ «МОНРЕАЛЬ»

Глава двадцать третья

— Ну-с, милостивый государь, благодарите бога, что убийством вашего дяди занимаюсь я, а не кто-нибудь другой, — такими словами Бурав поздравил официанта Севу с освобождением из-под стражи. — А теперь будьте так добры, объясните мне, непонятливому, почему вы выбежали из клуба, как оголтелый, пытались угнать машину дяди?

— Раз с меня снято обвинение в убийстве, то позвольте мне не отвечать на этот вопрос. Уверяю вас, никакого отношения к смерти дяди мой побег из клуба не имеет.

— Имеет! — Бурцев шлепнул ладонью по столу. — Причем самое прямое! Ваш странный поступок как-то связан с вашим братом Виктором, не так ли?

Сева опустил глаза, теребя кончики пальцев, и прошептал:

— Хорошо, я все расскажу. Когда я гонял шары на бильярде, неожиданно мне на мобильный позвонил Витька. Я уже знал, что он сбежал из следственного изолятора... Витька был зол, возбужден. Сказал буквально вот что: «Здорово, братишка, это я, Виктор. Короче, слушай сюда. Мне терять нечего, за мной менты всюду охотятся. Мне бабки нужны срочно.

Окончание. Начало в №8, 2014 г.

Если через пять минут не подвезешь штуку баксов, я сам к вам приду и разнесу вашу богадельню к чертовой матери!»

— Куда он требовал привезти деньги? — быстро спросил Бурав.

— В кафе «Елочка», это в нескольких кварталах от клуба. У меня было при себе только триста долларов, но я подумал, что и это сгодится, лишь бы Витька успокоился. А то я его знаю, действительно приперся бы сюда, чтоб погром устроить. И дядя наверняка пристрелил бы его — у него же кольт всегда с собой был, а Витьку он ненавидел, даже убить когда-то хотел... А тут, с пьяных глаз, точно бы грохнул. Вторые ключи от «лексуса» мне с месяц назад дал сам дядя — чтобы я мог отвезти его домой в любом состоянии... Свои ключи он то и дело оставлял где-нибудь и забывал, где именно.

— Откуда Виктор знал номер твоего мобильного?

— Честно говоря, не знаю. По-моему, я ему его не давал, хотя, может, и не помню уже... Мы ведь года полтора совсем не общались.

— Ты хоть понимаешь, — с состраданием промолвил Бурцев, — что ему не нужна была тысяча долларов? Ему нужно было состряпать еще одну улику против тебя, будто бы ты сбегаешь с места преступления... И звонил он тебе не из кафе, а откуда-то из клуба.

— Теперь понимаю, — горестно вздохнул официант.

— Держи пропуск на выход.

Подполковник достал из выдвижного ящика стола нужный бланк и принялся его заполнять.

Зазвонил телефон, Бурав снял трубку, продолжая черкать в бумажке. Но по мере того, как он слушал сообщение, лицо подполковника превращалось в безжизненную, серую маску, ручка со стуком отлетела на пол.

— Это точно? — несколько раз переспросил Бурцев. — Ты мне только четко скажи, Валюн, ошибки быть не может? Черт подери! — Подпол-

ковник с хрустом швырнул трубку на рычажки и, обхватив голову руками, уставился в одну точку. Наконец он тяжелым взглядом посмотрел на Севу: — В Новогиреево, в подвале спортивного клуба, обнаружен труп Виктора Егоршина. Изувеченный. Рука прикована к трубе отопления. Кто-то с ним за что-то поквитался.

— О, Господи... — пробормотал Сева. — Я чувствовал, что рано или поздно все так закончится! Это было делом времени...

— Ты очень кстати вспомнил о времени, парень, — жестко молвил подполковник. — Хочешь, скажу, когда скончался твой брат? Вчера, не позже девяти часов вечера! То есть за два часа до убийства твоего дяди! Понимаешь? Он никак не мог отравить Вениамина Егоршина! И не мог звонить тебе на мобильный в одиннадцать вечера! Тогда кто? Кто убийца? Кого Брюмер, Долганов и Гаврилов опознали как официанта Всеволода Егоршина? А, Сева? И где ты был вчера между восемью и девятью вечера? В Новогиреево?

С официантом случилась истерика. Голова запрокинулась на спинку стула, тело сотрясали конвульсии, нижняя челюсть ходила ходуном.

Бурав вскочил из-за стола, в два шага оказался перед Севой и с размаху влепил ему пощечину, затем другую...

— Всеволод Егоршин, — официальным тоном заговорил он. — Поскольку вы дали заведомо ложные показания, у меня нет оснований для того, чтобы освободить вас из-под стражи. В течение десяти дней вам будет предъявлено обвинение, и тогда вы сможете взять адвоката. — Подполковник демонстративно разорвал только что выписанный пропуск на выход Всеволода Егоршина из здания ГУВД и повернулся к старшине, доставившего задержанного из следственного изолятора: — Уведите обратно в камеру. И чтоб глаз с него не спускать! А то еще удавится или башку о стену раскроит...

Оставшись один, Бурав почувствовал опустошение и апатию. Блистательная версия, в которой Максим был уверен на все сто, рухнула за минуту. Он спустился во двор ГУВД, на ходу кивнул Сереге Иванову, бывшему хиппарю, усердно сметавшему первые опавшие листья, сел за руль своего «жигуленка» и поехал в Южное Чертаново — так захотелось вдруг оказаться рядом с близкими ему людьми…

Глава двадцать четвертая

У Камориных подполковник как-то незаметно отмяк сердцем, успокоился. Тяжкое озлобление на самого себя, желание напиться, взять больничный — все это куда-то улетучилось, сменившись ощущением уюта и душевного покоя.

Ирина, жена Алексея, улыбаясь про себя, вязала детскую шапочку.

— Смотри, Леша. Ну, как тебе? — подняла она голову, расправляя на спицах почти готовую голубенькую шапочку.

— Нормально, — буркнул старлей.

— Хочу спереди бантик пришить, — продолжала Ирина. — Видишь, что получится? — Она приложила к шапочке голубенькую шерстяную бабочку.

— Обычно бантик бывает сбоку, — пошутил Алексей. — Ну, помнишь поговорку: «Не пойми чего, и сбоку бантик»!

— Может, действительно лучше сбоку пришить? — задумалась Ирина.

— Да не мудри ты, Иришка, ей ведь не во дворец на прием в этой шапочке идти, — махнул рукой Комар.

Бурцев поперхнулся горячим кофе, замотал головой...

Бантик-бабочка, дворец... Брюмер приехал в «Монреаль» прямо с концерта во «Дворце музыки», значит, на нем был черный галстук-бабочка!

«Стоп, Макс, надо успокоиться. Одна нелепая версия у тебя сегодня уже была», — одернул себя подполковник.

— Молодежь, — обратился он к супругам, — мне помнится, что вы раньше по концертам ходить любили — ну, там, в консерваторию, Большой театр... Я вот что хотел уточнить: как сейчас одеваются дирижеры симфонических и джазовых оркестров?

— Черный фрак, белая рубашка, галстук-бабочка, — ответила Ирина и посмотрела на мужа: — Леш, ты помнишь, мы с тобой по телевизору концерт Олега Лундстрема смотрели?

— Не помню, — рассеянно ответил старлей, напряженно вглядываясь в лицо Бурава. Он почувствовал, что его мысли стремительно двинулись в то же русло, что и мысли подполковника.

— Ты все понял? — тихо спросил его Бурцев.

— Кажется, да...

Подполковник пружинисто поднялся со стула, заходил по комнате взад-вперед и начал размышлять вслух:

— Брюмер приехал в клуб «Монреаль» прямо с концерта, значит, на нем был фрак, черные брюки, белая рубашка и галстук-бабочка. Чтобы превратиться в официанта, ему достаточно было выйти из кабинета и снять фрак. Правда, у Севы бабочка темно-синяя, но на таких мелочах, как правило, внимание обычных людей не фокусируется. Брюмер вполне годится для того, чтобы «закосить» под Севу: такой же щуплый, рост у них одинаковый, борода и усы не наличествуют. И, между прочим, он ничем не рисковал. Если бы его все-таки узнали, он сказал бы, что не нашел Севу, поэтому принес водку сам. А потом как бы нечаянно уронил бутылку, разбил ее об пол. Но игрокам не могло и в голову прийти, что в кабинет вошел кто-то другой, а не Сева. Они лишь боковым зрением видели черные брюки, белую рубашку и галстук-бабочку. А крахмальная салфетка, которой Брюмер обернул горлышко бутылки, не только имитировала привычные для всех действия официанта, но и позволила избежать появления на стекле отпечатков пальцев дирижера. Потом Брюмер вышел из кабинета, снова надел фрак и позвонил Севе на мобильный. Он уже знал, что Виктор Егоршин сбежал из следственного изолятора, и говорил от его имени. То-то Севе голос брата показался каким-то странным, но они давно не общались, и официант не придал значения незнакомым интонациям в трубке. Брюмер вышел на крыльцо, угостил сигаретой швейцара, и тут, как он и рассчитывал, из клуба выскочил Сева. Зачем дирижеру понадобилось инсценировать стычку с официантом? Брюмеру нужен был повод, чтобы снять с себя белую рубашку и галстук-бабочку. И еще, Комар, я абсолютно уверен, что во время возни на крыльце Сева не бил Брюмера. Хитрый гражданин Лютиков заранее приготовил пузырек с красной жидкостью, зажал его в кулаке, а на крыльце, выпустив Севу, схватился за нос и вылил краску на себя. Швейцар не мог заметить этих манипуляций: он бежал к патрульной машине.

— А если в пузырьке была настоящая кровь этого Брюмера? — нахмурилась Ирина.

— Тогда наше дело — швах, — вздохнул Бурав. — Мы лишаемся важнейшей улики против Брюмера. В любом случае, надо торопиться. Коль скоро там краска, дирижер может уничтожить испачканную одежду. Если уже не уничтожил. Будем надеяться, что этот рафинированный интеллигент все-таки не решился выкидывать тысячедолларовый фрак — я слышал, что концертная одежда является для музыкантов чем-то вроде талисмана...

Он подошел к телефону и набрал номер капитана Шилова:

— Петя? Есть славная работа. Сейчас будем брать мировую знаменитость. За убийство. Да... Только прошу тебя, держи пистолет на предохра-

нителе. Это все-таки не бандит какой-нибудь, на нем всего-то один труп. Ему еще своим талантом зэков радовать предстоит.

Бурцев договорился с Шиловым о встрече возле дома Брюмера, положил трубку и задумчиво проговорил:

— Время — начало шестого. Даже если у него концерты каждый день, мы еще наверняка застанем его дома. В крайнем случае, у меня есть номер его мобильного телефона…

Шилов выступил навстречу «Жигулям» подполковника Бурцева из арки старинного дома на Кутузовском проспекте — здесь-то и обитал знаменитый джазмен.

— Привет, Макс, — деловито поздоровался он с Буравом. — Кто твой объект?

— Дирижер джаз-оркестра Брюмер. Отравил своего друга цианистым калием.

— Тю-ю! — протяжно выдал капитан. — Вот так птица... Я ведь, знаешь ли, когда-то увлекался джазом, даже на саксофоне учился играть.

— Тем лучше, — успокоился Бурав. — Брюмер нам нужен живым, Петя. Просто мне в этой ситуации больше не на кого положиться, кроме как на тебя.

— Что, будем нарушать процессуальный кодекс? — усмехнулся Шилов.

— Будем, Петя, — похлопал его по плечу подполковник. — Обыск и задержание без санкции. Уж извини, как говорится, чем богаты...

Квартира Брюмера располагалась на четвертом этаже, но Бурцев тормознул Шилова этажом ниже:

— Ты вот что, капитан, звякни в эту квартирку, она как раз прямо под Брюмером. Пригласи двух понятых. Наверняка дирижер уже достал их своим джазом, так что, думаю, они не откажутся.

С этими словами подполковник взбежал на четвертый этаж, отдышался, позвонил в дверь. В глазке был виден свет — значит, холостяк-дирижер дома. Пока все идет хорошо...

Глава двадцать пятая

Брюмер открыл быстро, он был в турецком халате и меховых тапочках.

— Добрый вечер, проходите, — нисколько не удивившись, приветствовал он Бурцева. — Извините, я говорю по телефону... — И Леонид Васильевич метнулся обратно в гостиную.

Бурцев прикрыл за собой дверь, не защелкивая замок, и пошел следом за ним. А вскоре в гостиной появились взволнованные старик со старухой, за спинами которых маячил капитан Шилов.

— Здравствуйте, — закончив разговор и положив трубку, растерянно поздоровался с соседями Брюмер.

— Гражданин Лютиков, — сухо произнес Бурав, — я предъявляю вам обвинение в предумышленном убийстве Егоршина Вениамина Андреевича. Сейчас в вашей квартире в присутствии понятых будет произведен обыск.

— Ах, вот зачем вы пожаловали, — протянул Брюмер. — Обыск... Знаете ли, мне это неприятно. Вы скажите, что ищете, я сам вам отдам.

— Мы ищем, — официальным тоном продолжал Бурцев, — ваш концертный фрак, белую сорочку и галстук-бабочку, в которых вы вчера приехали в клуб «Монреаль» после выступления во «Дворце музыки». И, если нам с капитаном повезет, еще остатки цианистого калия.

— Так вы опоздали, господа. Два часа назад я отдал фрак и рубашку в химчистку. Срочную. Спал, знаете ли, до обеда... — плюхнувшись в старинное кресло и закинув ногу на ногу, усмехнулся дирижер. — Думаю, что они уже вывели все пятна подчистую. Сейчас такие химикаты зверские, что...

— Давайте квитанцию, — довольно грубо перебил его Бурав.

— Не помню, куда ее положил, — хихикнул Брюмер. — Ищите. Время работает на меня.

— Срочная химчистка находится в нашем доме, — подала голос старуха. — Прямо напротив нашего подъезда, через двор.

— Спасибо, — от души поблагодарил понятую Бурав, а дирижер метнул в старуху уничтожающий взгляд. — Петя, ищи квитанцию, составляй протокол, а я мигом.

Под моросящим дождем подполковник рысцой пересек пустынный двор с детскими песочницами и качелями, подошел к крылечку, над которым помещалась вывеска «Срочная прачечная-химчистка. 24 часа» и толкнул входную дверь.

В квадратном окошке приема вещей в стирку и чистку никого не было, и он прямиком двинулся в цех. Осторожно приоткрыв дверь в полутемное

помещение, Бурав сразу увидел сидевшую в обнимку на двух огромных тюках с грязной одеждой парочку: девицу неопределенного возраста и дюжего бритоголового парня.

— Совет да любовь! — громко произнес подполковник. — Вам, я вижу, не до работы. И это хорошо. Правильно.

— Ты чо, мужик? — вскочив, угрожающе рявкнул бритоголовый. — Ты чо, в звонок позвонить не мог? Козлина!

— Сам ты козлина, — ласково ответил Бурцев и протянул раскрытое удостоверение: — Московский уголовный розыск!

— МУР есть МУР, — буркнул парень. — Чо надо-то?

— К вам недавно заходил дирижер Брюмер. Знаете такого?

— Знаем, — отозвалась девица со своего тюка.

— Так вот, я пришел забрать его фрак и рубашку. То есть — изъять.

— Я вам ничего не отдам, — решительно замотал головой оператор. — Только самому клиенту или его жене. Там один только фрак долларов пятьсот стоит, не меньше! Давайте квитанцию, я не собираюсь потом из своего кармана денежки выкладывать!

Бурав мгновенно выхватил пистолет, картинно передернул затвор и приставил дуло к шишковатой голове хряка.

— Да отдай ты ему эти вонючие тряпки! — завизжала девица, съезжая с полиэтиленового тюка на пол. — Он щас грохнет нас обоих!

Теперь бритоголовый смотрел на Бурава расширенными от панического ужаса глазами:

— Щас, щас отдам... Только не готово еще... Вы уж извините... Не убивайте! Я щас! — Он засеменил к полиэтиленовым мешкам, вывалил на пол содержимое одного, другого... — Вот, вот! Нашел! Видите? Забирайте! — и протянул Бураву мятый лоснящийся фрак и еще более мятую красно-белую сорочку.

При одном взгляде на рубашку подполковник мигом подобрел, поняв, что никакая это не кровь. Кровь давно бы уже приобрела коричнево-бурый цвет, а крахмальная сорочка дирижера алела яркими пятнами. Краска, конечно. На фраке пятен заметно не было, но это уже значения не имело. Он тщательно закутал рубашку Брюмера в вывернутый наизнанку фрак и покинул помещение…

Глава двадцать шестая

Выйдя из лифта напротив квартиры Брюмера, Бурцев к своему удивлению услышал звуки саксофона. Нет — даже двух саксофонов!

Подполковник вошел в гостиную и… замер от удивления.

Престарелые понятые с просветлевшими лицами сидели на диване, подавшись вперед. Брюмер и капитан Шилов, один с золотистым, другой — с серебристым саксофоном, раскачивались друг перед другом и... разговаривали, спорили, задавали вопросы и отвечали на них языком джаза. Наконец оба опустили свои саксофоны, рассмеялись и заключили друг друга в объятия.

— Макс, он во всем признался, — со слезами на глазах сказал Шилов. — Держи протокол допроса. Тебе квитанция из химчистки еще нужна? Вот она. А цианистый калий он извел весь, я ему верю.

Капитан отстранился от дирижера, подошел к магнитофону и вынул из него кассету, протянул подполковнику вместе с маленькой квитанцией.

— Да, — всхлипнул Брюмер. — Я во всем признался! И дезавуировать свои показания не намерен. Они будут звучать в веках! Подполковник, — с жаром обратился он к Бурцеву, — мне нужна копия этой записи! Это не должно кануть в небытие! Боже мой... — Леонид Васильевич забегал по гостиной, возбужденно потирая руки. — Ваш друг — талант, гений от природы! Зачем ему работать в полиции? Что он там делает? Он должен выступать в моем оркестре! Петр Михайлович! Я назову эту композицию «Признание в убийстве». Ну, или что-то в этом роде. Она облетит весь мир, поверьте! И я не намерен присваивать авторство одному себе. Вы — полноправный соавтор, вот свидетели! — Джазмен барским жестом обвел собравшихся. — Считайте, что вы уже миллионер. Долларовый. Конечно, над аранжировкой придется поработать, но самое главное мы с вами только что свершили! Как здорово, что у вас в МУРе принято записывать допросы на пленку! Иначе ЭТОГО больше никогда бы не повторить...

— Послушайте, — окончательно растерялся Бурав и поднял вверх кассету, — нельзя ли все это перевести на нормальный язык? Чтобы было

понятно всем остальным, не гениям? Следователю, прокурору, судье. Мне, в конце концов.

С этими словами подполковник положил на стол принесенный из химчистки сверток и развернул его. Брюмер непонимающим взглядом смотрел на испачканную краской рубашку. Наконец до него дошло…

— Как с вами скучно, подполковник, — измученно простонал дирижер. — Я не могу два раза подряд повторять все свои показания — почему я его убил, как, да зачем... Я устал.

— А вы, Леонид Васильевич, кратенько изложите при помощи речевого аппарата все то, что рассказали капитану Шилову посредством саксофона, — мягко настаивал Бурцев. — Садись, Петя, пиши протокол.

Шилов виновато взглянул на Брюмера, словно говорил: и впрямь, нам, гениям, скучно с такими, как подполковник Бурцев. Но что поделаешь...

И Брюмер заговорил, расхаживая по гостиной и сопровождая свою речь обильной жестикуляцией. Старики-понятые с ужасом внимали дирижеру, чьей игрой на саксофоне они только что восхищались.

«Небожитель» Брюмер отправил на тот свет Вениамина Егоршина по причине самой, что ни на есть, земной, если не сказать, низменной — из-за денег.

Дело в том, что лет шесть назад щедрый и преуспевающий в то время Егоршин дал Брюмеру в долг три миллиона долларов на «раскрутку». Без расписки. Друзья договорились, что об этом никто не будет знать — ведь деньги были скрытым доходом Егоршина от нелегального бизнеса.

Время шло. Брюмер стал бешено популярен в джазовых кругах, но проклятый долг тяготел над ним. Ради того, чтобы отложить три миллиона долларов, Брюмер часто жертвовал своими творческими задумками и джазовыми экспериментами, без конца мотался по гастролям. Но

Егоршин не напоминал о долге, дела у распорядителя «Монреаля» шли хорошо, и постепенно Брюмер свыкся с мыслью, что возвращать фантастическую сумму не придется: друг Веня не станет разорять всемирно известный оркестр, простит долг.

— Вы понимаете? — возмущался дирижер. — Веня за всю жизнь сделал одно-единственное доброе дело, когда дал мне эти три миллиона! Он все грехи свои мог этим поступком искупить! Но не захотел.

— И вы решили его насильно в рай затолкать? — с издевкой спросил Бурав.

Брюмер непонимающим взглядом уставился на подполковника, его лицо отражало сильнейшее мозговое усилие... Наконец, не справившись с таким напряжением рассудка, дирижер махнул рукой и продолжал свой рассказ.

С начала нынешнего года дела у клуба «Монреаль» покатились под гору, и Егоршин напомнил-таки Брюмеру о старом долге. Не просто напомнил, а категорически потребовал вернуть три миллиона долларов и объявил, что крайний срок — двадцатое августа.

Чем ближе становился день возврата долга, тем больше ненавидел Егоршина Брюмер. «Ну почему я должен отдавать ему миллионы? — мучительно думал он. — Егоршин все равно пропьет и проиграет в карты эти деньги. Мне они нужнее. Я истрачу их на благо всего человечества».

О том, чтобы просто «кинуть» Егоршина, не могло быть и речи. Толстяк, разумеется, рассказал бы Долганову и Гаврилову о коварстве Брюмера, а такого в большом бизнесе не прощают. Старые друзья тут же превратились бы в смертельных врагов, они просто раздавили бы несчастного музыканта.

А Егоршин даже не подозревал, что Брюмер уже давно решился на убийство и лишь поджидал удобного случая. Цианистый калий и пузырек с красной краской он держал при себе постоянно. Сигналом к убийству послужил рассказ Егоршина о том, что второй его племянничек, непутевый Виктор, вчера сбежал из следственного изолятора. Это восполнило последний пробел в плане Брюмера.

Дождавшись, когда у Егоршина кончится водка, дирижер раздал карты и объявил, что пойдет проветриться. Как он и рассчитывал, толстяк попросил прислать Севу с очередной бутылкой. Выйдя из кабинета в коридор, Брюмер скинул фрак, затем взял из бара «Смирновку» и всыпал туда цианид. Он в точности копировал действия официанта: обернул горлышко салфеткой, что, к тому же, позволило избежать появления отпечатков пальцев. Дирижеру повезло, его действительно приняли в полутьме за Севу.

Покинув кабинет, Брюмер вновь надел фрак, позвонил Севе на мобильный от имени его брата Виктора и тут же кинулся к выходу.

Расчет оказался верным: Сева жалел брата и очень хотел ему помочь. Едва Брюмер успел закурить и угостить сигаретой дядю Мишу, как официант выскочил из клуба и рванул к «лексусу». Дирижер сцепился с Севой, потом выпустил его и, когда швейцар побежал звать на помощь полицию, плеснул на себя из пузырька с краской. Это позволило ему, не вызывая подозрений, переодеться в другую одежду, чтобы его сходство с официантом не могло броситься в глаза.

План Брюмера почти удался. Сева не мог объяснить, почему он убегал из клуба с ключами от машины дяди. Ведь он не хотел выдавать брата. Он лишь упорно отрицал, что приносил в кабинет «Смирновку» для Егоршина. Но против Севы были дружные показания Брюмера, Долганова и Гаврилова да еще тот факт, что в свое время он учился на фармацевта и отлично разбирался в приготовлении ядов.

Казалось, Брюмер продумал все до мелочи, но именно мелочь его и сгубила. На сервировочном столике осталась опустошенная Егоршиным первая бутылка водки... Разумеется, этот незначительный факт не мог стать основой для обвинения. Но Брюмера с головой выдали фрак и сорочка, испачканные минеральной краской. Возможно, и эта улика не смогла бы принудить Брюмера дать признательные показания, однако кто мог предположить, что случайно ставший напарником подполковника Бурцева капитан Шилов виртуозно играет на саксофоне?

Против этого оружия прославленный джазмен оказался бессилен. Он мог лгать людям, лгать самому себе. Но не мог обманывать Музыку.

— Это что же, меня теперь посадят? — затравленно посмотрел на Бурава Брюмер.

— Видимо, да... — пожал плечами подполковник. — За умышленное убийство из корыстных побуждений, знаете ли, принято сажать. Уж не знаю, придется ли по душе заключенным ваша компози-

ция «Признание в чем-то там», но, думаю, вы получите возможность музицировать, даже будучи в колонии. В конце концов, зэки — тоже человеки, какая-никакая аудитория. Не заставят же вас, в самом деле, лес валить... Все-таки вы человек с мировым именем, и международная общественность вас не покинет, будет контролировать, как бы российские сатрапы не загубили ваш талант.

— А где я буду жить? В бараке? С убийцами?

— Ну, Леонид Васильевич, это уж как вы договоритесь... Денег у вас много, конфискацию ваша статья не предусматривает. В конце концов, вы своего добились — заработали на убийстве Егоршина три миллиона долларов. Ведь никаких письменных обязательств перед потерпевшим у вас нет? То-то. Учитывая гигантизм вашей личности, больше пяти-шести лет вам не дадут. Вот и считайте, три миллиона делим на шесть, получается — полмиллиона долларов в год. Как минимум. Недурная оплата за временные житейские неудобства, верно?

Бурцев подозвал понятых и предложил им расписаться в протоколах допроса и обыска. Затем свою подпись безропотно поставил Леонид Брюмер.

— И все-таки согласитесь, подполковник, — с обидой в голосе заговорил джазмен, — ведь по большому счету я никакого преступления против человечества, против общественной морали не совершил. Ну, кто такой Егоршин, посудите сами? Алкоголик, содержатель казино и публичного дома. К тому же он был обречен на мучительную смерть от цирроза, причем в самое ближайшее время. Я позволил ему избежать страданий, умереть легко и безболезненно!

— Ишь ты, — восхитился таким симбиозом наглости и наивности подполковник Бурцев. — Да вы, оказывается, акт милосердия совершили, отравив своего друга и благодетеля!

— Это называется эвтаназия, — глотая слова, зачастил Брюмер. — Она официально применяется во многих цивилизованных странах, да-с! Избавить смертельно больного человека от бесплодных мучений — это высший гуманизм!

— Хочу, чтоб вы знали, — жестко перебил дирижера Бурав. — Егоршин был абсолютно здоров. Он смеялся над вами, говоря о своем циррозе. И если б не вы, он прожил бы еще непредсказуемо долго.

— Правда? — озадачился Брюмер и возмущенно воскликнул: — Но ведь я об этом ничего не знал! Честное слово! — Вид у джазмена был такой, словно его обманули в самых лучших чувствах.

— Пора ехать, Леонид Васильевич, — мягко сказал капитан Шилов. — Я буду навещать вас в следственном изоляторе. Вплоть до вынесения вам приговора. Ему ведь дадут отдельную камеру, верно, Макс?

— Похлопочу, — нехотя кивнул Бурав.

— Тогда я обязательно захвачу с собой саксофоны, и мы еще сыграем, — заговорщицки подмигнул задержанному Шилов.

— Кстати, у вас есть дома саксофон? — встрепенулся Брюмер.

— Давно продал, — сконфузился Шилов.

— Вот это — действительно преступление! — осуждающе посмотрел на «соавтора» Леонид Васильевич. — Вам, голубчик, надо играть, играть постоянно! Вот, возьмите, я вам дарю.

И Брюмер протянул опешившему капитану серебристый саксофон.

— Надеюсь, мне не запрещено делать подарки? — с достоинством повернулся джазмен к подполковнику.

— Разумеется, нет, — пожал плечами Бурцев, а сам подумал: «Если Петя Шилов действительно завяжет «мочить» бандитов, значит — искусство и впрямь великая вещь».

Глава двадцать седьмая

— Садись, парень. — Подполковник Бурцев тяжелым взглядом смотрел на Севу Егоршина.

Бывший официант, а ныне — официальный владелец клуба «Монреаль», понуро опустился на краешек стула в кабинете Бурава.

— Я тебя отпущу сейчас, не век же тебе в камере куковать... Да и не спасет тебя это от смерти, если уж кому-то сильно захочется тебя убрать.

— А что, разве мне грозит... смерть? — Сева вскинул испуганные глаза на Максима Бурцева.

— Вполне возможно, — скупо ответил подполковник.

— О, Господи! Провались пропадом этот клуб!..

— Вот именно, — многозначительно поднял указательный палец Бурцев. — Вот именно... Хочешь жить спокойно — срочно продавай клуб, не торгуясь. Ты знаешь, кому.

— Долганову?

— Угу, ему самому.

— Простите, но формально я становлюсь полноправным хозяином только через полгода, таковы условия введения в наследство. Сейчас я не могу распоряжаться «Монреалем».

— Идиот! — сквозь зубы выругался Бурав. — Заключай фьючерсный контракт!

— Как это? — растерялся Сева.

— Тебе действительно ни к чему заниматься бизнесом, раз ты таких простых вещей не знаешь, — успокоился подполковник. — Короче, подписываешь с Долгановым соглашение, что ты обязуешься через полгода, став владельцем клуба, продать ему «Монреаль» за такую-то сумму. Берешь аванс — обычно процентов десять. И обязательно оговори в контракте такое условие: в случае, если ты умрешь до истечения полугодового срока, договор силы не утрачивает, поскольку ты завещаешь все свое имущество какой-нибудь общественной организации — скажем, монастырю, больнице, детскому дому. И через полгода Долганов обязан будет перечислить оставшиеся девяносто процентов суммы означенной организации. Только так ты, пацан, избежишь риска быть убитым. Да и твои наследники тоже. Все понял?

— Понял, товарищ подполковник. Спасибо вам...

Сева взял пропуск на выход из здания ГУВД, сутулясь, пошел к двери.

— Слышь, парень, — окликнул его Максим. — Звони Долганову завтра же! Не тяни!

Когда за юным Егоршиным затворилась дверь, Бурав вновь скривился и начал тереть область солнечного сплетения. Гастрит, что ли, нажил? Похоже на то, боль усиливалась после каждой трапезы, даже самой скудной. Нервы, все из-за них...

Сорокалетний Валера Плевако — потомок великого русского адвоката — не любил сумерек. Он всякий раз испытывал уныние, граничащее с безысходностью, когда бледные, акварельные краски северного дня начинали тускнеть, сливаясь в однородно-серый фон.

Раньше все было иначе. В наступающих лиловых сумерках Валере предвкушалось что-то колдовское, многообещающее, но уже через годполтора после того, как Валера переселился из Москвы в Копенгаген, вечерние полутона стали для него нравственной пыткой. Сколько он еще выдержит? Когда наступят те роковые минуты, после которых мозг помрачится, погрузившись в сумеречное состояние?

И ни при чем тут разлука с родиной, ни при чем славный город Копенгаген. Все дело в жене. Именно с наступлением сумерек Анастасия под-

ходила к венецианскому зеркалу в прихожей, задумчиво убирала в клубок свои длинные, тяжелые волосы, молча обувалась и распахивала бронированную дверь.

— Ты надолго? — сдержанно спрашивал Валера, хотя ему до смерти хотелось броситься на жену и избить ее.

— Не знаю, — равнодушно отвечала Анастасия. — Как получится. — И уходила в сгущающийся сумрак.

Что, что получится?! С кем получится?!

С отчаянья Валера нанял частного детектива, через пять дней тот обстоятельно доложил: фру Анастасия Плевако все вечера проводит в «Тиволи-парке», одна, выпивает рюмочку «Шартреза» в летнем кафе, потом бродит по аллеям с потерянным, блуждающим взглядом, мужчины-ловеласы ... шарахаются от нее, как от привидения!

Значит, дело вовсе не в мифическом любовнике? А в ком же? В нем самом, опостылевшем муже?

Не-ет! Валера знал имя человека, который разрушил его жизнь, его семейное счастье. Максим Бурцев, вот кто это.

Господи! Каким же надо было быть идиотом, чтобы отбивать жену у такого мужчины, как Максим Бурцев! Неужели Валера, ослепленный страстью, не понимал, что женщина, прожившая в супружестве с Бурцевым даже недолгое время, уже никогда не сможет ни с кем другим жить нормально!

Все тогда понимал Валера, все предчувствовал. И назло этому пониманию жаждал взять реванш. После свадьбы Анастасии и Макса он, сынок крупного советского дипломата, жених, получивший отставку от Анастасии, униженно набивался в «друзья дома», и Бурцев великодушно приглашал Валеру в гости, на рыбалку... Валера пользовался этим, стал приходить, когда соперник был на

службе, умолял Анастасию уйти к нему, Валере, в мир денег и блистательного общества... И добился-таки своего. Подловил момент, когда Анастасия вдруг разревелась, досадуя на нищету, на то, что не может поехать в заграничное турне. «Едем завтра же со мной в Копенгаген, — горячечно убеждал ее Плевако. — Я получил должность при нашем консульстве...»

Бурцев тогда был на ночном дежурстве, и рано утром Валера уже звонил друзьям из МИДа, оформлял загранпаспорт для Анастасии. Она была возбуждена, решительна. «Едем!» — сияли ее глаза.

Только, как выяснилось, такого ее настроения хватило ненадолго...

И вот она — уже не Анастасия Бурцева, а Анастасия Плевако. Скоро пятнадцать лет как. Ей тридцать шесть, еще могла бы и детей ему родить, между прочим.

Не хочет.

Боится сжигать последние мосты.

Все еще думает вернуться к своему оперу?

А как же, по-другому быть не может.

Вот они и живут здесь вдвоем, каждый — сам по себе, вдали от дома, родных и друзей.

Бурцев иногда звонил сюда, на копенгагенскую квартиру. Валера демонстративно удалялся в другую комнату, с тоской глядя, как стремительно летит к телефону Анастасия, заслышав позывные международной связи.

Из-за стенки Валера смутно слышал, что тихий разговор между бывшими супругами переходит в ругань — и так всякий раз, всякий раз! О, Валера хорошо понимал истинный смысл этого взаимного озлобления, его не могли обмануть громкие возгласы Анастасии, когда она швыряла трубку: «Ненавижу! Будь ты проклят!» Хоть бы разок она поговорила с прежним мужем спокойно, равнодушно — так, как с ним, с Валерой! Тогда бы он ликовал...

Сегодня Валера дожидался жену в состоянии веселой, злобной решимости. Он потирал ладони, расхаживая по гостиной, когда услышал стук входной двери. Подбежал, помог Анастасии снять верхнюю одежду и глухим голосом начал:

— Настя, мне позвонил из Москвы мой старинный партнер, деятель игорного бизнеса. Так вот, сейчас и только сейчас есть возможность по сходной цене купить шикарный клуб «Монреаль» в центре Москвы. Понимаешь?

— Не понимаю, — похолодела от волнения Анастасия.

— Объясню, — с нервным задором посмотрел на нее Валера. — Я хочу купить этот клуб. По словам того человека, можно уложиться в пять-шесть миллионов долларов. Это подарок!

— И мы вернемся домой, в Москву? — загорелись надеждой ее глаза.

— Нет, черт возьми! — Валера с досадой стукнул кулаком по мраморной каминной доске. — Нет! Ты вернешься в Москву одна, понимаешь? Я дам тебе все полномочия по покупке клуба на мое имя. Я остаюсь здесь, а ты будешь жить там, станешь гендиректором и президентом «Монреаля». Я передаю тебе третью часть уставного капитала, плюс — директорский оклад. Думаю, если дела пойдут хорошо, установить тебе оклад сто тысяч долларов в месяц, да еще процент от незапланированных прибылей. Если таковые появятся...

— Это правда? Ты не разыгрываешь меня? Валерочка... — Анастасия впервые за долгое время искренне обняла мужа и заплакала.

— Я же вижу, как тебе плохо здесь со мной, ты места себе не находишь. А все от безделья, дорогая моя. Займись-ка настоящим делом! Пора уж... — Валера немного помолчал и добавил: — Поживи, осмотрись, попривыкни. А там уж принимай решение, возвращаться тебе к своему Бурцеву или все-таки остаться со мной.

— С чего ты взял, будто я собираюсь вернуться к Бурцеву? Сказал, тоже... Не знала, что ты такой злой!.. — возмутилась Анастасия, но быстро успокоилась и спросила: — Как ты думаешь, мне сразу забрать с собой все вещи? Или, может, лучше потом за ними приехать, когда все решится?.. Ты не помнишь, в Москву рейс каждый день или нет?

Валере стало все безразлично, возбуждение сменилось внезапным ступором. Какой же он все-таки дурак! Рассчитывал, что жена хоть для приличия станет отказываться от его предложения, уговаривать поехать вместе, наконец...

Значит, он поступил правильно. Анастасия никогда не принадлежала и не будет принадлежать ему. И пусть все идет так, как должно идти — своим чередом. Жить надо, вот что, дорогой ты мой господин Плевако, а не распускать нюни...

Глава двадцать восьмая

Максим Бурцев пешком поднимался в свою холостяцкую квартиру, задержался возле вереницы почтовых ящиков, повернул ключик. Два номера «Спорт-экспресс» — за вчерашнее и сегодняшнее число, еженедельник «Охотничья газета», журнал «Рыбалка и охота»... Есть что почитать на сон грядущий.

Из стопки периодики выпал глянцевый, красочный рекламный листок. Подполковник наклонился, поднял «фантик» и прочитал:

«Смотрите в кинотеатрах города! Новый культовый фильм «Браво, сыщик!» Здесь же — цветной коллаж с неизменной лужей крови, рассыпанными картами, вытаращенными от ужаса глазами. «По вопросам приобретения билетов обращайтесь...»

Он прихватил печатную продукцию, поднялся на свой этаж, отпер квартиру. В задумчивости сложил периодику на стол, а сам с рекламными листками в руке принялся раскачиваться с пяток на носки.

Академик Ардашкин, судя по всему, впал в детство. Скучно ему без игр. Томится, безвестный, в своем убежище, и хоть бы кто-нибудь узнал, что это он, Ардашкин-Маслов, стоит за убийствами, совершенными в борьбе за право овладеть клубом «Монреаль». Хлебопек Абрамов, клубный распорядитель Егоршин...

И вот теперь довольный Ардашкин поздравляет Бурцева с успешным раскрытием этих убийств. Убийств, совершенных академиком посредством булочника Крекова и дирижера Брюмера. Кто же его следующая жертва? Похоже, это Прохор Долганов, ведь нефтяник собирается прикупить клуб «Монреаль»…

«В кого же я тогда разрядил всю обойму своего наградного пистолета? — мучительно думал Бурав, погрузив лицо в ладони. — В двойника? Нет, черт возьми, это был он, несомненно, он, академик Ардашкин собственной персоной! И кровь, которая выступала на его майке после очередного выстрела, была настоящей! Наверное, у него до сих пор шрамы остались…»

Но ради чего академик претерпевал такие муки? Неужели только для того, чтобы уйти от назойливого преследователя — заурядного, по меркам Ардашкина, муровского оперативника? Почему он до сих пор не вычеркнул Максима Бурцева из списка живущих на этом свете? Видимо, чем выше интеллект, тем больше у его обладателя великодушия к противнику. А у академика Ардашкина интеллект, безусловно, был куда выше, чем подполковника Бурцева. Да какое, к лешему, великодушие! Просто Бурцев устраивает Ардашкина, он в какой-то степени выполняет волю Анато-

лия Семеновича, только роль ему отведена несколько иная: Максим — не ликвидатор и не жертва, он — послушный топор правосудия в руках Ардашкина, подводит под законную кару тех, кого наметил «черный академик».

Бурцеву сделалось отвратно. Он снова принялся изучать рекламные листки. Гм, как говорится, найдите отличия... Ага, вот одно, где указаны телефоны, по которым можно заказать билеты. И там, и там — пять номеров, четыре полностью сходятся, а последний — нет. Всего-то одна цифирка изменена в листке, предназначенном для прочтения Максиму Бурцеву.

Подполковник снял телефонную трубку, набрал семь знаков. Разумеется, это городской номер мобильного телефона, после окончания разговора академик Ардашкин просто выкинет трубку. Ищи-свищи потом ее обладателя...

— Здравствуйте, Анатолий Семенович, — спокойно произнес Бурав, когда на другом конце нажали кнопку.

— И вам того же, Максим Юрьевич! — радостно отозвался знакомый старческий голос. — Значит, получили мое поздравление?

— Получил, получил, — буркнул подполковник. — Вы, видимо, соскучились по общению с моей скромной персоной.

— Признаюсь, да. Наш последний разговор был очень содержательным, только вот концовка меня слегка разочаровала. Хотя я и был готов к такому повороту.

— Грудь болит? — сочувственно спросил Бурцев.

— Уже нет, Максим Юрьевич. Современная медицина, знаете ли... Что ж вы так, батенька? А? Мы же договаривались не убивать друг друга.

— Скажите, Анатолий Семенович, — вздохнул подполковник, — Абрамов, Егоршин, Брюмер — ваша работа?

— Разумеется, — рассмеялся в ухо подполковнику академик.

— А зачем? Или я чего-то не понимаю?

— Все вы понимаете. — Голос Ардашкина стал резким, каркающим. — Клуб — мой! Это мое детище, ясно? И распорядителем «Монреаля» будет тот, кого я хочу поставить, а не абы кто!

— Вы прямо как злой ребенок, — заметил Бурцев. — Моя игрушка, и умри все живое! Что, теперь очередь Прохора Долганова отправляться в мир иной?

— Ждите новостей, — сухо ответил Ардашкин и дал отбой.

Бурав, осознавая всю бессмысленность своих действий, набрал телефон московского офиса компании «Джокер ойл» — Долганов оставил следователю Шаравину свою визитку.

— «Джокер ойл», — послышался грубый голос, явно принадлежащий охраннику, да и кто еще мог ответить на звонок в столь позднее время?

— Московский уголовный розыск, подполковник Бурцев. Соедините меня с господином Долгановым.

— Господина президента нет в офисе.

— А я не про офис говорю! — вскипел Бурцев. — Соедините с квартирой, машиной, дачей, черт подери! Это важно!

— Я не могу этого сделать, уважаемый, — спокойно отозвался охранник. — Оставьте сообщение.

— Ну, тогда готовьтесь сопровождать траурную процессию на похоронах вашего босса, — рявкнул Бурав и швырнул трубку на рычажки.

Глава двадцать девятая

Президент нефтяной компании «Джокер ойл» Прохор Семенович Долганов с удовлетворением оглядывал шеренгу разноцветных и разнокалиберных бутылок: шотландский виски и отборная русская водка, мартини и сухое грузинское вино, шампанское и коньяки известных во всем мире сортов...

Кажется, все в порядке. «Жизнь удалась», — в который раз повторил про себя Прохор Семенович. Эти расхожие слова наполнялись для Долганова особым, праздничным содержанием, когда он вспоминал, что лишь пару дней назад чудом избежал смертельной опасности.

Днем позвонил Рыжий Гарри, спрашивал, придет ли Толстый Дог на похороны Вени Егоршина? «Прости, старина, не могу, с делами закрутился», — мямлил в трубку Прохор Семенович. «Смотри, дело твое», — сухо отвечал банкир. «Слушай, Гарри! — не к месту вспылил Толстый Дог. — Давай так. Если в день моих похорон у тебя будут срочные дела, то я очень прошу тебя, не бросай их ради того, чтобы швырнуть горсть земли на

крышку моего гроба. Поверь, мне на том свете будет очень прискорбно, что из-за такого пустяка ты пожертвуешь интересами бизнеса!»

Так вот и поговорили... Не хватало ему еще омрачать свою новую помолвку участием в похоронах!

В свои пятьдесят с хвостиком Прохор Семенович отнюдь не выглядел респектабельным бизнесменом, он напоминал упитанного, плутоватого мальчишку из захолустной деревеньки, приехавшего в середине 70-х поступать в столичный институт нефти и газа.

Он сам сделал себя, что бы там ни говорили завистники! Женитьба на дочке партийного босса скорее навредила ему, чем помогла в жизни, так как во времена андроповских репрессий среди партийных чинуш удалой тестюшка загремел на нары. Да, к тому же, с конфискацией всего имущества, которое обнаглевший от безнаказанности взяточник не догадался распределить между родственниками.

Чета Долгановых оказалась в зловещей изоляции, и Прохор Семенович увез жену в Тюмень.

Первая настоящая удача пришла к нему спустя двадцать лет, когда после изнурительной борьбы Прохор Семенович «вырвал» у родимого государства изрядный участок нефтеносных полей под Тюменью. В аренду, разумеется. Паршивенький, надо сказать, участок, бросовый. Но Долганов упрямо верил в свою звезду. И когда из земли забил первый мощный фонтан черного золота, Прохор Семенович орал, как сумасшедший, вместе с рабочими размазывая по лицу вожделенную, пахучую жижу: «Джокер! Я вытащил джокера из этой крапленой колоды!» Соответственно, скважину окрестили «Джокером», а вскоре и вся нефтяная компания Долганова получила название «Джокер ойл» и заняла свое скромное, но весьма доходное место на бензиновом рынке.

С тех пор, как с тестем приключилась беда, присутствие «ошибочно выбранной» жены постоянно раздражало Прохора Семеновича, и эта глубинная неприязнь каким-то образом перешла на сына Пашку... Пару лет назад Долганов отправил семнадцатилетнего пацана учиться в Англию, в Оксфордский университет, и сын ни разу с тех пор по своей воле не навещал родителей. Вот только нынешним летом Пашке волей-неволей пришлось побывать на Родине: датское правительство передало его в руки российского правосудия. Наркотики, черт бы их подрал!..

Долганов помог сыну, сделал все, что от него зависело, чтобы тот спокойно вернулся доучиваться в Оксфорде. И совесть Толстого Дога была чиста. Все-таки Пашка — родная кровь, его единственный наследник, других-то у Прохора Семеновича не предвиделось. До сегодняшнего дня. Но после того как Толстый Дог принял свое судьбоносное решение — как знать, не появятся ли у него в самое ближайшее время другие отпрыски...

Лидочка Вишнякова пришла на конкурс по замещению вакантной должности секретарши в московском офисе компании «Джокер ойл» месяца четыре назад. Миниатюрная брюнетка со старомодной стрижкой «фокстрот» сразу привлекла внимание офисного менеджера. Толстый Дог намекнул менеджеру, что ему бы хотелось видеть рядом с собой «что-то подобное». Студентка иняза, Вишнякова и с профессиональной точки зрения подходила для своей будущей роли.

Толстый Дог еще не успел купить новой любовнице отдельную квартиру в столице, и Лидочка продолжала жить в общежитии. Зато ближе к лету Прохор Семенович уже свозил свою пассию в Англию — в качестве переводчицы, разумеется. Почему бы не познакомить ее с Пашкой, в самом деле? Они навестили его в Оксфорде, и Толстый Дог с удовлетворением отметил, что молодые люди вроде бы друг другу приглянулись. В смысле — почти подружились.

Что ж, значит, планы Толстого Дога насчет Лидочки возражений со стороны сына не встретят.

В гостиную, приготовленную для пиршества, вошла супруга Долганова, Инесса — пышнотелая светская дама с роскошной гривой золотых волос.

— Звонил Игорь, он будет с минуты на минуту.

— Вот как? — вскинул брови нефтяник. — А разве я его приглашал?

— Я позвала Игоря. А что, мне запрещено приглашать к себе гостей? Пока что это наша с тобой общая квартира. Во всяком случае, я здесь прописана.

— Логично, — кивнул Толстый Дог. — Даже странно слышать от тебя...

Он не договорил, со стороны холла послышался мелодичный звон колокольчика, и Инесса направилась к двери.

Игорь Котов, подтянутый спортивный мужчина с белозубой лошадиной улыбкой, владелец сети бензоколонок в Подмосковье, ввел в комнату коротко стриженую брюнетку лет двадцати пяти. В руке долгановской секретарши был объемистый полиэтиленовый пакет.

— Добрый вечер, старина! — приветствовал Котов Толстого Дога. — А я, понимаешь, выхожу сейчас из машины и у подъезда вижу твою Лидочку... Ты что, позвал ее стенографировать?

— А что, мысль неплохая, — в тон ему ответил Прохор Семенович и ловко откупорил шампанское. — Ну-с, дамы и господа, прошу поднять бокалы! Итак, я хочу сообщить вам о чрезвычайном событии в своей жизни...

— Как высокопарно! — с иронией бросила Инесса.

— А именно, — повысил голос Долганов, — я от души благодарю дорогую Инессу за те двадцать с лишним лет, что она провела с таким неотесанным болваном, как Прохор Долганов, и объявляю, что отныне она освобождается от столь непосильной ноши. Мы расходимся, Инесса!

Толстый Дог с чувством осушил свой бокал, Лидочка, сияя глазами, последовала его примеру.

— Ты забыл прослезиться, — издевательски усмехнулась Инесса.

— Старина, ты говоришь так торжественно, словно объявляешь о помолвке, а не о разводе, — мрачно заметил Котов.

— Будет тебе и помолвка, — кивнул Прохор Семенович и обнял худенькую секретаршу за плечи. — Я, друзья мои, намерен вступить в брак с этой юной особой. Надеюсь, вы все одобрите мой выбор.

— Как был ты, Проша, вахлаком, так и остался, — надменно произнесла Инесса. — Нашел себе такую же деревенщину и рад-радешенек!

— Да, я выросла в деревне, и что такого? — с вызовом ответила Лидочка. — Зато в порядочной семье, а не среди зажравшихся ворюг!

Инесса плюнула в свой бокал, со стуком поставила его на скатерть и ушла на кухню.

— Зазнайка противная, — нарочито громко сказала Лидочка и повернулась к Прохору Семеновичу: — А я свое фирменное грибное рагу к столу приготовила, помнишь, я обещала тебя угостить? Твоя-то мымра, поди, не умеет... Их только разогреть надо.

— Ты что, пришла сюда с кастрюлей? — рассмеялся Долганов.

— Ну да... А что такого? — надула губки девушка.

Толстый Дог с досадой махнул рукой. Заладила — «что такого, что такого...» Прохор Семенович смутно ощутил, что Инесса в чем-то права. И как это он раньше не замечал скудоумия и вульгарности своей молоденькой любовницы-секретарши? Боже, а ведь отныне она будет хозяйничать в его доме...

Долганов решительно отогнал от себя надвигающийся момент прозрения. Шаг сделан, и не в его правилах брать назад свой ход, к тому же — такой эффектный.

— Ступай-ка, невестушка, на кухню, займись своими грибами, Инесса тебе поможет.

Когда мужчины остались одни, Котов некоторое время покусывал нижнюю губу, наконец, решился:

— Вот что я скажу тебе, старина. Развод — дело житейское, я бы даже сказал — мужское дело. И твой очередной выбор, как ты справедливо заметил, я вполне одобряю. Ты баловень судьбы, Прохор... Лидочка такая славная, непосредственная...

— Да уж! — хмыкнул Толстый Дог.

— Собственно, — осторожно продолжал Котов, — я ведь приехал к тебе не разводы и помолвки обмывать. У меня, брат, проблемы посерьезней, чем у тебя.

— Наслышан о твоих проблемах, — важно кивнул Прохор Семенович. — И ты пришел просить об отсрочке по выплате долга?

— Чего уж темнить, за этим. Ну, хоть на полгодика, Проша!

— Вот люди, а? Ну, ты только подумай... — Толстый Дог поцокал языком. — Вовремя ты пришел, я сегодня добрый, не могу отказать.

— Тогда уж будь любезен, — засуетился Котов, — подпиши бумаженцию, и покончим с этим! — Игорь ловко извлек из портфеля заранее приготовленный текст.

— Ну, ты и пройдоха, — не то с насмешкой, не то с одобрением покачал головой Долганов и подмахнул документ, согласно которому фирма «Рейнбоу» освобождается от выплат по многомиллионному долгу компании «Джокер ойл» еще на шесть календарных месяцев.

В кармане его рубашки неожиданно залился трелью мобильный телефон. Прохор Семенович взглянул на высветившийся номер и недовольно сдвинул брови.

— Что тебе, Влад? Ты выяснил, откуда звонили? Ну и что, что квартира? Придурок! Пошли туда людей! Что-о? Тот самый Бурцев? К черту людей, я сам с ним завтра поговорю... Все.

В гостиную вошла Лидочка с огромной шкворчащей сковородой, накрытой стеклянным куполом. Инесса шествовала следом, держа в руках объемистую салатницу.

— А вот и наши дамы! — обрадовался Долганов. — Знаете, что за звонок сейчас был? Охранник сообщил, что один умный человек предрекает мне близкую смерть. Насильственную, между прочим.

Лидочка едва не выронила тяжелую медную сковороду, Инесса слегка побледнела.

— Да не пугайтесь вы так! — усмехнулся Прохор Семенович. — Я же нефть добываю, следовательно, постоянно рискую жизнью... Привык.

Он навалил себе полную тарелку тушеных грибов, Лидочка положила лишь пару ложек и, словно дразня Инессу, соорудила рядом с грибами целую гору черной икры.

— Счастливчики! Можете есть все, что душе угодно, — вздохнул Котов, — а у меня вот нелады с брюхом. Спасибо, хоть выпивать врачи не запрещают. — И принялся за легкий, неострый салат.

Лидочка налегала на «Дон Периньон», а Инесса запивала горячее блюдо ледяной минералкой: у нее была аллергия на спиртное. Котов и Долганов, не чокаясь, пили виски изрядными порциями.

— Ну, а теперь, дорогой, — начала Инесса, вытерев губы салфеткой, — я тоже тебе кое-что скажу. Если думаешь, что я буду по тебе долго горевать, то ты сильно ошибаешься. — Она выразительно посмотрела на смутившегося Котова.

— Ах, во-он оно что, — протянул Толстый Дог. — Ну-ну, как говорится, совет вам да любовь!

— Брось, старина, — растерянно пробормотал Котов.

Долганов тяжелым взглядом смотрел перед собой. На душе почему-то сделалось скверно. Жизнь, конечно, удалась. Но где оно, упоение своим торжеством победителя, ощущение начала новой полосы в биографии? Неужели он действительно постарел?

— Между прочим, Игорь, — уже не обращая внимания на женщин и разговаривая только с единственным достойным собутыльником, заплетающимся языком проговорил Толстый Дог, — поздравь меня еще с одним важным событием.

— Каким событием, старина? — Котов подбавил водки в оба бокала.

— Таким. Завтра, если все пройдет по плану, я становлюсь совладельцем «Тюменских недр». С брокиру... блокилующим пакетом акций. Каково? Скупил через подставных лиц, осталось переоформить на мое имя.

Котов потемнел лицом и, резко поставив свой фужер на стол, произнес:

— Может, хватит пить, Прохор? Ну, не надо больше!

— А, по-моему, это как раз-таки повод выпить! — злобно прошипел Толстый Дог и махом опрокинул бокал себе в глотку.

— Ты пьян до непотребства, — холодно проговорила Инесса. — Нам пора уходить. С тобой противно сидеть за одним столом, понимаешь? — и поднялась со стула.

Следом за ней в прихожую двинулся Котов. Неожиданно Лидочка тоже засобиралась.

— Ты разве не останешься со мной? — осоловевшим взглядом посмотрел на нее Долганов.

— Извини, сегодня не могу... Не сердись, у нас еще все впереди.

Закрыв за всеми троими входную дверь, Прохор Семенович привычным движением задвинул фигурный засов, охраняющий жилище лучше всяких кодовых замков, навесил массивную ванадиевую цепочку. Зевнул и, шатаясь, побрел в спальню.

Может, все-таки стоило съездить на похороны Веньки?

Да-да, в этом-то все и дело! Ему так пакостно сегодня на душе, потому что он не простился со старым другом...

Часы в московской квартире президента компании «Джокер ойл» показывали половину второго ночи.

Жизнь удалась.

Праздник не удался.

Глава тридцатая

Сообщение о ночной гибели президента компании «Джокер ойл» Прохора Долганова поступило в отдел убийств минут пятнадцать назад, около девяти утра. Бурав и Комар уже были на работе... То, что смерть нефтяника безусловно относится к разряду криминальных, подтверждала имевшая место перестрелка в квартире потерпевшего — об этом было четко сказано в предварительной сводке…

Пять комнат в престижном доме на Ленинском проспекте располагались в виде кленового листа — плод буйной фантазии покойного Долганова. Похоже, он хорошо знал и любил страну кленового листа, видимо, закупал там нефтедобывающее оборудование, о чем свидетельствовали снимки, сделанные в аэропорту Эдмонтона. Хм, уж не потому ли Прохор Семенович так хотел купить клуб «Монреаль», чтоб потом хвастать перед своими канадскими партнерами, приглашать их туда на пирушки? Например, того же Веню Горецкого, который, вроде бы, стал одним из китов нефтебизнеса у себя в Канаде...

Бурав и Комар, минуя гостиную, сразу прошли в спальню, где уже колдовали доктор Груздин и эксперт-криминалист Слава Зарезин.

Прохор Семенович Долганов лежал на полу в одной лишь ночной пижаме, в правой руке Толстого Дога был зажат пистолет «магнум», а под головой расползлось кровавое пятно.

— Вот это кровать! — восхищенно покачал головой Комар.

Посреди спальни громоздилось необъятное лежбище со спинками из мореного дуба, рядом — аккуратные тумбочки, высокий торшер, по стенам развешены картины эротического содержания. Под ногой подполковника захрустели какие-то осколки. Бурцев вгляделся и понял, что это обломки разлетевшегося вдребезги телефонного аппарата.

— Он стрелял дважды, товарищ подполковник, — доложил Зарезин. — Одна пуля пробила торшер — видите дыру? Вторая попала в телефон. Пули — вот они, выпущены из «магнума».

— Что еще, Слава? — недовольным голосом спросил Бурав.

Ему совершенно не хотелось заниматься гибелью Прохора Долганова, в конце концов, подполковник — не марионетка в руках академика Ардашкина, и Бурцев решил взбрыкнуть, сломать заготовленный для него сценарий.

— Еще? — Зарезин озадаченно посмотрел на Бурцева. — Судя по всему, здесь была борьба, потерпевшему выворачивали руку с пистолетом, и он палил куда попало. В борьбе потерпевший упал, ударился затылком об угол тумбочки — на дереве осталась кровь.

— А ты что скажешь, док? — обратился подполковник к Сергею Груздину.

— Определенно, Макс, смерть наступила около трех часов ночи, ну, плюс-минус... А причину смерти я пока могу только предполагать.

— Давай, предполагай, — милостиво разрешил Бурав.

— Ну, тогда позволь говорить канцелярским стилем. По внешним признакам, смерть наступила в результате резкого падения кровяного давления, то есть — коллапса, вызванного ударом затылочной частью головы об острый предмет. К тому же, у него было слабое сердце — я в тумбочке целую кучу сердечных препаратов обнаружил.

— Леша, пройдись-ка по соседям, — повернулся к Алексею подполковник. — Выстрелы из «магнума» должны были перебудить весь дом, это не «браунинг» какой-нибудь...

Когда Комар вышел из спальни, Бурцев снова принялся пытать Зарезина:

— Слава, ты что, первый год работаешь? Давай, выкладывай, что там со входной дверью, следами присутствия посторонних...

— Входную дверь вы видели, товарищ подполковник, — ухмыльнулся эксперт. — Аж филенки повылетели от ударов, а запоры — целехоньки. Тараном били, броня прогнулась.

— Пошли-ка, еще разок взглянем, — мотнул головой Бурав.

Вернувшись в прихожую, подполковник, к своему удивлению, увидел на пороге бледную, коротко стриженную брюнетку, которую заботливо поддерживал под локоть статный господинчик, чем-то напоминающий жеребца.

— Кто такие? Почему без разрешения входите в квартиру? — загремел Бурцев. — Сержант, ты что, уснул?

В дверном проеме показался сконфуженный сержант, дежуривший на лестничной клетке:

— Говорят, они свидетели, товарищ подполковник...

— Видите ли, — заговорил «жеребец», — мне позвонила Инесса... Ну, супруга покойного... Рассказала о том, что случилось, просила срочно

приехать. Я вот и секретаршу покойного решил захватить, ведь мы вчера вечером были здесь все вместе. Как она?

— Кто?

— Ну, Инесса... — промямлил Котов. — Видно было, что он привык называть жену магната по имени, без отчества.

— А-а, — махнул рукой Бурцев. — Что ей сделается? В гостиной сидит, на вопросы следователя отвечает. Давайте-ка и вы туда, расскажете, что вам известно и кого подозреваете.

Подполковник вместе с вновь прибывшими прошел в гостиную, мельком глянул на остатки буйного пиршества, понурую вдову нефтяного магната, следователя Шаравина, сосредоточенно покрывавшего строчками лист бумаги, и небрежно обронил:

— Костя, допроси этих. И спиртного никому не давать!

Он вышел в прихожую, покачал головой, глядя на входную дверь. Надломленный металлический косяк лежал на полу, из всех дверных замков торчали высунутые языки.

— Это называется, запирай — не запирай, — глубокомысленно заметил Максим.

— Не совсем так, товарищ подполковник, — робко возразил Слава Зарезин. — Дверь сломал вовсе не убийца...

— В каком смысле? — не понял Бурав.

— А в таком. В восемь утра за Долгановым заехал его офисный охранник — шеф так распорядился накануне. Короче, парень долго звонил в дверь, пока не вышла старуха-соседка. Она сказала, что в полтретьего ночи слышала выстрелы. Охранник Долганова вызвал полицию, дверь выбили чугунной урной — она у подъезда стояла. Так и обнаружили труп. Убийца через дверь не выходил, засов-то был задвинут, цепочка наброшена. Не мог же Долганов вежливо проводить обидчика и вернуться умирать в свою спальню? Окна также плотно закрыты изнутри, к тому же — седьмой этаж...

Бурав наклонился и поднял с пола небольшой листок бумаги, перевернул, нахмурился. Корявым почерком на листке было написано: «Прошу сегодня не убирать! Ни в коем случае!» Видимо, у Долганова была приходящая уборщица.

— Макс, иди сюда! — послышался голос доктора Груздина со стороны кухни.

Бурав заглянул в двадцатиметровую кухню-столовую и иронично хмыкнул. Сергей Сергеич «нашел» батон финского сервелата, французскую булку и пузатую бутылку с прозрачным пойлом, очевидно, недешевым.

— Вдова не обеднеет, Макс, — мотивировал судмедэксперт, нарезая истекающий жиром сервелат толстыми овалами.

Бурцев подошел к столу, взял длинный бутерброд, съел, почти не разжевывая, и вдруг пожаловался:

— Брюхо болит, Серега.

— Женился бы ты, барин. Сухомятка в сочетании с нервотрепкой до добра не доведет, — пробурчал Груздин. — Где болит, как?

Выслушав четкий доклад приятеля, доктор неожиданно крякнул:

— Что ж ты сразу не сказал? В госпиталь, под капельницу — шагом марш! Причем срочно!

Бурцев ничего не ответил и обессилено опустился на стул.

Появился расстроенный чем-то Комар.

— Макс, обошел с десяток квартир, — горестно пожаловался он. — Представляешь, почти все слышали ночные выстрелы, но никто не позвонил в полицию! Ну, народ...

— Мы немедленно едем в больницу, — перебил его Сергей Сергеевич, — а ты, парень, давай, продолжай тут кумекать в одиночку. Шаравин, как я понимаю, не в счет. Подымайся, Макс, поехали. Только, чур, за руль сяду я.

Они вышли в коридор.

— Постой, Серега! — Подполковник решительно взялся за ручку двери, ведущей в гостиную. — Я прошу у тебя только пять минут.

— Ясно, — осуждающе глянул Груздин. — Надумал все-таки умереть на боевом посту, при исполнении... Дай ключи от машины, я хоть пока мотор прогрею.

Комар и Бурав вошли в просторную гостиную, где чинно, словно школьники, вызванные к директору, сидели на стульях у стены Игорь Котов и Лидочка Вишнякова. Инесса расположилась в кресле, закинув ногу на ногу, и курила длинную тонкую сигарету.

— Костя, дай-ка глянуть, что они тут тебе наговорили. — Бурав взял со стола листки протоколов, не обращая внимания на свидетелей.

Он пробежал глазами показания Инессы, Лидочки и Котова, достал из кармана подобранный им квадратик бумаги, сличил с почерком Котова,

которым бензоторговец написал внизу страницы протокола: «С моих слов записано верно, мною прочитано».

— Игорь Леонидович, — протягивая бумажный квадратик, повернулся к Котову подполковник, — кого и о чем вы просили в этой записке?

Тот некоторое время смотрел на текст непонимающим взглядом, наконец, улыбнулся, вспомнив:

— А-а... Я, знаете ли, вчера засиделся в своем офисе, а потом заторопился сюда. Убраться на столе времени не было, я и оставил записку уборщице, чтобы ничего не трогала в моем кабинете. А то, знаете ли, она то и дело что-нибудь нужное да выкинет, давно пора ее уволить...

— Как эта записка попала сюда, в коридор, если вы оставили ее в своем офисе? — чуть не застонал Бурцев.

— Не знаю... — растерялся Котов. — Я такой рассеянный стал, голова кругом идет, бензоколонки горят одна за другой, как спички... Что вы меня мучаете? Наверное, я впопыхах ее в карман сунул, вместо того чтобы на стол в кабинете положить... А потом случайно выронил, когда плащ снимал, я же выпил все-таки, причем довольно-таки изрядно.

Подполковник прервал словоблудие владельца компании «Рэйнбоу» нетерпеливым взмахом руки, отдал записку Комару — дескать, возьми на всякий случай, может, пригодится...

Алексей с трудом разобрал текст: «Прошу сегодня не убирать! Ни в коем случае!»

Пропустив вперед двух санитаров, выносивших из квартиры накрытое простыней тело Прохора Долганова, Бурав вызвал лифт и спустился во двор. Груздин нещадно газовал, стоя на месте, мотор многострадальных «Жигулей» реагировал возмущенным ревом.

— Выживу, поменяю машину, — пообещал подполковник, захлопывая за собой дверь.

— Выживешь, — сквозь зубы процедил Груздин.

В приемном покое Центрального госпиталя МВД Груздин чувствовал себя своим человеком, кому-то пожимал руки, кого-то похлопывал по плечу...

— Кладем? — деловито спросил он у дежурного врача.

— Кладем.

— Успеем?

— Должны, по идее...

— Э, не вздумайте без меня меня женить! — возмутился Бурцев. — Что значит — кладем? Делайте укол, прописывайте лекарства, диету! А в больницу я ложиться не собираюсь! Что все это значит, Серега?!

— Макс, видишь вот эту цифру? — Груздин обнял Бурцева за плечи и протянул ему результат экспресс-анализа.

— Вижу, — надулся Бурав. — Одиннадцать тысяч четыреста единиц.

— Вот! А должно быть от тридцати до семидесяти единиц. Почувствуй разницу, Макс! У тебя острейший приступ панкреатита.

— Это еще что?

— Воспаление поджелудочной железы.

— И что, из-за этого пустяка можно «кони двинуть»?

— Запросто. Короче, давай ключи от своей квартиры, я тебе ближе к вечеру привезу все необходимое.

Груздин немного пошептался с врачом и скоренько направился к «Жигулям».

Уже через пять минут, пройдя молниеносное оформление в отделении хирургии, Бурав понял, о чем шушукались друзья-врачи: подполковнику отвели небольшую отдельную палату, а толстая медсестра уже волокла Бурцеву «тещу» — так с незапамятных времен больные именуют капельницу.

Глава тридцать первая

Пока Бурав, скрежеща зубами, стойко дожидался, когда в капельнице иссякнет уже девятая по счету банка с раствором, дверь в палату осторожно приоткрылась — на пороге стоял Хват. Начальник отдела боязливо уселся в кресло, выложил на стол тучную гроздь винограда, потом, оглянувшись на дверь, сунул в тумбочку продолговатый сверток (ясное дело, бутылка). Выглядел он несколько смущенным, и Максим, не выдержав, попросил:

— Да говорите уже, Геннадий Иванович, не тяните!

— Что ж, извольте, — полковник смотрел куда-то в сторону. — Не буду тянуть. Как только вы с Комаром уехали утром по делу нефтяника, из МВД

пришло уведомление... Лейтенант полиции Максим Максимыч Логинов из якутского поселка Хандыга прибывает завтра на стажировку в наш убойный отдел.

— А, черт, как не вовремя со мной эта оказия приключилась! — Бурав с досадой шлепнул кулаком по столу. — Неизвестно, сколько тут проваляюсь.

— Да бросьте вы, Максим Юрьевич, — добродушно улыбнулся Хват. — А то я не знаю, что это вы за парня слово замолвили... И в Хандыге вы работали в семьдесят восьмом, летом, а этот Логинов — семьдесят девятого года рождения, февральский. Что вам, делать больше нечего, как перед президентом Якутии за какого-то постороннего Максимыча хлопотать? Будь у меня сын-оперативник, да еще с другой фамилией, я бы его быстренько в заместители вывел. И совесть бы не екнула! На кого ж нам, старикам, опираться, как не на сынов своих? Ты давай, думай, как его к нам перетащить. Люди нам очень нужны.

— Думаю, Геннадий Иванович. Не так все просто...

Бурав положил на живот грелку со льдом, прикрыл глаза. В сердце подполковника теснились радостные предчувствия. Завтра!..

В дверь просунулась голова Комара. Войдя в палату, он с важным видом присел на стул и выжидательно посмотрел на подполковника.

— Ну, и что там по убийству нефтяника? — нетерпеливо спросил Бурцев.

— Слушай! — заерзал на стуле Комар. — Игорь Котов и Инесса Долганова — явно любовники, это в глаза бросается. А секретарша убитого, Вишнякова, даже и не думает скрывать, что состояла с шефом в интимных отношениях. По словам Вишняковой, Долганов намеревался развестись с Инессой и жениться на ней. Вчера Долганов объявил об этом на домашней вечеринке, где они были вчетвером. На момент убийства у всех троих 99-процентное алиби...

— Отчего ж не стопроцентное? — съязвил подполковник.

— Стопроцентных алиби не бывает, — с апломбом заявил Алексей.

— Ну-ну...

— Котов и Долганова сразу после посиделок на Ленинском проспекте отправились в ночной клуб «Дикая утка», пробыли там до утра. Вишнякова поехала в свое общежитие — она, оказывается, еще и студентка-очница. Ночевала там, ее видели с десяток человек.

— На первый взгляд, убийство мужа выгодно Инессе, ведь теперь она — полноправная наследница магната, — задумчиво проговорил Бурав.

— Так то оно так, — досадливо поморщился Комар, — но, видишь ли, в разгар вечеринки Долганов объявил, что сегодня станет совладельцем компании «Тюменские недра» — скупил акции через подставных лиц, и сегодня должен переоформить их на свое имя. Зачем же Инессе было упускать такой куш, торопиться с убийством мужа? Ведь можно и подождать денек-другой, верно?

— А Котов?

— Котов — это торговец бензином, он старый компаньон и, между прочим, крупный должник покойного Долганова. А вчера вечером Долганов предоставил ему отсрочку по выплатам долга еще на полгода. Так что, получается, убивать кредитора у Котова никакой необходимости не было.

— Сечешь... — пробормотал Бурав. — А уж этой Вишняковой и вовсе ни к чему было покушаться на жизнь Долганова накануне их свадьбы.

— Поганое дельце, а? И ведь никаких следов присутствия в квартире кого-то еще, кроме тех троих! Я уж подумал было, что убийца заранее спрятался в квартире, только как же он потом запер за собой входную дверь на засов, да еще и цепочку навесил? Это мог сделать лишь сам Долганов!

— Не только, — вполголоса проворчал подполковник, вспомнив о еще одном действующем лице трагедии, которое, правда, всякий раз оставалось за кадром.

Да, кстати, какое у него сейчас лицо, какую новую фамилию взял академик Ардашкин?..

— Леша, из всех реалистических версий нам остается только одна — яд замедленного действия. Возможно, такой, после которого наступают галлюцинации. Стрелял же он в кого-то из «магнума»? Не иначе, как в привидение.

— Скорее уж, это — бытовая смерть, несчастный случай, — вздохнул Каморин. — Понимаешь, вскрытие уже провели, экспертиза поработала... Смерть в результате коллапаса, то есть резкого падения кровяного давления, как и сказал Сергей Сергеевич. Никаких отравляющих веществ в еде, напитках и на дне посуды не обнаружено.

— Ну, и ладушки, — успокоился вдруг подполковник. — Закрывайте с Шаравиным это дело, и пусть все идет своим чередом. Отправляйся-ка

ты лучше домой, как видишь, в сиделке я не нуждаюсь. И вот еще что… У меня к тебе просьба, Леша. Там мне сегодня телеграмма должна была прийти, ты уж, будь другом, заскочи на почту — это возле моего дома, ты знаешь. Покажешь удостоверение, они дадут ее тебе для прочтения. Отправитель телеграммы, некто Максим Максимович Логинов, по идее, должен сообщить, каким завтра рейсом прилетает из Якутска. Встреть его, пожалуйста, в «Домодедово» и доставь ко мне на квартиру. Потом вместе поедете в МУР, познакомишь его там со всеми нашими, к Кротову отведешь.

— А ключи от квартиры?

— Посмотри в сумке, Серега должен был их туда положить.

Алексей извлек связку ключей из бокового кармана баула и посмотрел на Бурава:

— Этот Логинов — кто он?

— Лейтенант полиции, будет стажироваться в нашем отделе. Н-да, и еще он, кстати говоря, сын мне. Что рот разинул? Я — Максим, он — Максимыч. Дошло?

— Дошло, — неуверенно ответил Алексей.

Глава тридцать вторая

Анастасия Плевако, вскинув на плечо спортивную сумку, наклонилась к водительскому окошку такси, щедро расплатилась за долгую, но такую приятную поездку из «Шереметьево» в Беляево. Подняла глаза. В сгущавшихся сумерках то там, то сям уже светились окна двенадцатиэтажки, с детской площадки неслись крики маленьких футболистов...

В самолете она боялась, что задохнется от волнения при виде этого подъезда, этих окон, однако сейчас Настя чувствовала лишь теплую усталость человека, вернувшегося, наконец, домой после долгих странствий.

Она отыскала глазами окна квартиры, где они с Бурцевым прожили два года. Темно. Максим, конечно же, задерживается на службе.

Анастасия не предупредила бывшего мужа о приезде, и вовсе не потому, что хотела огорошить его своим нежданным появлением — черт возьми, в их возрасте такие сюрпризы уже выглядят довольно пошло. Просто не позвонила, и все.

Она поочередно нажала кнопки кодового замка, вошла в подъезд, быстро взбежала по ступенькам на свой этаж и почти не удивилась, что ключ плавно повернулся в замке, дверь отворилась...

Настя зажгла свет в прихожей, и сразу же со стороны кухни послышалось кряхтенье, ворчание, переходящее в свист. Женщина вздрогнула, потом беззвучно рассмеялась.

Из клетки на нее с осуждением смотрел попугай, кланялся возмущенно, шипел и теребил клювом стальную проволоку. Жив, значит... А ее, конечно же, не узнал. Или как раз-таки узнал?

Анастасия медленно обошла квартиру. Бурцев явно бросил курить, воздух в жилище был чистым, без кисловатой примеси табачного перегара. Хм! Он еще и рыб завел, вот уж никогда бы не подумала... И рыбы-то все редкие, дорогие. А уж бардак кругом — не приведи Господи! Вот так, наверное, выглядят квартиры после обыска.

Она быстренько приняла душ, переоделась в свой халат (нашла его на прежнем, привычном месте), занялась приготовлением кофе. А потом стала дожидаться Бурцева.

Забавно получится, если вскоре ей придется вновь послать факс с прошением о разводе, только теперь не из Копенгагена в Москву, а из Москвы в Копенгаген! Что касается ее венчания с Валерой, то... Плевако в аэропорту «Каструп» обронил, что в зарубежной православной церкви вопросы расторжения брака решаются куда проще, нежели в Московском патриархате.

Настя представила, как откроется дверь, в проеме возникнет хмурый, подозрительный подполковник, и на душе у нее сразу стало холодно, тоскливо. Ничем, кроме взаимных попреков, изощренной пикировки и выяснения отношений их предстоящая встреча закончиться не могла. Бурцев никогда не простит ее. Злопамятный гордец! Такого человека можно любить только на расстоянии.

Анастасия раскрыла свою записную книжку, отыскала нужную страницу и набрала номер некоего Всеволода Егоршина — молодого человека, с которым ей завтра предстояло вести переговоры о покупке игорного клуба «Монреаль».

Первое, на что обратили внимание Максим Максимыч и Комар, когда утром ввалились в жилище подполковника с сумками и рюкзаком напере-

вес, так это — изящные туфельки, кокетливо стоявшие у входа. Пройдя в ванную, Макс-младший сразу увидел по-хозяйски расставленные кремы для тела, перстень с крупным изумрудом, забытый на стеклянной полочке перед зеркалом…

— У бати что, кто-то есть? — высунулся он из ванной.

Алексей не знал, что и сказать. Они с Буравом никогда не обсуждали эту сторону жизни подполковника.

На кухонном столе белела записка: «Максим, я тебя не дождалась, уехала по делам. Увидимся вечером. Настя». И тут же — номер мобильного телефона. Комар сразу понял, кто такая эта Настя, проведшая ночь в квартире Бурава, — грустную историю неудавшейся семейной жизни подполковника знало, почитай, все управление.

Пока Логинов плескался в душе, он после некоторых раздумий набрал номер мобильного телефона, оставленного для связи бывшей женой Бурава.

Было семнадцать часов по московскому времени (а в кассовом зале «Трансагентства» висела дюжина циферблатов, показывающих точное время в разных часовых поясах планеты), когда Всеволод Егоршин, наконец-то, приблизился к билетному окошку, протянул загранпаспорт и стопку тысячерублевых купюр.

— Богота, на завтра, пожалуйста, — севшим голосом сказал Сева. — Экономический класс.

Кассирша равнодушно пощелкала клавишами компьютера.

— Богота только на послезавтра, компания «Авианка», Колумбия. Посадка в Касабланке и Гаване. Будете брать?

— Давайте, давайте, — поспешно закивал головой Сева.

Он нервно притоптывал на месте: после известия о гибели Прохора Долганова несчастный Сева боялся даже сидеть взаперти у себя дома, не то что ехать в клуб «Монреаль».

Несколько часов назад Сева подписал в нотариальной конторе фьючерсный договор, согласно которому обязался продать гражданину Плевако Валерию Анатольевичу в лице его полномочного представителя Плевако Анастасии Викторовны клуб «Монреаль» за 5 миллионов долларов США. Договор автоматически вступит в силу после официального срока вступления означенного гражданина Егоршина в права наследника имущества своего дяди, Егоршина Вениамина Андреевича.

Гражданин Плевако в качестве аванса немедленно, в течение двенадцати часов после составления данного договора, вносит на счет Всеволода Егоршина в «Бэнк оф Нассау», Багамы, 500 тысяч долларов США.

Из Боготы Сева переместится в Картахену, на берег Карибского моря, снимет там недорогое бунгало и станет ожидать перечисления на свой счет всей остальной суммы.

А там видно будет...

Глава тридцать третья

— Ты знаешь, мне было очень приятно, что наш попугайчик жив... И что ты не сменил замок на двери.

Анастасия сидела в кресле напротив Максима Бурцева, машинально пила его минералку.

Они, казалось, переговорили уже обо всем, о чем можно и допустимо в подобной ситуации, но бывшая жена, совершенно не испытывавшая смущения от встречи с покинутым ею подполковником, продолжала находить все новые темы для обсуждения.

— У тебя классный сын, — искренне призналась она. — Мы с ним уже подружились. Знаешь, по-моему, он совершенно тебя ко мне не ревнует.

«Было б к чему ревновать! — недовольно подумал Бурцев. — Пятнадцать лет как развелись, елки-палки».

Лежа под капельницей, подполковник искоса поглядывал на бывшую супругу. Надо же! Столько времени прошло, а она почти не изменилась — густые длинные волосы пышут здоровьем, как и тугие щечки-яблочки.

— Видно, ты, жена, хорошо жила, — нараспев продекламировал Бурцев, он старался придать голосу шутливость, но вместо этого у него вышло как-то укоризненно, с оттенком досады.

— Хорошо жила, не состарилась, — подхватила Анастасия. — Когда твой юный друг Леша позвонил мне и сказал, что ты в госпитале, в отделении хирургии, я подумала, что ты ранен...

— Ну, извини, — буркнул Бурав. — Не оправдал ожиданий. Всего лишь брюхо свело. Завтра утром выпишут, Серега Груздин похлопочет. А где ты, кстати, собираешься жить? Я, вообще-то, рассчитывал поселить у себя сына. Боюсь, втроем нам тесновато будет.

— Я приказала подготовить себе апартаменты в клубе, — вздохнула Анастасия. — Мне ведь там все равно первое время придется сидеть безвылазно, персонал подбирать, финансовые вопросы еще всякие...

— Ишь, ты, не успела приехать, уже командуешь таким шикарным заведением... Стало быть, намерена бомбить Москву миллионами господина Плевако?

— И надеюсь, что результаты бомбардировки будут эффективными, — весело ответила Настя. — А ты что, не рад за меня?

— Да как сказать... В общем, я почему-то за тебя спокоен.

Она не поняла, что имел в виду бывший муж — и слава богу.

Максим, услышав о том, что его Настенька только что прикупила проклятое богом заведение под названием клуб «Монреаль», в первую минуту испытал что-то похожее на шок. Самые чудовищные догадки и предчувствия пронеслись в его душе... Но, поразмыслив, подполковник и впрямь успокоился. Ему казалось, что он почти наверняка разгадал хитроумный замысел академика Ардашкина. А именно: раз Анатолию Семеновичу не удалось напрямую завербовать Максима Бурцева, то он решил воздействовать на него посредством бывшей жены. Значит, ей ничего не грозит, коль скоро приобретение клуба «Монреаль» госпожой Плевако изначально было запланировано «черным академиком». Видимо, Ардашкин убежден, что подполковник вновь сойдется с Анастасией, и тогда оперативника запросто можно будет прибрать к рукам. Одно утешает: раз уж во время по-

следнего разговора Ардашкин снова дал поня́ть Бурцеву, что продолжает рассчитывать на их союз, то, стало быть, Анатолий Семенович не должен причинять зло супруге оперативника — бывшей и одновременно — будущей.

Если бы подполковник в эти минуты вспомнил о своей собственной теории, согласно которой реальная жизнь весьма далека от логических умозаключений, то он немедленно отвез бы Анастасию в «Шереметьево», посадил на первый же рейс до Копенгагена. Но он не сделал этого, позволив событиям развиваться «своим чередом». Похоже, в последнее время такая «политика невмешательства» постепенно становилась жизненным кредо подполковника Бурцева...

Академик Ардашкин не был ни Антихристом, ни, уж тем более, — Сатаной. Он был, всего-навсего, удачливым, не без таланта, ученым, который сумел-таки систематизировать и привести к общему знаменателю многочисленные незримые взаимосвязи между живой и неживой материей, прошлым и будущим, действием и его последствиями.

На базе этих данных он создал компьютерную программу «Мозаика», позволяющую Анатолию Семеновичу достигать поставленных целей самым коротким и необременительным способом.

И все.

Программа выдавала лаконичные, четкие рекомендации, но лишь по тем вопросам, которые были перед ней поставлены. Собственной инициативой «Мозаика» не обладала, да и решение она могла выдать лишь при наличии достаточной информационной базы. Поэтому престарелый академик ни сном, ни духом не ведал, кто такая госпожа Анастасия Плевако, сумевшая с ошеломляющей молниеносностью выхватить из рук Анатолия Семеновича игорный клуб «Монреаль».

Максим Бурцев слишком преувеличивал осведомленность своего противника. Подполковник как-то незаметно приучил себя к мысли, что академику известно абсолютно все, и Анатолий Семенович, как любил говорить известный политик, «держит события под контролем». Это было не так. Далеко не так.

Впрочем, Бурав позвонил бы Ардашкину, чтобы лишний раз убедиться в том, что он все правильно понимает, но у подполковника не было «обратной» связи с Анатолием Семеновичем. Ардашкин, в свою очередь, звонил домой подполковнику Бурцеву, но, разумеется, всякий раз нарывался на длинные гудки — Максим Юрьевич «загорал» под капельницей в Центральном госпитале МВД.

Эта цепочка взаимного недопонимания неизбежно влекла события к никем не предусмотренному исходу.

Глава тридцать четвертая

Максим Максимыч Логинов быстро стал своим в убойном отделе Московского уголовного розыска, его даже в шутку называли «Буравчиком». Макс-младший поначалу болезненно воспринимал такое странное прозвище, но Комар объяснил двадцатипятилетнему оперу, откуда, как говорится, ноги растут.

В первый же день, представившись полковнику Кротову, одобрительно глядевшему на крепко сбитую фигуру якутского стажера, лейтенант Логинов устроил в отделе «пивной путч»: он привез с собой целый рюкзак вяленой и копченой рыбы — хариусов, форели и даже омуля. Вечером все собрались на квартире подполковника Бурцева, правда, хозяин все еще пребывал в госпитале — несмотря на заверения Груздина, выписывать Бурава эскулапы МВД не торопились. Результаты анализов никак не хотели приходить в норму — причиной тому, конечно же, было нервное перенапряжение, выпавшее на долю подполковника за последние дни.

— Хорошо, что Бурава нет, — успокоил сыщиков доктор Груздин. — Он ведь очен-но любит пиво с рыбкой... А ему теперь нельзя.

— Слушайте, а какого черта два десятка мужиков теснятся в этой убогой квартире? — спохватилась Анастасия. — Забираем всю эту вкуснятину, и — айда, ко мне в клуб!

Все уже знали, что к Бурцеву вернулась жена, да еще с немерены ми деньжищами в придачу, и не сказать, чтобы эта новость находила благожелательный отклик в сердцах оперативников. Что-то здесь было противоестественное, даже неприличное...

А посему ответом на искреннее предложение госпожи Плевако было всеобщее молчание, сопровождаемое сосредоточенным обсасыванием рыбьих костей. Лишь доктор Груздин бесцеремонно обнял миллионершу и начал ей что-то вполго-

лоса втолковывать. Настя отстранилась, пожала плечами с таким видом, будто говорила: «Как хотите, воля ваша. Была бы честь предложена».

Анастасия по-хозяйски осматривала свои владения, заходила во все помещения клуба «Монреаль» и отдавала короткие распоряжения назначенному ею менеджеру, который исполнительно записывал пожелания директорши. Госпожа Плевако уже позаботилась о том, чтобы все более-менее популярные глянцевые журналы поместили ее фото с соответствующим текстом. Это потребовало расходов, разумеется, зато на обложках великосветских изданий красовалась «Новая хозяйка VIP-клуба «Монреаль»!!!»

Естественно, эта новость не осталась без внимания со стороны тех, кто еще совсем недавно были завсегдатаями элитного клуба. Молодая сексапильная хозяйка с двойным гражданством — это вкусно, очень вкусно... «Не сходить ли, не тряхнуть ли стариной?» — спрашивали друг друга бывшие клиенты «Монреаля».

Анастасия запланировала устроить грандиозную презентацию собственной персоны. Она разослала всем, кто когда-нибудь имел клубную карточку, приглашения на великосветский раут в «Монреале». Кушанья и напитки — бесплатно, плюс — гарантированный выигрыш в любом виде азартных игр.

Расчет оказался абсолютно верным. Российские «толстосумы» (как, впрочем, и датские) всегда были до изумления падки на дармовщинку, и предстоящая вечеринка в клубе «Монреаль» не сходила с уст в среде обитателей загородных резиденций и посетителей VIP-салонов.

Вновь происходила цепная реакция, подобная той, что еще совсем недавно чуть не погубила клуб «Монреаль», только направленность этой реакции была противоположной. Если месяц-два назад многие завсегдатаи отказались посещать клуб, потому что туда перестали ходить такие-то и такие-то лица, то теперь все происходило с точностью до наоборот: узнав, что они встретят давних знакомых, сильные мира сего спешили заверить их, что и они, в свою очередь, «будут непременно».

В сопровождении менеджера Анастасия спустилась по ступенькам лестницы и уперлась взглядом в тяжелую бронированную дверь. Как только госпожа Плевако пересекла невидимую линию, проходившую за три шага до двери, над ней вспыхнуло табло: «Стой! Опасно для жизни! Высокое напряжение!»

Настя опасливо отступила и резко повернулась к менеджеру:

— Что там?

— Надо полагать, Анастасия Викторовна, что в подвале расположены объекты технического обеспечения, — пожал тот плечами. — Такой клуб — это, знаете ли, весьма сложное инженерное сооружение... Противопожарные системы, сигнализация, мини-АТС...

— Да? А где схемы коммуникаций, силовых кабелей?

Менеджер был озадачен: подумать только, эта беззаботная фифа с легкостью манипулирует такими специфическими терминами... Сам он был, мягко говоря, не силен во всей этой физико-технической ерунде, поэтому смог только ответить:

— Я советую вам обратиться к прежнему владельцу, госпожа Плевако.

Настя набрала номер мобильного телефона Севы Егоршина, и женский голос проворковал в трубку: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

И это была истинная правда. Сева Егоршин загорал под пальмой возле своего бунгало под Картахеной, в благословенной Колумбии. Племянник покойного распорядителя клуба «Монреаль» впервые за долгое время ощутил себя недоступным для покушения на его жизнь. Он был вне зоны действия убийц своего дядюшки.

«Ладно, потом разберемся», — решила Анастасия и, вернувшись в зал ресторана, принялась обсуждать с шеф-поваром детали изысканного меню для предстоящего раута.

Она уже несколько раз звонила Валере в Копенгаген, и «господин Плевако» (так Настя мысленно именовала мужа в последнее время) был, кажется, доволен всеми ее деяниями. «Ты умница, — говорил он. — Так держать, детка!»

Глава тридцать пятая

Наконец Максим Бурцев дождался дня выписки из клиники. Неделя! Целая неделя бездействия! Такого в жизни Бурава не было уже... Дайте подумать... Черт знает, сколько лет! Пять дней голодовки, еще два дня на овсяной каше и жиденьком овощном супчике. Слава богу, теперь этот кошмар позади.

Не заезжая домой, он отправился в МУР на метро — прямо с больничными вещами. А то уж не подумывают ли в отделе убийств, что им вполне по силам обходиться без Максима Бурцева?

— Добрый день, товарищ подполковник! — услышал Максим звонкий мальчишеский голос и обернулся.

К нему с метлой в руке приближался улыбающийся Странник. Сергей, кажется, его зовут?..

— Добрый, добрый, — проворчал Бурав и пожал парню руку.

— Как здоровье, товарищ подполковник?

— Да ерунда все, здоров я, как тот Бурав, что живет на крыше. Ты-то что? Подыскал себе постоянную работу? Смотри, я тебя предупреждал: долго тебя здесь держать не будут.

— Да все в порядке! Мне так повезло, просто полоса удачи какая-то...

Бурав насторожился, ему, ни с того ни с сего, взбрело в голову, что Странник сейчас возьмет и объявит, будто он устроился кем-нибудь в клуб «Монреаль»... Просто наваждение какое-то! Всюду этот «Монреаль» мерещится.

— Меня, представляете, друг разыскал! — захлебывался от радости юный дворник. — Пашка Долганов, мы с ним вместе в Дании в тюрьме сидели. Целый месяц.

— Что за чушь? — разозлился подполковник. — Дания, Долганов, тюрьма... Ты раньше ничего про это не говорил!

— Да что теперь вспоминать-то, одно расстройство... — Странник скорбно потупился, но уже через секунду снова затараторил: — В общем, Пашка отыскал меня, пригласил в гости к своей девушке. У него, правда, горе большое, отец умер. Он и приехал-то на похороны, хотя не особо уж переживает, вот, жениться надумал... Невеста у него — тоже небедная, как говорится, деньги к деньгам. Их еще отец Пашкин познакомил, когда в Англию к сынку приезжал. Ее Лидой зовут, а Пашка называет ее Вишенкой. Симпатичная девчонка, собственный особняк имеет. Не особняк даже, а целое поместье за городом. Во как! Короче, Пашка предложил мне работать там бригадиром охраны. А если без преувеличений, то попросту сторожем. Спасибо вам за все, товарищ подполковник...

Бурав, не заходя в свой кабинет, отправился к начальнику отдела полковнику Кротову и изложил Хвату перечень необходимых запросов в городские и областные инстанции по делу об умышленном убийстве президента компании «Джокер ойл» Прохора Долганова.

— Так ведь пока вас не было, закрыли дело, — почесал затылок Хват. — Вроде бы и вы согласились, что там несчастный случай...

— Вскрылись новые обстоятельства, Геннадий Иванович, — веско объявил подполковник.

Кротов развел руками, словно говоря: «Бурав есть Бурав, отдохнули мы без него, пора и честь знать».

В кабинете Бурава и Комара появился третий стол — для лейтенанта Логинова. Оба молодых оперативника радушно приветствовали Бурцева, поднявшись со стульев и даже сдвинув ладоши в аплодисментах.

— Да перестаньте, — добродушно проворчал подполковник. — Я же не артист, в конце концов... Ну, молодежь, что нового по делу Долганова?

— Макс, я, как ты и велел, написал цидульку о прекращении дела в связи с отсутствием факта преступления, — радостно заговорил Комар, — но мы с лейтенантом Логиновым все-таки покопались в этом деле. Во-первых, я задался вопросом: почему такой богатый человек, как Долганов, не пользовался услугами телохранителей? Тут что-то не то...

— Короче, батя,— вступил в разговор Макс-младший, — я допросил Влада, начальника офисной охраны компании «Джокер ойл». Оказывается, у Долганова была-таки постоянная охрана, только — электронная. Его «мерседес» и все помещения в квартире были оборудованы скрытыми от посторонних глаз видеокамерами наблюдения, и Долганов мог в любой момент подключить их к просмотру на пульте охраны в своем офисе.

— Каким образом?

— Да очень просто, нажав кнопку на брючном ремне. Конечно, от снайперского выстрела эта аппаратура не спасет, да ведь и телохранитель в такой ситуации бессилен... Зато в случае похищения, аварии, сердечного приступа или возникновения иной опасной для Долганова ситуации охранники быстренько могли бы прийти к нему на помощь.

— Значит, его гибель зафиксирована на пленке?

— Так точно, — хмыкнул Логинов. — Только в тот вечер Долганов не переключал видеонаблюдение на монитор в своем офисе...

— Однако мы с товарищем лейтенантом и этим самым Владом съездили на квартиру Долганова и изъяли все видеокамеры, — подхватил Комар. — Вдова ни сном ни духом не ведала, что ее муженек понатыкал в квартире аппаратуру слежения! Она была просто в шоке... Так что теперь мы имеем полную картину событий того злополучного вечера!

— И ночи, — добавил «Буравчик». — В спальне тоже была видеокамера.

— Есть запись?

— Есть. Будем смотреть?

— Будем, — кивнул Бурцев.

После четырехчасового просмотра событий, предшествовавших гибели Прохора Долганова, Бурав в изнеможении откинулся на спинку стула, хотел, было, стрельнуть у сына сигарету, но одумался: не хватало еще снова начать курить!

Заключительную сцену в спальне магната они прокручивали несколько раз. Прохор Семенович шатаясь, разделся, подмигнул в камеру, потом напялил на себя пижаму...

И тут с Долгановым что-то приключилось, причем нехорошее, ох, нехорошее! Он стиснул голову ладонями, согнулся пополам. Камера не записывала звук, но оперативники догадались, что в этот момент на ночном столике зазвонил телефон. Долганов еле дотащился до него, снял трубку. Очевидно, Прохором Семеновичем от услышанного овладел приступ ярости: он шмякнул трубку об пол, выдвинул ящик ночного столика, и в его руке появился «Магнум». Сыщики увидели, как беззвучно разлетелся от выстрела телефонный аппарат, а Долганов, хватая воздух разинутым ртом, повалился на пол, «попутно» хряснувшись затылком об угол тумбочки возле кровати. Рука с пистолетом дернулась еще раз, и в абажуре торшера появилась дыра.

Больше Толстый Дог не двигался, камера продолжала равнодушно фиксировать, как под головой магната расплывается кровавая лужа.

— И все бы подтверждало версию о несчастном случае, если бы не запись пребывания господина Котова в туалете, — довольным голосом изрек Бурав. — Перемотай-ка, Комар...

На экране возник Котов. Владелец компании «Рэйнбоу» достал из кармана ручку и квадратный листок бумаги, принялся что-то быстро писать...

— Жаль, башка загораживает текст, — вздохнул Логинов.

— Но записка Котова у нас в руках, — веско ответил Бурцев. — И адресована она не какой-то мифической уборщице в его офисе, а...

— Инессе Долгановой! — выпалил Комар.

— Сечешь, — одобрительно кивнул Бурав. — Вы ведь видели, как Котов, вернувшись в гостиную, что-то передал под столом Инессе? А она

только плечами пожала. Это и была записочка, настроченная в туалете...

— И чего же он просит ее не убирать? — спросил Алексей.

— Не чего, а кого! — возгласил Бурцев. — Мы не там поставили ударение в первом слове. Долганова звали Прохор, вот его-то, Прошу, Котов и предлагает сегодня ни в коем случае не убирать! «Прошу сегодня не убирать! Ни в коем случае!» То есть — подождать, когда он станет совладельцем «Тюменских недр», отсрочить убийство на денек-другой.

— А он возьми да умри от перепоя, сердечко не выдержало, — мрачно усмехнулся Логинов. — Теперь акции «Тюменских недр» — тю-тю, останутся в руках известных одному лишь покойному Долганову людей.

— Насчет акций согласен, — поджал губы Бурцев. — Инесса и Котов упустили изрядный куш. Но... Относительно незапланированной смерти нефтяного магната я очень сомневаюсь. Все произошло по плану, и беда заключалась в том, что под конец вечеринки уже ничего нельзя было ни переиграть, ни отложить.

— Значит, Долганов к тому моменту уже был отравлен неизвестным ядом замедленного действия! — выпалил Логинов.

— Точно, — ткнул в его сторону пальцем подполковник.

— Макс, никаких отравляющих веществ нигде не обнаружено... — промямлил Комар.

В этот момент факсовый аппарат в кабинете утробно заурчал, и из его зева полезла широкая полоса бумаги.

Подполковник резво подскочил к факсу, принялся отрывать листы, наспех пробегая их глазами.

— А вот и ответы на мои запросы, — пробурчал он. — Могут быстро работать, когда кулаком по столу стукнуть!

— Что там? — подошел к отцу Логинов.

— Похоже, молодежь, убийцами Прохора Долганова были все трое — и Котов, и Инесса, и юная

секретарша Лидочка, — удрученно вздохнул Бурав. — Так я и предполагал... Вот сообщение из городского загса: гражданин Котов и гражданка Долганова подали четыре дня назад заявление о вступлении в брак. А что касается Вишняковой, то сын Долганова зовет ее Вишенкой и живет у нее в загородном особняке. Это я сегодня без всяких запросов выяснил.

— Постой, я, кажется, понял, — воскликнул Логинов. — Особняк, в котором живет Лидия Вишнякова, до этого принадлежал...

— ... Прохору Долганову. — Подполковник протянул парням справку из областного комитета по имуществу. — Два дня назад Вишнякова зарегистрировала свои права собственности на загородный коттедж Прохора Долганова. Дело в том, что она предъявила нотариально заверенную дарственную на особняк, которую ей оформила...

— ... Инесса Долганова! — восторженно подхватил «Буравчик». — Короче, суть ясна. Вишнякова и Инесса договариваются устранить Прохора Долганова, за это Инесса предоставляет юной сообщнице в виде отступного загородный коттедж стоимостью, как я думаю, в несколько миллионов долларов. Ну, чтобы компенсировать Вишняковой утрату жениха-толстосума. Но особняк при жизни Долганова принадлежит ему, и потому дарственная, оформленная заранее, вступает в силу только после смерти магната. То есть Лидочка была спокойна за свое будущее, когда согласилась стать соучастницей убийства: Инесса не смогла бы ее «кинуть», бумагу Вишнякова получила еще при жизни их будущей жертвы.

— А Котов? — напомнил Алексей.

— Давайте реконструируем замысел убийц с самого начала, — изрек подполковник. — Мы с тобой, Леша, совершенно неправильно понимали мотивацию всех действующих лиц, мы были убеждены, что смерть Долганова не нужна ни Инессе, ни Котову, ни Вишняковой. С одной стороны, это действительно так. Инесса, убивая мужа, лишалась бы крупного пакета акций компании «Тюменские недра». Котов получил отсрочку по выплатам долга фирме «Джокер ойл», так что ему совершенно ни к чему было устранять Долганова. Вишнякова собиралась замуж за Прохора Семеновича и уж никак не была заинтересована в его досрочной кончине. Но, как выясняется, у всей этой истории была и другая подоплека, и вот согласно ей-то все трое просто жаждали увидеть Долганова в гробу! — Бурав помолчал, ожидая реакцию слушателей, не дождался, почесал кончик носа: — Инициатором убийства была, скорее всего, Вишнякова. Один мой надежный информатор сообщил, что несколько месяцев назад юная секретарша познакомилась в Англии с сыном Прохора Долганова, Павлом. Очевидно, молодые люди сошлись, и старший Долганов стал помехой для Вишенки: она положила глаз на его отпрыска. Но чем склонить сына миллионера к браку, помимо своих внешних данных? У богатенького наследника таких симпа-

тичных девчонок — как грязи. Вишнякова поняла, что единственный способ окрутить Павла — это стать ему ровней, войти в его круг. Неожиданно секретарша-авантюристка обрела союзницу в лице законной супруги Долганова — Инессы. Видимо, женщины встречались для «разборок»... Инесса, похоже, была крепко обижена на мужа, ведь он давно пренебрегал ею как женщиной... К тому же к Инессе подкатывал Игорь Котов, и это понятно: он мечтал объединить свою торговлю бензином с долгановской нефтедобычей. Так сложился коллектив убийц-единомышленников. Лидочка, в случае успеха намеченного плана, получает особняк, ее рейтинг в глазах Павла резко повышается — кстати, так оно и вышло — по словам того же информатора, Лидочка и Павел собираются жениться. Котов навсегда избавляется от долгов фирме «Джокер ойл» и, вступив в брак с Инессой, объединяет компании. Инесса, в свою очередь, становится полноправной наследницей Долганова и заполучает «жеребца» Котова. Вот так! И все бы у них прошло гладко, если бы они выждали какое-то время: Вишняковой не надо было торопиться с особняком, а Инессе и Котову — с подачей заявления в загс... Но женщины не умеют ждать.

— Осталось все это доказать, — нахмурился Логинов. — Мало ли, что Инесса подарила Вишняковой особняк! У богатых свои причуды. И записка Котова — улика вовсе не бесспорная. Надо четко обосновать, что Долганов был отравлен!

— Яды — штука до сих пор не до конца изученная, — задумчиво произнес подполковник. — Поскольку Вишнякова — участница заговора, меня, в первую очередь, интересуют грибочки, которыми она накормила своего престарелого женишка.

— Вот заключение экспертизы по грибам, — с кислой миной достал бумагу Алексей.

— Посмотрим. — Бурцев углубился в чтение. — Так... Разновидность шампиньонов, именуемая в народе «коровниками»... Абсолютно съедобны, безвредны для здоровья... Приготовленное блюдо токсинов не содержит... Разрешены к продаже в мага-

зинах и на рынках Москвы. Леша, а что говорит экспертиза по поводу содержания отравляющих веществ в теле потерпевшего?

— А ничего, — развел руками Комар. — Такую экспертизу просто не проводили. Причина смерти установлена точно, следов ядов в продуктах, напитках...

— Понятно, не имеется. — Бурцев холодно оглядел оперативников: — В общем, мы здесь с вами занимаемся литературно-художественным трепом. Без достаточных оснований никто не даст разрешения на эксгумацию трупа, тем более — такого уважаемого трупа. К тому же, вы прекрасно видели, что Инесса слопала грибов ничуть не меньше, чем ее муженек. Вишнякова тоже ела свое рагу. И что? Обе живы — здоровы.

— Значит, пускай они торжествуют? — воинственно шмыгнул носом Комар. — И, как говорится, Бог им судья? Я не согласен!

— Я тоже, — добавил Макс-младший.

— А я, выходит, радуюсь, да? Ну, вас всех... — махнул рукой подполковник.

— Сергей Сергеевич, — обратился Комар к вошедшему в кабинет Груздину, — вот вы скажите, разве это справедливо, что выдающийся дирижер Брюмер сидит в следственном изоляторе, ждет приговора, а трое убийц, которые в жизни ничего не создали, преспокойно получат все мыслимые и немыслимые материальные блага? Брюмер, конечно, тоже убийца, но уж точно не такой мерзавец, как Долганова, Котов и Вишнякова.

— Очевидно, Леша, — задумчиво ответил Груздин, — этот Брюмер еще сохраняет какие-то шансы на жизнь, тогда как убийцы нефтяника — уже мертвецы. А закон мертвецов не карает. Как там сказано в Евангелии: «Бог не есть Бог мертвых, но живых».

— Верно, Серега, — кивнул Бурцев. — А эти трое — «суть гробы раскрашенные, что красивы снаружи, а внутри полны мерзости и нечистот».

Логинов изумленно переводил взгляд с доктора на подполковника — на секунду ему показалось, что отец и бородатый эскулап временно повредились рассудком...

Глава тридцать шестая

Комар хлебал суп, а напротив него, подперев щеку ладонью, сидела Ирина.

— Ну, как, вкусно? — сияя глазами, спросила она.

— Отменно, — кивнул Алексей и вдруг с подозрением заглянул в свою ложку: — Слушай, а это действительно шампиньоны? А то, бывает, вместо них на рынке какие-то коровники подсовывают... Помнишь, с неделю назад я тебе рассказывал про гибель нефтяного маргинала?.. То есть,

тьфу, магната... Так вот, перед смертью он и вся честная компания лопали эти самые коровники. Знаешь такие?

— Еще бы! У нас в деревне с их помощью бабы своих мужиков от пьянства лечили.

— Как это? — удивился Комар.

— Да вот такие это хитрые грибочки. Что ж ты мне тогда сразу про них не сказал, Леша?

— А что, это так важно?

— Да не то слово! — с упреком посмотрела на мужа Ирина. — Ты говорил, что Вишнякова выросла в деревне? Выходит, она знала, как управиться с Долгановым. Деревенские женщины жарят эти грибы, потом ставят на стол бутылку водки. В сочетании со спиртным в коровниках образуется сильный яд, ну, сродни этому... тетра...

— Тетураму?

— Вот-вот. В малых дозах он не смертелен и вызывает длительное отвращение к алкоголю. А в больших — может угробить мужика. Особенно если у него слабое сердце.

Алексей перестал жевать, перед его глазами стояли кадры пиршества на квартире Долганова. Инесса съела много грибов, но она абсолютно не пила спиртного — у нее на него аллергия. Котов пил стакан за стаканом, но к грибному рагу не притрагивался — он заявил на допросе, что у него нелады с кишечником. Вишнякова съела немного грибов, но пила только легкое вино — шампанское.

И только Прохор Долганов одновременно поглощал в больших количествах и грибы, и крепкое пойло! Все у них было хорошо продумано... Вишнякова готовит давно обещанные грибы, Котов старается напоить Долганова.

А кто звонил ему по телефону перед смертью? Скорее всего, Инесса. Она сказала Долганову что-то такое, от чего он пришел в ярость и стал палить в телефон. Или, может, у него начались галлюцинации?

— Большие дозы тетурама и его аналогов вызывают резкое падение кровяного давления, человек

слепнет, ему начинает мерещиться черт-те что, — подытожил доктор Груздин, когда на следующий день Комар в кабинете на Петровке, 38, изложил «деревенскую» версию Ирины. — Выходит, удар затылком об угол тумбочки был случайным и не смертельным. Он так и так отбросил бы копыта. Макс, добивайся разрешения на эксгумацию трупа, а я напишу медицинское обоснование.

— Товарищ подполковник, вы собираетесь на основании этих выводов возбудить уголовное дело против Инессы, Котова и Вишняковой? — подал голос «Буравчик».

— Лейтенант, — в тон Логинову начал подполковник. — Во-первых, Серега Груздин — свой человек, так что ты мог бы и без чинов. А во-вторых, уголовное дело буду возбуждать не я, а следователь Шаравин.

— Но под твоим нажимом, — вставил Груздин.

— Разумеется, — согласился Бурав.

— Мне кажется, это дохлый номер, — позволил себе усомниться Макс-младший.

Сергей Сергеевич и Комар насмешливо переглянулись: что и говорить, новичок еще в МУРе лейтенант Логинов, не успел уяснить, что для Бурава дохлых номеров не существует!

— Да любой адвокат сумеет выгородить этих убийц, — упрямо продолжал Максим Максимыч. — Попробуй, докажи, что Вишнякова преднамеренно отравила Долганова! Она скажет — я не знала, что коровники нельзя есть под водку, вот и все. Инесса и Котов вообще ни при чем, это их право, что пить или не пить, чем закусывать...

— Правильно излагаешь, — неожиданно кивнул подполковник. — Так оно и будет, суд оправдает убийц Долганова.

— Стало быть, ты просто хочешь попортить им нервы, запятнать репутацию, так, что ли? — скривился Логинов.

— Эх, сынок, — загадочно ответил Бурав. — Ты думаешь, для того, чтобы наказать преступника, надо непременно посадить его в тюрьму? Есть, сынок, вещи пострашнее.

— Объясни, — потребовал Максимыч.

— Охотно. Просто существует один молодой человек, который, независимо от решения суда, поверит в нашу версию. Наше дело — донести ее, то бишь, версию, до него.

— А дело-то возбуждать зачем? — спросил Комар.

— Так оно, знаете ли, убедительнее... — пожал плечами подполковник.

Через несколько дней после эксгумации трупа Прохора Долганова экспертиза определила наличие в тканях тела разновидности тетурама, по своей концентрации несовместимое с жизнью. Котову, Инессе и Вишня-

ковой предъявили обвинение в умышленном убийстве по предварительному сговору.

Впрочем, под стражу была заключена одна лишь Вишнякова, как организатор и непосредственный исполнитель преступления, Инесса и Котов отделались подпиской о невыезде.

Ознакомившись с материалами следствия, девятнадцатилетний Павел Долганов подал в суд на свою мать, оспаривая ее права на наследование состояния Толстого Дога. Имущество нефтяника было опечатано, в том числе — и особняк, где еще совсем недавно Лидочка веселилась со своим женихом. Теперь о ее свадьбе с наследником империи Долганова не могло быть и речи... Дарственную на особняк признали недействительной: еще не истек срок введения Инессы в права наследства. Подождать бы Лидочке с переездом в коттедж, да только увидела она на похоронах Толстого Дога блистательного Пашку Долганова и, потеряв рассудок, утратила осторожность...

Собрание акционеров «Джокер ойл», проинформированное о начавшихся судебных процессах, избрало президентом компании Павла Долганова, передав ему отцовский контрольный пакет акций. Павел, согласно предварительной договоренности, тут же делегировал все полномочия по управлению компанией совету директоров.

Одновременно с этим арбитраж признал недействительной отсрочку по выплатам компанией «Рэйнбоу» долга фирме «Джокер ойл», юристы опротестовали подпись Прохора Долганова, заявив, что он поставил ее в состоянии алкогольного опьянения (видеозапись им предоставил все тот же Павел Долганов, а ему, в свою очередь, — подполковник Бурцев). Впереди компанию Котова ожидало неизбежное банкротство. Теперь ему уже ни к чему была немолодая и не имеющая состояния Инесса Долганова, о чем он и заявил ей без обиняков.

Размышляя обо всей этой истории, подполковник Бурцев никак не мог взять в толк: а в чем же заключалась роль академика Ардашкина? У Бурава складывалось полное впечатление, что Анатолий Семе-

нович вовсе не выступал режиссером трагедии, разыгравшейся на Ленинском проспекте. Гибель Прохора Долганова была предопределена без каких-либо «вердиктов» академика.

И, пожалуй, Бурцев был недалек от истины. Ведь компьютерная программа «Мозаика» не способна превратить человека в убийцу, если он по складу своего характера таковым не является. Программа лишь использует пороки, устремления и наклонности той или иной личности, направляя их в нужное русло.

Для того, чтобы цепочка событий необратимо привела Прохора Долганова в могилу, академику Ардашкину понадобилось лишь приказать распорядителю клуба «Монреаль» Вениамину Егоршину положить на столик перед Лидочкой Вишняковой стопку английских журналов мод. И та, узнав, что ее стрижка «фокстрот» пользуется бешеной популярностью на Альбионе, уговорила Толстого Дога взять ее с собой в Оксфорд, где Вишнякова и познакомилась с юным Павлом Долгановым. Больше академику Ардашкину не требовалось вмешиваться в ход событий...

Что касается устранения хлебопека Абрамова, то здесь все было еще прозаичней: для этого, по «совету» «Мозаики», потребовалось простонапросто свести булочника Аркадия Крекова и владельца санатория для душевнобольных Вячеслава Градова. И Градов подсказал Крекову способ убийства конкурента.

Ликвидацию Вениамина Егоршина академик Ардашкин считал одним из самых изящных своих сценических творений. Анатолий Семенович попросил клубного распорядителя передать своему другу, дирижеру Брюмеру, сборник рассказов Честертона. Егоршин неукоснительно выполнил повеление Хозяина...

Первый же рассказ классика английской литературы поверг Брюмера в изумление — Господи, да ведь это то, что нужно! И он в очередной раз перечитывал историю о том, как хитрый вор, подметив, что наряд официанта схож с одеянием джентльмена, украл из ресторана столовое серебро...

Глава тридцать седьмая

Игорный клуб «Монреаль» вновь сиял мириадами огней, бегущих по украшенному колоннами фасаду, шесть рубиновых фонарей, расположенных пентаграммой (пять плюс один) пылали над крышей помпезного здания. Вышколенные официанты с достоинством передвигались от столика к столику, разнося бесплатную выпивку и закуски на любой, самый изысканный, вкус.

Как и прежде, то есть в лучшие времена элитного клуба, дамы в бриллиантах и горностаях оглядывали из-под полуопущенных век знаменитых

политиков, банкиров и артистов, деятелей шоу-бизнеса и промышленных воротил. То и дело слышались приветственные возгласы, звонкие рукопожатия и шлепки по широким, заплывшим жиром, спинам.

— Какую карту желаете прикупить, сэр? — учтиво спрашивал рыжеусого игрока породистый крупье за покерным столиком.

— Туза бубен, — мрачно отвечал вице-председатель правления банка «Норд-Вест» Александр Гаврилов.

— Па-а-жал-ста, ваш бубновый туз! — радостно восклицал крупье.

— Извольте, фульгент, — объявлял Рыжий Гарри.

— Поздравляю, ваш выигрыш — семьсот долларов! Господа, кто еще желает испытать радость победы?

И руки, усеянные перстнями и массивными печатками, жадно тянулись к картам... Это и были те самые «беспроигрышные ставки», обещанные в пригласительных билетах новой хозяйкой клуба «Монреаль».

Настя, одетая в черное вечернее платье, с алмазным колье на матово-бледной шее и изумрудным перстнем на пальце, элегантно лавировала между столиками, раскланивалась с гостями. Ее ухоженные ручки лобызались мужчинами наперебой...

«Надо же, оказывается, моя бывшая женушка — и впрямь светская дама! — удивлялся Максим Бурцев, глядя на всеобщее преклонение перед хозяйкой клуба. — Где это она так выучилась? В Дании? Или все-таки порода сказывается?»

По случаю торжества подполковник был вынужден купить новый костюм — его дотошно выбирала в бутике сама Анастасия. Комар и лейтенант Логинов пришли в обычных, то есть — нищенских костюмах, у Алексея был смущенный вид, а «Буравчик», напротив, выражением лица демонстрировал презрение к светским условностям.

Неожиданно для всех блеснул своим безупречным внешним видом доктор Груздин: оказывается,

у Сергея Сергеевича имелся шикарный смокинг, а в модный галстук бородатый врач воткнул старинную заколку с настоящим рубином.

Они вчетвером сидели за столиком в самом углу ресторана, откуда им хорошо было видно все праздничное действо. Икра паюсная и зернистая, устрицы на льду и мидии величиной с пудреницу, тигровые креветки и лангусты, мясная нарезка нескольких сортов, холодная осетрина трех видов, золотистая дыня и целая батарея бутылок различной крепости — все это, так сказать, для «затравочки», было выставлено перед «государевыми людьми».

— Давай, Серега, говори, что мне можно, а чего нет, — насупился Бурав.

— Водку можно, — милостиво разрешил Груздин. — Но только после того, как ты слопаешь несколько этих лошадиных креветок...

— Тигровых, Серега, — поправил друга подполковник.

— Один хрен, так и так — большие, — кивнул доктор. — Ну, и лангустика можно, пожалуй. А водочку будешь холодной телятиной закусывать, понял?

— Понял. Меня такая перспектива вполне устраивает. Фиг с ней, с икрой, осетриной, семгой...

Подошла Анастасия, сияя счастливыми глазами:

— Мальчики, я с вами посижу немного, ладно? Совсем замоталась... Ужас какой-то! Там один рыжий алкаш уже пятый раз норовит выиграть в покер на халяву. Вообще-то по одному пригласительному билету разрешается делать беспроигрышную ставку только один раз. Но он такой настырный!

— Представь себе, Настя, это банкир, — пояснил Бурав. — Сан Саныч Гаврилов. Он еще тебе кровушки попьет. А заодно и виски.

— А, черт с ним... Сейчас пить хочу я.

Никто из них не заметил, что со стороны лестницы, ведущей в подвальные помещения, показался высокий старик в деловом костюме и со шкиперской бородкой. В руке его был небольшой чемоданчик из белого металла.

Старик бесцеремонно встал за спиной Бурцева и Анастасии и обвел всех сидевших за столиком пристальным, тяжелым взглядом.

Бурав почувствовал это пронизывающий взгляд, обернулся и с притворным радушием воскликнул:

— Ба, Анатолий Семенович! И вы, стало быть, приглашены?..

— У меня нет нужды в приглашениях. Добрый вечер, мадам, — академик Ардашкин чуть склонил голову, — добрый вечер, господа.

Груздин, пристально всматриваясь в лицо старика, медленно произнес:

— Если не ошибаюсь, академик Ардашкин, собственной персоной?

— Совершенно верно, Сергей Сергеевич, — усмехнулся Ардашкин. — Стало быть, помните меня...

По лицам Комара и лейтенанта Логинова пробежала тень недоумения.

— Присядьте с нами, господин академик, — спохватилась Анастасия и сделала знак официанту. — Вижу, вы тут со всеми знакомы...

— Да нет, не со всеми, только со мной, Лешей и, как выяснилось, с доктором, — уточнил Бурав, который все еще не мог понять, как ему вести себя в столь неожиданной ситуации. — Позвольте вам представить, Анатолий Семенович: мой сын, Логинов Максим Максимыч. А эта дама — моя бывшая супруга, хозяйка клуба Анастасия Плевако.

— Ах, вот оно что, — протянул академик. — Вот, значит, как вы решили действовать... Это попиратски, дражайший Максим Юрьевич, попиратски!

«О, Господи! — пронеслось в голове у Максима Бурцева. — Он что, не знал, что Настя — моя бывшая жена? И теперь, выходит, думает, что это я навел ее с датскими миллионами на клуб «Монреаль»?

Подполковник угадал — именно так и думал в этот момент донельзя оскорбленный вероломством оперативника академик.

— Честь имею откланяться, — продребезжал Ардашкин, отстраняя официанта, пытавшегося предложить ему стул. — Извините, но мне придется испортить столь блистательную вечеринку. Зря вы втянули в это дело вашу очаровательную супругу, подполковник... — Он сделал несколько быстрых шагов по направлению к бронированной двери, ведущей в хранилище денег. Достал мобильный телефон, набрал код. Обернулся: — Знаете, будет хорошо, если вы срочно приступите к эвакуации всех присутствующих в клубе гостей.

Лицо академика исказилось, и он, высоко подняв руку, нажал на клавишу мобильного телефона. Оперативники, доктор Груздин и Анастасия, будто парализованные, смотрели, как Анатолий Семенович легко открыл заблокированную дверь в хранилище и скрылся в утробе комнаты-сейфа.

Максим Бурцев пришел в себя, кинулся к двери, стал в отчаянии рвать ее на себя... Но это было равносильно попытке пальцем взломать скалу.

В ночном небе кровавыми брызгами, с оглушительным хлопком взорвались шесть рубиновых фонарей, возвышавшихся над игорным клубом «Монреаль». Багровые осколки сыпались на мостовую, прохожих и поток автомобилей, будто апокалиптический дождь. Десятки противоугонных сирен взвыли на обширной клубной стоянке, соревнуясь переливами и голосистостью.

Голубые молнии с треском прочертили усеянный мириадами огней фасад «Монреаля», лампы лопались тысячами, ослепив улицу сатанинским фейерверком.

Фасад угас. Но здание тут же озарилось мощными языками белого пламени, вырвавшегося сразу из нескольких угловых окон. Среди всей этой адской феерии мало кто из перепуганных насмерть прохожих обратил внимание, как решетчатая дверца вентиляционной башенки, стоящей неподалеку от клуба «Монреаль», распахнулась, и в узком проеме показалась темная фигура.

Высокий мужчина, низко опустив лицо, протиснулся к клубной автостоянке, остановился между лакированным бортом «ниссана-патрол» и неприметными коричневыми «Жигулями», наклонился, будто поправлял штанину, и ходко зашагал прочь, к подземному переходу.

— Как все, однако, нелепо закончилось, — оглянувшись, пробормотал он, глядя на охваченный пламенем клуб «Монреаль». — Прощай, подполковник Бурцев, мне будет тебя недоставать...

Клуб «Монреаль» был оснащен не только противопожарной сигнализацией, но и пожарной системой — в прямом смысле этого слова. И система эта, расположенная на первом подвальном этаже, четко сработала по сигналу Анатолия Семеновича.

Все четыре стола в бильярдной по непонятной причине вдруг охватило пламя, игроки, на бегу охлопывая дымящиеся смокинги и меховые боа, ринулись к выходу...

В зале игровых автоматов творилось светопреставление: десятки «умных» машин вспыхивали, как спички, гоня прочь многочисленных любителей «одноруких бандитов».

Из кухни в зал ресторана выдохнула огненная струя, накрыла столики и сидящих за ними людей. Гурманы и гурманши, давя друг друга, с опаленными прическами и лысинами, валом валили к выходу, не соображая, где они, и что происходит. Скорей, скорей к спасительным огням запруженной машинами улицы!..

Не добежав до застекленного «предбанника», толпа обезумевших людей услышала громкий всхлип, вслед за которым звонко лопнули про-

зрачные стены, отделявшие помещение от внешнего мира — они были высажены столбом пламени. Попятившиеся было назад гости мадам Плевако вновь остервенело рванулись вперед, в образовавшийся необъятный проем.

— Макс, кончай возиться! — кричал подполковнику доктор Груздин.

Анастасия, Комар и лейтенант Логинов уже бежали к Бураву, чтобы оттащить его от бронированной двери в хранилище.

Они не успели на какую-то долю секунды: дверь внезапно распахнулась, и Максима ослепило неестественно белое пламя, вырвавшееся из комнаты-сейфа.

— А-а! — вскрикнул подполковник, опускаясь на пол.

К нему тут же подскочил Груздин, наклонился, оторвал от лица Максима прижатые ладони.

На него смотрели совершенно пустые глаза подполковника Бурцева — на светло-серой радужной оболочке не было зрачков.

— Твою мать... У него световой ожог!

— Комар! — заорал Бурав. — Задержи его!

Пламя в хранилище денег угасло столь же молниеносно, как и вспыхнуло, и лейтенант Логинов вместе с Алексеем ворвались в комнату, стены которой представляли собой сплошные ряды сейфовых ячеек.

На железном полу лежал опаленный труп высокого мужчины, правая рука его сжимала чемоданчик из белого металла.

— Он сгорел, Макс! — крикнул Каморин.

— Это не он! Не он! — слепо озираясь, стучал кулаком по полу Бурцев. — Ищите потайную дверь!

— Ты с ума сошел! — подбежала к нему Анастасия. — Сейчас на нас потолок обвалится!

Груздин вынул из кармана Бурава связку ключей и подозвал Логинова:

— Максимыч, иди, заводи «Жигули», а мы с Комаром обежим тут все по-быстрому, может, есть раненые...

— Давайте ключи мне, — решительно вмешалась Настя и повернулась к Логинову. — Ты лучше помоги отцу до машины добраться, ему срочно в госпиталь надо!

— Ушел, опять ушел, — сокрушенно повторял Бурцев, поднявшись с пола и опираясь на руку сына.

Анастасия умчалась к «Жигулям» подполковника. Помещения клуба «Монреаль» были пустынными, лишь языки пламени пробивались сквозь разверзшиеся дыры в полу.

Подполковник, поддерживаемый «Буравчиком», доковылял до выхода, к ним присоединились Комар и Груздин. В руке доктора был чемоданчик из белого металла.

— Раненых вроде нет, — буркнул Сергей Сергеевич, умолчав о погибших.

Они вышли в осеннюю ночь, охваченную завыванием сирен. Сквозь автомобильный затор к горящему зданию клуба пробивались пожарные, полицейские и реанимационные машины.

— Ну, где она? — раздраженно спросил Бурцев.

Настя махала им из окошка коричневых «Жигулей» подполковника. Зажгла фары, чуть подала назад.

Бурцев не мог все это видеть, перед его ослепшими глазами расплывались рваные белесые круги. Он лишь услышал, как где-то совсем близко раздался глухой взрыв, в котором на секунду потонули сирены и вой противоугонных систем. Плотной горячей волной Бурава повалило на лейтенанта Логинова, доктор Груздин влип в гладкий борт микроавтобуса, Комар чудом успел присесть на корточки.

— Что это было, Серега? — спросил Груздина Бурцев.

— А это, Макс, твоя машина взлетела на воздух, — тихо ответил доктор.

— Ну и шут с ней, давно пора новую покупать, — буркнул подполковник.

Лейтенант Логинов неотрывно смотрел на пылающий скелет «Жигулей», Комар, заслонив лицо от жара, механически сделал шаг вперед. Боковым зрением он заметил, что витрина бутика, расположенного напротив, рассыпалась от взрыва — хотя, может, это случилось еще раньше... Развороченные, оголенные взрывной волной манекены вывалились на тротуар.

Прямо перед Алексеем лежала на асфальте оторванная голая рука. Странно, оказывается, эти пластмассовые чучела набивают какой-то дрянью... Из локтя торчали розовые лохмотья.

Комар пригляделся. На безымянном пальце оторванной руки сияло знакомое изумрудное кольцо.

Эпилог

В столичном аэропорту «Домодедово» провожали домой лейтенанта Максима Логинова. Пролетела его месячная стажировка в МУРе, и так и не довелось подполковнику Бурцеву посидеть с сыном в родных стенах, под клеткой сердитого попугая.

Три недели Бурав провел в офтальмологическом отделении Центрального госпиталя МВД, над ним колдовали спецы по восстановлению зрения, и теперь подполковник вновь смотрел на мир своим чуть прищуренным взглядом, правда — сквозь солнцезащитные очки. Бурцев спал с лица, но фигурой раздобрел почему-то, раздался в плечах. В спортзал, что ли, начать ходить?..

Максим смотрел вслед удалявшейся по галерее аэропорта мешковатой фигуре сына. Обернется или нет?

— Не грусти, Макс, — обнял Бурцева доктор Груздин. — И не надо озираться назад. Не то горе, что позади...

— ... а то горе, что впереди, — закончил за него Бурав.

Комар приехал на проводы Логинова в полицейской форме. Он еще не привык к капитанским погонам и время от времени ощупывал свои четыре звездочки — то на одном, то на другом плече.

— Что ж, поехали, господа офицеры? — бодрым голосом спросил Алексей.

— Поехали, — отозвался Бурцев. — Знаешь, что я надумал, созерцая потолок своей палаты? Давайка, не валяй дурака, не ввязывайся в это дерьмо...

— Ты о чем? — растерялся новоиспеченный капитан.

— Да о том, как вам с Иришкой жилплощадь нарастить. Короче, без лишних слов: согласен поменять свою «однушку» на мою «двушку» в Беляево? Без доплаты. Условие только одно: я вам всю свою мебель оставляю, а вы мне — свою. И попугая вам тоже придется терпеть.

— Нет, Макс, у тебя мебель лучше, — промямлил Комар с глупым видом. И спохватился: — Да что мебель, ерунда какая! У тебя пятьдесят четыре квадрата, у нас — тридцать пять! И дом у тебя хороший, с лифтом... Это ты дурака валяешь, а не я!

Груздин мягко отвел капитана в сторону.

— Ты что, совсем ничего не понимаешь? Не может Бурав больше жить в своей квартире, е-мое! После того, как Анастасия... Он и сына из-за этого в Москве удерживать не стал, ведь она погибла вместо него... Между прочим, Макс-младший как раз правильно все понял.

— Серега, ничего, если я у тебя поживу, пока молодежь не освободит для меня свою квартиру? — подходя к ним, спросил Груздина Бурцев.

— Живи. Расходы на выпивку и закуску — пополам.

— Договорились. А откуда ты, кстати, знаешь академика Ардашкина?

— Хм, — усмехнулся доктор. — Четверть века тому назад он усиленно звал меня в свой секретный институт. На хорошую должность, между прочим.

Они вышли к платформе, где уже стояла электричка на Москву…

Развалины сгоревшего клуба «Монреаль» обнесли высоченным забором с табличками: «Хода нет! Опасная зона!» Поблизости от пепелища постоянно дежурили три-четыре человека — то ли охранники, то ли геодезисты — не поймешь...

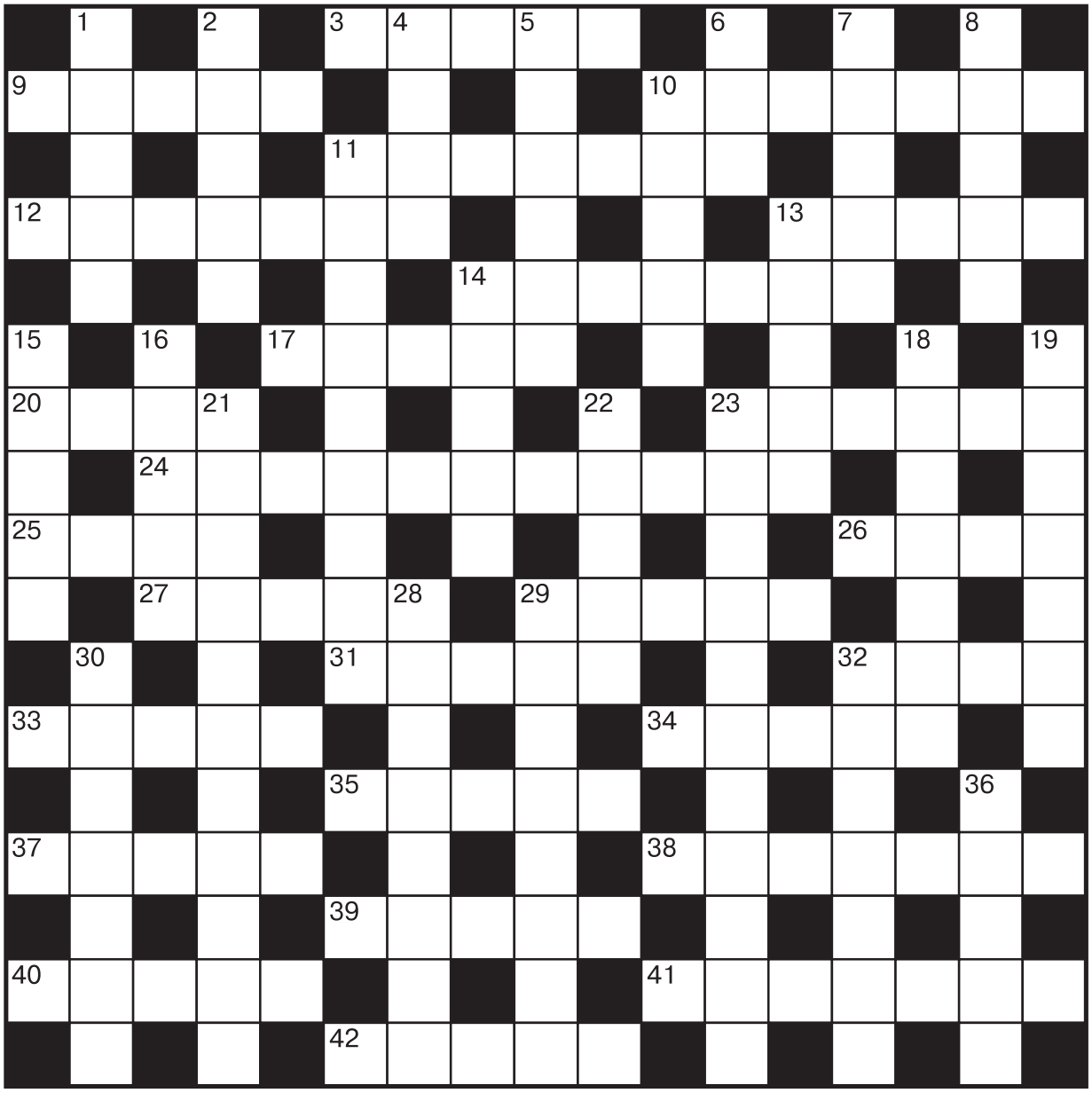
Однако вот ведь какая неприятность: долго ли, коротко ли, а сотрудники «Мосэнерго» стали фиксировать огромную утечку электроэнергии в районе развалин. Что за чертовщина? Руины давно обесточили, но, похоже, ток уходил по силовым кабелям куда-то под землю, где таился мощный потребитель.

Обнесенная территория считалась частным владением, и потому проникнуть туда без ведома хозяина сотрудники «Мосэнерго» не решились. Иностранец все-таки, хоть и русского происхождения... И руководство электрической компании послало рабочих во главе с инженером, чтобы найти и перерезать кабель за пределами частной территории.

На появление парней в спецовках и с отбойными молотками тут же среагировали «геодезисты» — они вежливенько попросили землекопов удалиться. Все шло к драке, работяги приняли на грудь и были настроены воинственно. Тогда к инженеру подошел старший «геодезист» и что-то пошептал ему на ухо.

С тех пор представители «Мосэнерго» больше не появлялись возле развалин клуба «Монреаль». ❑

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Налимов с лицом Михаила Боярского. **9.** «Фирменное ...» в ресторане. **10.** Поджаренный овес, ставший мукой. **11.** На каком холме волчица вскормила Ромула и Рема? **12.** Какой духовой инструмент открыл для симфонической музыки Людвиг ван Бетховен? **13.** «Жизнь все время отвлекает наше внимание» (мировой классик). **14.** Чем засыпали арену для гладиаторских боев во времена императора Нерона? **17.** «Я вас звал — кругом молчало все в ... Лишь луна ласкала ваш портрет». **20.** Жемчужина Средиземноморья. **23.** Гордость качка. **24.** Добыча антенны. **25.** Роль, с которой, как считает рок-звезда

Фил Коллинз, он совершенно не справился. **26.** «С улыбающимся человеком охотнее имеют ...» **27.** Что присмотрел себе в комиссионке герой фильма «Зимний вечер в Гаграх»? **29.** Искусство попадать голосом в ноты. **31.** Предвыборный ... кандидата. **32.** В Москве он Крымский, а в Нью-Йорке — Бруклинский. **33.** «Нам ... строить и жить помогает». **34.** Опера без слов. **35.** Мультипликационный моряк, любящий шпинат и красавицу Олев. **37.** Кутюрье Слава Зайцев считает, что «мода — для дураков». А что «для умных»? **38.** «Соседняя ... движется всегда быстрее». **39.** Биография «в иконописных тонах». **40.** Какая непогода привела в королевский замок героиню сказки «Принцесса на горошине» Ханса Андерсена? **41.** Перуанская шиншилла. **42.** «Месторождение» черной икры.

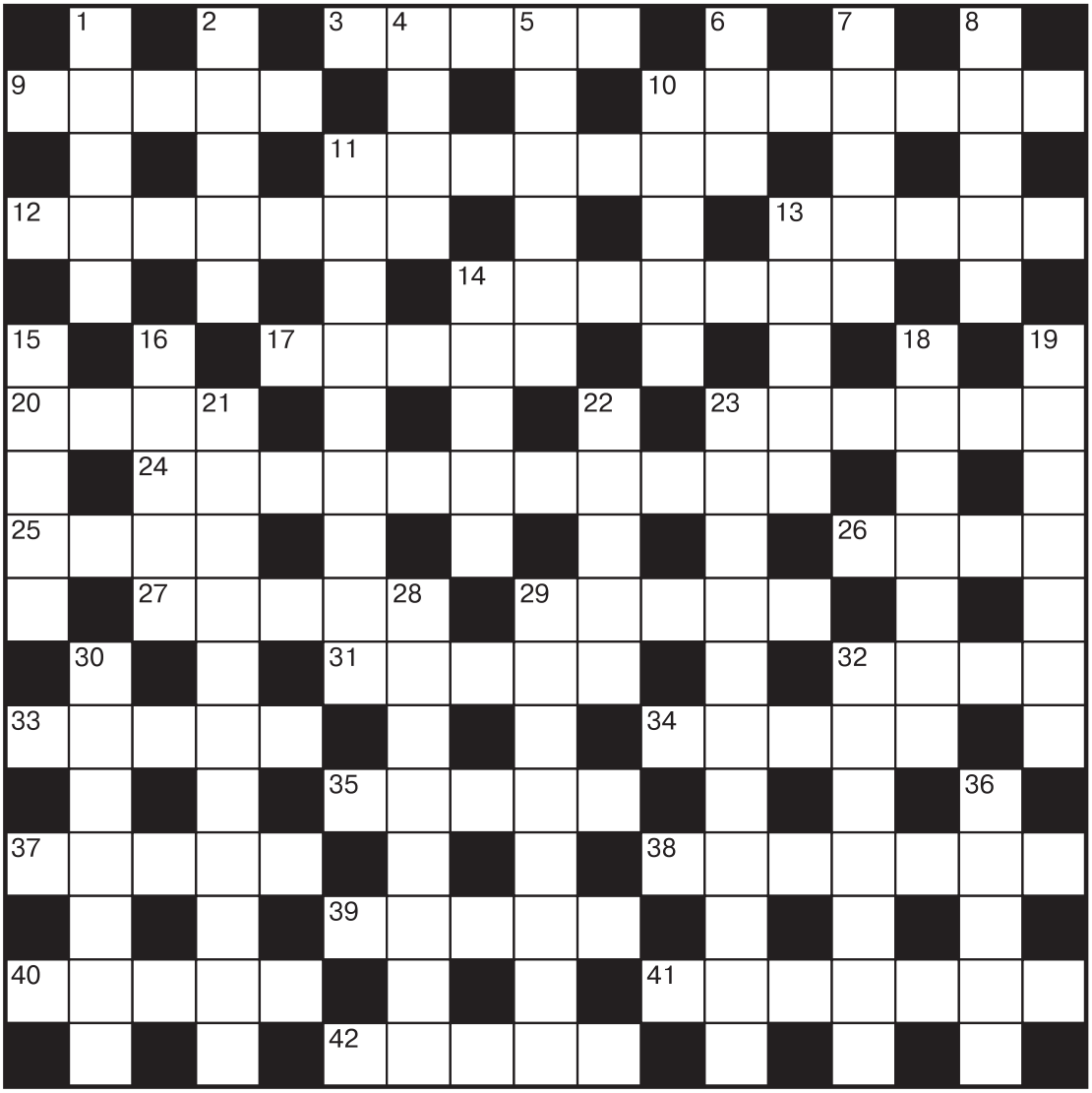
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Какой цветущей богиней выступила на одном из своих портретов Саския — жена великого Рембрандта? **2.** Первый американский президент, обосновавшийся в Белом доме. **4.** Какому элементу мир обязан открытием радиоактивности? **5.** «Гербовая гора» у армян. **6.** «Свадебная пора» у лосей. **7.** Овощ для кетчупа. **8.** «Агат скорби». **10.** «Один ... покинул сцену — мильон спешит ему на смену». **11.** Отечественная коробочка, украденная у киношного Шпака. **13.** Из какой ягоды жмут сок для лечения диабетиков? **14.** Какому аргентинскому футболисту в 2009-м году вручили «Бриллиантовый мяч»? **15.** Овощная трава, чьи семена идут для приготовления настоя, спасающего от бессонницы. **16.** «Сливочное масло для бедных». **18.** Шут булгаковского Воланда. **19.** «Винегрет» с кондитерской фабрики. **21.** «Мука мученическая» для романтика. **22.** На ком казино зарабатывает? **23.** Исполнитель на «русском банджо». **28.** «Понятой в законе». **29.** Оформитель лиц. **30.** Ковбойский жанр. **32.** «Паспорт грудничка». **36.** «Найти на лужайке штопор — ... гораздо большая, чем отыскать четырехлистник клевера».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Гамп. **6.** Фундук. **10.** Воробей. **11.** Банзай. **12.** Мюллер. **13.** Восторг. **14.** Калла. **17.** Дон. **18.** Ретромобиль. **21.** Токоферол. **22.** Ариадна. **25.** Петух. **26.** Голодание. **27.** Азот. **29.** Паланга. **30.** Давка. **31.** Деспот. **33.** Гутенберг. **36.** Дракон. **38.** Аура. **39.** Консилиум. **40.** Трал. **41.** Гусь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Геба. **2.** Монтан. **3.** Бой. **4.** Мороженое. **5.** Вестерн. **7.** Утюг. **8.** Долг. **9.** Карп. **10.** Вафля. **12.** Мраморное. **14.** Комод. **15.** Абракадабра. **16.** Блондинка. **19.** Совет. **20.** Депутат. **23.** Лонгфелло. **24.** Кандидат. **25.** Подстава. **28.** Папуасы. **29.** Порок. **32.** Обруч. **34.** Гуру. **35.** Дань. **37.** Нож.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Кто руководил первой советской экспедицией на Эверест? **6.** Князь бурятский, принявший в 1653 году подданство России. **10.** На каком холме близ Афин «великая босоножка» Айседора Дункан мечтала построить себе дом в античном стиле? **11.** Городовой на воровском жаргоне в дореволюционной России. **12.** Жена «двуликого Януса». **13.** «Грешный век» из индуизма. **14.** Ангольский танец с касанием пупками. **17.** «Король лириков» для Игоря Северянина. **18.** Трехкратная олимпийская чемпионка и первая в истории Финляндии женщина, ставшая знаменосцем сборной страны на Олимпийских играх. **21.** Итальянский классик, упомянутый в рассказе «Страшная минута» Александра Куприна. **22.** Певец, чей голос утолял в великом Данте «всякие горести». **25.** В какой горной стране наш путешественник Николай Пржеваль-

ский открыл гору Кремль? **26.** Аппарат, чтобы водопроводную воду сделать пригодной для питья. **27.** Платок из батика у яванцев. **29.** Шляпа на буковинце. **30.** Хоккей из Шотландии. **31.** Хищная морская рыба, чья чешуя идет на ювелирные украшения. **33.** «Математика» теории вероятностей. **36.** Чьих сорок девять сыновей испепелил Зевс? **38.** «Сопротивляться любви — значит снабжать ее новым оружием» (французский классик). **39.** Из-за чего Стив Джобс практически не мог читать? **40.** Что в XVIII веке доктора прописывали для предотвращения головокружений, эпилепсии, воспаления глаз, лихорадки и ожогов? **41.** «Хамелеон рок-музыки».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Любимая ищейка Шерлока Холмса. **2.** С кем у Мэрилин Монро был самый длинный брак? **3.** «Один оборот мельничного колеса» у древних русичей. **4.** Японская вендетта. **5.** Поэт Михаил Дудин однажды сказал: «Все войны начинаются с меча». А чем они, с его точки зрения, заканчиваются? **7.** Испанский бурдюк для вина. **8.** Колючая шиншилла. **9.** Особая примета на шее у Шарон Стоун. **10.** Секретарь при австрийском посольстве, чьи дневники помогли русскому художнику Василию Сурикову при написании картины «Боярыня Морозова». **12.** В какой стране отыскал натуру для фильма «Тихий Дон» наш Сергей Бондарчук? **14.** Какой дьяк стал первым учителем для будущего императора Петра Великого? **15.** Дама с рогом изобилия на древнеримских монетах. **16.** Вязкий чай у перуанцев. **19.** Гребец среднего ряда на античной триреме. **20.** Выдуманный мир из фантастических книг американца Раймонда Фэйста. **23.** Коронная песня из репертуара великого Федора Шаляпина. **24.** Самая ядовитая лягушка в мире, которая охотится на оленей и ягуаров. **25.** «Театральная касса» у древних греков. **28.** Африканская настольная «игра в зерна». **29.** Первый упоминаемый в летописях ... русов на Царьград относится к 860 году. **32.** Кто из Нобелевских лауреатов стоял у истоков химиотерапии? **34.** «Карты познания» для Элифаса Леви. **35.** Маскот Iron Maiden. **37.** Какая из африканских рек дважды замерзала?

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Тамм. **6.** Абакош. **10.** Капанос. **11.** Балдох. **12.** Ютурна. **13.** Калиюга. **14.** Земба. **17.** Фор. **18.** Кирвесниеми. **21.** Доницетти. **22.** Казелла. **25.** Тибет. **26.** Пурифайер. **27.** Икет. **29.** Паларія. **30.** Шинти. **31.** Тарпон. **33.** Актуариат. **36.** Ликаон. **38.** Санд. **39.** Дислексия. **40.** Зонт. **41.** Боуи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Тоби. **2.** Миллер. **3.** Мах. **4.** Катакиути. **5.** Молитва. **7.** Бота. **8.** Коро. **9.** Шрам. **10.** Корба. **12.** Югославия. **14.** Зотов. **15.** Либералитас. **16.** Эмольенте. **19.** Зигит. **20.** Келеван. **23.** «Дубинушка». **24.** Листолаз. **25.** Теорикон. **28.** Манкала. **29.** Поход. **32.** Эрлих. **34.** Таро. **35.** Эдди. **37.** Нил.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2014 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

*** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2014 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		**Индекс 71518** — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов **Индекс 70820** — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		**Индекс Ю9406** — только для подписчиков Республики Крым и г. Севастополя. Оформление подписки в том числе и через Специальный выпуск подписного каталога. Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		**Индекс 88998** — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Вы можете приобрести журнал в магазине «Московский дом книги на Новом Арбате»

Московский Дом Книги

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

смена №10, 2014

Фамилия Морозовых со временем стала почти что нарицательной — такой огромный вклад внесли представители этой династии в развитие промышленности, финансовой сферы, науки, образования, культуры и духовного потенциала России.
На протяжении многих веков русское государство осваивало обширные территории благодаря тому, что опиралось на предпринимательство и частную инициативу. История династии Морозовых — ярчайшее тому подтверждение.

Светлана **Бестужева-Лада**
«Морозовы — символ российского предпринимательства»

В судьбе этой женщины трудно разобраться. Кто она была — невольная соучастница преступлений своего нелюбимого мужа-императора или просто жертва его воистину дьявольских деяний? Достоверно известно только одно — внучка Ярослава Мудрого, дочка князя Всеволода и сестра Владимира Мономаха была отправлена в Германию в четырнадцатилетнем возрасте, и вернулась в родной Киев почти тридцать лет спустя, чтобы принять постриг и умереть. Евпраксия Всеволодовна, Адельгейда, Агнесса, Пракседа, безвестная монахиня — это все одна и та же женщина с трагической судьбой.

Денис **Логинов** «Русская императрица Римской империи»

Увы, реальный путь Франца Шуберта в искусстве был усыпан не розами, а терниями. Тем не менее, всего за четырнадцать лет он успел создать больше, чем многие выдающиеся композиторы за гораздо более продолжительный срок. В этом смысле с ним может сравниться только Моцарт. Шуберт не дожил и до тридцати двух лет, но на его счету огромное количество произведений всех жанров — от симфоний и опер до песен, которых он создал фантастическое количество — более шестисот. Но дело, разумеется, не в количестве, а в удивительной личности великого композитора.

Алла **Зубкова** «Песня длиною в жизнь»

Как о всяком великом человеке, о Нильсе Боре много рассказывают и пишут — как правды, так и небылиц. Сам же он часто говорил: «Если рассказывать действительно интересную историю, не нужно слишком придерживаться фактов». Его собственную историю, закончившуюся в ноябре 1962 года, уж точно не назовешь неинтересной.

Евгения **Гордиенко** «Копенгагенский стиль»

Криминально-приключенческая повесть Ии **Ийохимки** «Мойщик»

смена
№9 сентябрь 2014